

Лабиринты разума

Евгений Кострица

Направленная эволюция, породившая человечество, противостояние Чистых Миров и адских измерений, гибель и возникновение целых миров и таинственное исчезновение Защитника — одного из самых могущественных существ во Вселенной. Какую роль сыграют в этом эпическом представлении обычный человек и два юных божества-практиканта?

Нима расслабленно грелась на теплых камнях плато у аванпоста людей, окруженного отвесными скалами. Она любила эти островки человеческой цивилизации, затерянные среди бескрайнего океана дикого леса. Вертолетная площадка, администрация, лаборатория, инкубаторы и ангары для хранения яиц одомашненных зауроподов — вся зоологическая станция напоминала паука, замершего в серебристой паутине электрокарных дорог. Сама природа создала для людей идеальную крепость, осажденную непроходимыми джунглями, тянувшимися до самого горизонта.

Лениво жмурясь на солнце, Нима любовалась прелестной белокурой девочкой, возившейся с декоративными ящерами-анхиорнисами. Одного малыша взяла на руки и заботливо чесала ему пеструю спинку. Тот, блаженно затаив пленкой глаза, шипел от удовольствия, вызывая нетерпеливую ревность у зубастых собратьев. Маленькие и проворные, с яркими распушенными хвостами, они топтались около девчушки, отталкивая друг дружку оперенными лапками с небольшими когтями.

Мягкий овал лица, голубые глаза, нежная кожа — в окружении миниатюрных ящеров это чудо казалось прекрасным амурчиком, сошедшим с идиллической пасторальной картинки.

— Пап, а почему только в Австралии живут динозавры? — обратилась она к сидевшему рядом мужчине.

Отец неохотно оторвался от ноутбука. Новости занимали его сейчас гораздо больше детских вопросов, но дочка так трогательно морщила носик...

— Потому что тут живет моя маленькая принцесса, которая загладит их до смерти, — засмеялся он, указав глазами на ее пернатого питомца с мелкими и острыми, как иголки, зубами.

«Ах, если бы они только знали правду!» — на губах богини мелькнула улыбка.

***

Нима родилась на планете Килая, неожиданно материализовавшись в офисе дипломатического представительства прямо на глазах изумленных чиновников. В этот момент они обсуждали с тенями очередной приграничный конфликт, поэтому спрятать от них уникальную девочку не сумели.

Само по себе рождение фейри не являлось чем-то необычным для жителей Килаи. Они знали, что представители ее расы могли спонтанно возникнуть где угодно, не нуждаясь в родителях. Но никогда еще божество не рождалось в адских мирах, а Килая находилась именно там.

Согласно давнему договору, здесь разрешалось пребывание только горстке божество-колонистов с Чистых Земель. Местные жители с трудом терпели чужаков, а любознательная девочка могла создать массу проблем. К тому же, условия и обстоятельства именно ее появления были признаны очень странными.

Все началось с того, что в самый разгар суровой зимы у ворот посольства расцвело старое дерево, которое давным-давно считалось мертвым и использовалось сотрудниками в качестве арт-декорации. Большие огненно-красные бутоны среди голубых сугробов вызвали

волну тревожных слухов и пророчеств о скором явлении мессии. Новость о редчайшем феномене быстро достигла ушей высоких чинов Небесной Канцелярии. А вскоре после этого родилась Нима, и народная молва авансом присвоила ей сакральный статус.

Едва родившись, маленькая фейри стала предметом дипломатического конфликта и ожесточенного торга между божествами, объявившими ее «сокровищем расы и достоянием нации», — и тенями, считавшими девочку своей собственностью: по месту ее рождения.

После долгих споров и бесконечных согласований за ней все же закрепили гражданство Чистых Миров, но оставили на Килае под наблюдением местной администрации. Теням был нужен заложник на случай конфликта, а эта девочка подходила им как нельзя лучше.

Нима спокойно росла под присмотром сотрудников и дипломатов посольства. Казалось, про нее все забыли, но через несколько лет на планету с официальным визитом прибыла делегация политиков из центральных миров галактики. Обычно в такие делегации включали странствующих йогинов из Ордена Милосердия, стараясь умиротворить аборигенов и подчеркнуть свое миролюбие. Впрочем, следование этой нелепой традиции чаще всего имело обратный эффект, распалая ненависть и провоцируя агрессию: тени уважали только силу.

В Ордене хорошо помнили необычную историю появления юного божества. Прибыв на Килаю, йогин первым делом выяснил у сотрудников посольства, как отыскать Ниму. Ему небрежно кивнули на прилегающую площадь. Там, в пыли и грязи, возилась та самая фейри, которая едва не стала причиной войны.

Девочка сидела рядом с неподвижно лежащей тенью из местных «неприкасаемых». Несчастливая тварь плохо пахла и выглядела обессиленной, страдая от загноившейся раны в боку, где копошились толстые белые черви, жадно поедавшие плоть своей жертвы. Казалось, Нима думала, не прекратить ли ей страдания существа, просто свернув ему шею.

Странник тихо встал у нее за спиной, с одобрением наблюдая, как фейри доставала нож. Но она удивила его, когда аккуратно очистила рану от паразитов, видимо, рассчитывая спасти полумертвую тень. И уж совершенно точно йогин не был готов увидеть то, что произошло дальше.

К его изумлению, Нима зажмурилась и полоснула лезвием по собственной ноге, отрезав приличный кусок мяса. А после этого осторожно пересадила на него вонючих червей...

Она сумасшедшая! Выругавшись, пораженный йогин отобрал у девочки нож, схватил ее за руку и потащил к посольству, чтобы устроить выволочку «воспитателям».

Подробный отчет о «божестве сострадания» попал на стол к главе Ордена. На протяжении следующих нескольких лет его гроссмейстер использовал все свое влияние и богатства, чтобы выкупить у теней заложника. Добившись успеха, он взял девочку в ученицы Ордена и лично курировал ее, пристально следя за учебой и духовными практиками. Нима получила прекрасное образование. А вскоре для юной выпускницы нашлось подходящее место в одном из самых перспективных проектов галактики.

Примерно тогда же обнаружили Землю — которую тогда так еще не называли. Для ускорения колонизации девственную планету заключили во временной пузырь, и работа закипела. Тут было, где себя проявить. Возможности карьерного роста привлекали молодых и амбициозных божеств из самых удаленных провинций Чистых Миров, а с их первой волной на Землю прибыла и юная Нима.

Ее первым начальником в местном отделении Зоо-Дизайна стал маленький лепрекон с морщинистым лицом, вечно красным носом и болезненно обостренным чувством

собственного достоинства. Его звали Снорк.

— Ты хотя бы понимаешь, чем мы тут занимаемся? — надменно спросил он вместо приветствия.

— Да, ваша Высокобожественность. Я мечтала об этой работе и долго готовилась... — скромно ответила Нима, с трудом сдерживая смех.

Она ни разу прежде не видела лепреконов. Как в таком маленьком существе может уместиться столько тщеславия? Если он хочет произвести впечатление на других, то почему бы ему просто не сменить облик на что-нибудь действительно грозное и величественное?

— Ну так просвети меня, только покороче, а то в последнее время сюда присылают только никчемных бездельников. А за тебя просило очень влиятельное лицо, которое мне не хотелось бы разочаровывать...

— Конечно, ваша Высокобожественность. После адаптации серных бактерий здесь удалось вывести уже местные цианобактерии и археи, которые смогли накопить кислород. Его концентрация в атмосфере стала достаточной для аэробного дыхания, что дало нам возможность создать первые водоросли, высшие растения, а следом и беспозвоночных, которые как раз и являются моей специализацией...

— Достаточно! — небрежно махнул рукой Снорк. — Я читал твое досье. Займешься улитками. Но у нас тут не шутят. Межвидовая борьба и направленная эволюция — дело серьезное и безжалостное. То, чему тебя учили в Ордене, здесь не поможет, а, скорее, помешает...

— Я справлюсь! — торопливо кивнула Нима, опустив глаза.

— Слушай меня! Для начала научись хотя бы не перебивать старших! — рявкнул лепреконт, потешно топнув тоненькой ножкой. — У нас за каждый вид живых организмов отвечает сотрудник, который лоббирует их выживание. Рост карьеры зависит от успехов твоих подопечных. Будь жестче, старайся! Сохранить место под солнцем удастся не всем! Если твои питомцы не выдержат конкуренции с другими видами, отправлю обратно. Пусть плодятся и жрут друг друга, лишь бы не вымерли, дав перспективные мутации. Нам не нужны тупиковые и примитивные ветви развития, но на первых порах мы должны сделать местную флору и фауну сложнее и разнообразней.

Улитки стали любимым детищем Нимы. К счастью, они хорошо себя чувствовали в своей узкой нише, не претендуя на дефицитные пищевые ресурсы. Поэтому богине не понадобилось развивать им когти и зубы, чтобы отбиваться от агрессивных протее ее коллег.

Она до сих пор тепло вспоминала своих первых моллюсков и кембрийский взрыв видового разнообразия. Это было славное время. Никто не ограничивал полет воображения и энтузиазм молодых зоо-дизайнеров, и самые диковинные и фантастические существа наводнили планету, доказывая оригинальность и остроумность решений своих создателей.

Тогда казалось, что направленная эволюция откроет им двери к самым сокровенным тайнам вселенной. Будущее виделось прекрасным и безмятежным. Но вот прошли миллионы земных лет, и богиня поняла, что это время было самым светлым в ее жизни...

***

Нима сладко потянулась, расправляя белоснежные крылья. Ей не хотелось изводить себя ностальгией по прошлому.

Анхиорнисы тревожно защелкали зубастыми клювами, повернув головы, увенчанные

красными хохолками, к невидимому для людей божеству. Отец девочки подозрительно осмотрелся, но, ничего не обнаружив, вернулся к работе. Ему нездоровилось.

Казалось, обычный грипп — тянуло суставы и мышцы, ныла голова, немного знобило. Принципиально новый вид вируса, небольшие и безобидные мутации. Но зоологические станции разбросаны по всему континенту, далеко друг от друга, а любой физический контакт с внешним миром возможен только после трехмесячного карантина. Откуда могла просочиться эта зараза?

Ее происхождение оставалось загадкой. Болезнь не могла возникнуть из ниоткуда. Нима уже долго билась, изучая возбудителя странной болезни, но не нашла никаких официальных сведений, что над ним кто-то работал.

Может быть, секретный проект ситхов? Но те всегда занимались только крупными ящерами. Да и зачем им бы это понадобилось?

Раздался предупреждающий щелчок, которым по этикету у божеств принято сообщать о визите. Нима поспешно добавила в свою ауру темно-синие цвета усталости, намекавшие на занятость владелицы. Секунду подумав, насыпала перед собой горку земли, имитируя напряженную работу с микроорганизмами.

Не выдержав положенной паузы и разрешения на визит, над ней мрачной глыбой навис Снорк — теперь уже глава Планетарной Администрации. Разряды крошечных молний вспыхивали вокруг располневшей фигуры, свидетельствуя о скверном расположении духа.

Нима вежливо улыбнулась, гадая о причинах личного визита начальства. Она даже не помнила, когда в последний раз видела его на Земле. Что ему надо? Ее доклад он получил еще утром...

— Твой отчет! — прорычал Снорк вместо приветствия.

— Да, ваша Высокобожественность, я что-то напутала? — вкрадчиво спросила богиня, дипломатично переливаясь нежными оттенками розового.

Впрочем, специалисту ее ранга и опыта не стоит заискивать перед лепреконом, пусть даже и занимающим высокий пост. С недавних пор он вдруг стал стесняться своей внешности, позаимствовав образ типичного асура.

— Где новая статистика по человеческой микрофлоре? Надо все северное побережье! Срочно! — Снорк раздраженно поморщился, глядя на изысканный макияж ее ауры.

Ниме стало не по себе, и пришлось мягко притушить цвета, чтобы не разозлить его еще больше. Она еще не видела его таким разъяренным. Что он себе позволяет? На нее давн никто не смел повышать голос, разве что кроме парочки местных тираннозавров с дурными манерами. Должно быть, действительно случилось что-то ужасное. Обычно ироничный шеф сейчас сильно нервничал.

— Нам будет гораздо проще разобраться, если вы изволите сообщить мне, что стряслось... — ледяным тоном отчеканила богиня, наблюдая, как лицо начальника багровеет от гнева.

Снорк едва не вспыл от такой неслыханной дерзости, но, вспомнив, кто стоит перед ним, только скрипнул зубами от злости. Нима обладала значительным влиянием в головном офисе и, при желании, легко заняла бы любую административную должность.

К его счастью, богиня не претендовала на трон, испытывая необъяснимую слабость к длительным медитациям и духовному поиску. Будучи внештатным сотрудником, она зачастую надолго исчезала из вида. Учитывая ее заслуги и опыт, руководство махнуло на Ниму рукой, и она занималась, чем вздумается. И вот сейчас ее отчет поставил всех

аналитиков на уши.

— Пока трудно сказать. Данные обрабатываются. Не буду пугать тебя раньше времени, но дело с твоим отчетом пахнет скверно... — уклончиво пробормотал Снорк, не в силах простить столь вопиющее нарушение субординации. Лучше всего отомстить надменной богине, оставив ее мучиться от неизвестности.

— Неужели все так серьезно? Ну хотя бы предварительный вывод? — Нима придала взгляду умоляющее выражение. Даже аккуратно подкрасила ауру тонким оттенком тревожности и смятения.

— Предварительные выводы наводят на мысль об искусственном происхождении вируса, — многозначительно изрек шеф очевидное. — Сообщу, как только получу результаты анализа... — добавил он, чуть смягчившись.

— Хорошо, буду ждать... — покорно кивнула Нима, обиженно похлопав ресницами.

— И да, вот еще что... — Снорк замялся. — Тут два аспиранта прибыли на практику, возьми их к себе на время. Побудешь куратором.

— К себе? Я полевой оперативник! Зачем это мне? Пусть с ними возятся специалисты. У меня работы по горло! — запротестовала Нима, мгновенно позабыв о смирении.

— Штат сильно урезали. У меня и так за каждым закреплено по десятку юнцов. Никто даже имен их не помнит! В последний раз почти весь выпуск ушел к Маре, а нам нужны голоса на Совете!

Нима не могла поверить своим ушам. Да он с ума сошел! У нее нет ни специальных знаний, ни свободного времени. Юные балбесы ей всю работу запорют! Зачем ей тратить на них время?

— И не смотри на меня так! Справишься. Ветеран колонизации! — фыркнул Снорк и закатил глаза. — Знала бы, что творится в отделе после твоего рапорта! Все на ушах стоят! Еще не хватало, чтобы в такой момент мелюзга мешалась у меня под ногами! В конце концов, твой Мара ведь не просто так строит нам козни? — огрызнулся шеф и исчез, более не утруждая себя аргументами.

Нима прекрасно поняла его намек. Она устала чувствовать себя виноватой, всегда находясь в центре бесчисленных сплетен. Их уже тысячи лет без устали пересказывали любому божеству, впервые оказавшемуся на планете. Впрочем, молва о Ниме давно достигла самого отдаленного уголка галактики. Многие завидовали необычному происхождению фейри, и особенно — вниманию демиурга к ее скромной персоне. Сентиментальные божества мечтали о столь же красивой и романтической любви, во многом определившей ход земной истории...

Впервые посетив Землю, авангард исследовательской экспедиции обнаружил незримое присутствие «защитника». Феномен таких существ называли «эффектом ложного творца». Обычно это случалось, когда одинокое, но очень древнее и невероятно могущественное божество не знало, что во вселенной существует еще кто-то, помимо него. Если планета признавалась пригодной для колонизации, то встреча с таким божеством требовала аккуратности и осторожного подхода, иначе «защитник» мог навсегда «закрыть» ее от незваных гостей. В доступной части галактики подобных одиночек встретили всего пару десятков, но этот был уникальным.

После контакта с командиром отряда местный бог исчез. Впоследствии в рапорте отразили только официальную и очень сомнительную версию их единственного разговора. Подробности засекретили, а герой-разведчик стал первым асуром, которому официально присвоили ранг божества.

Его звали Мара. Нима прекрасно помнила их первую встречу. После планового совещания она покорно выслушивала очередные фантазии Снорка, когда увидела высокого асура с небольшой свитой. Его манера держать себя, походка и взгляд излучали уверенность. Богиня не встречала его раньше, но по поползшим вокруг шепоткам поняла, что их почтила визитом какая-то важная особа. И ей показалось, что абсолютно черные глаза этого красавца пристально смотрят именно на нее.

Опасный и умный хищник: четкие черты, обилие боевых шрамов (асуры ими очень гордятся)... Видимо, непростое прошлое. Властная осанка и жесткий взгляд — значит, сильный характер и принадлежность к высшей касте. Вместо волос на голове — клубок тонких белых змей. Казалось, они жили собственной жизнью, подозрительно рассматривая собеседника красными глазками.

— Так вот, представь... — продолжал зудеть Снорк. — Мы сделаем тетрахимене не два пола, а семь! Особи каждого пола будут способны скрещиваться с особями любого другого, кроме своего собственного: выходит, что у тетрахимены будет двадцать одна сексуальная ориентация!

— Зачем? — испуганно спросила Нима, невольно отступая.

— Затем! — улыбнулся шеф, довольный произведенным эффектом. — Никто до нас такого не делал! Нам нужно генетическое разнообразие! Мужские особи слишком часто погибают в бессмысленных конфликтах. Я устал читать статистику вымирающих из-за полового дисбаланса видов!

— Конфликты не бессмысленны, — осмелилась возразить Нима. — Они неизбежное следствие направленной эволюции. Самку должен получить только эффективный самец.

— Самые эффективные те, которые живут долго. Но, увы, обычно они совершенно бесполезны, поскольку даже не высовываются из своих нор. А в предсвадебной вакханалии погибают самые храбрые. Выжившие же слишком часто остаются без репродуктивных органов и не могут произвести потомство. Мы зря теряем драгоценный генетический капитал.

— А что изменится? Они перестанут сражаться за самку? Или как назвать эту двадцать одну толком не определившуюся особь? Не хотите представить себя на их месте? — богиня

не смогла сдержать иронии.

— Ну, теперь у них будут варианты... — краснея, пробормотал лепрекон. — Я хочу поручить тебе отработать эту перспективную технологию! Хватит на своих слизняках проедать наши гранты!

— Извините меня, ваша Высокобожественность, — задумчиво произнесла Нима, не сводя глаз с диковинных змеек на голове незнакомца. — У меня завал, а у нас нет специалистов, которым бы я доверила своих моллюсков. Боюсь, что не смогу взять этот проект. Но я бы порекомендовала отработать у проблемных видов автоматическую смену пола в зависимости от...

— Куда ты все пялишься? — не выдержал Снорк. — Да, это тот самый Мара, который открыл Землю. Присматривается. Его хотят перевести к нам. Добился-таки своего, стервец. Подумать только... Дали ранг божества! Хочешь, познакомлю?

— Нет, спасибо! — неожиданно смутилась богиня. — Мне интересна только работа...

Снорк хмыкнул, с сомнением посмотрев на нее, но ничего не сказал. В отделе ее действительно считали «синим чулком» и первое время пытались делать ставки на расу счастливица, который сумеет подобрать ключи к ее сердцу. К общему разочарованию, оно так и оставалось холодным и надежно запертым.

Вскоре Мара получил все права, позволившие ему начать работу в Зоо-Дизайне на равных с «высокорожденными». Ему поручили работать с трилобитами, и он превратил мирных, питающихся планктоном мокриц в огромных панцирных тараканов. Из-за резкого изменения их тела ему пришлось искать для подопечных новые пищевые ресурсы. Это вызвало закономерное недовольство коллег, отчаянно защищавших своих питомцев от хищников. После решительного отпора и нескольких неудач хитрый асур изменил тактику, пытаясь решить вопрос по-хорошему.

Зная, что Нима провела почти все детство в Ордене Милосердия, Мара выбрал своей целью ее, рассчитывая на доверчивость и добродетели жертвы. Как-то раз, придя к Снорку за консультацией, он «по пути заскочил» к богине, чтобы задать внешне невинный вопрос:

— Не могла бы ты помочь мне в одном деле?

— Что же хочет от скромной фейри Темный Властелин и Владыка асуров? — язвительно спросила Нима, хорошо знавшая о его конфликтах.

— Меня не любят в отделе, а ведь на кону перспективы моего народа... — вкрадчиво проворковал Мара, пытаясь изобразить отчаяние.

— И? — богиня делала вид, что не понимает, чего тот от нее хочет.

— На первых порах мне нужен хотя бы кратковременный успех, но у меня нет твоих знаний и опыта! — польстил асур.

— Придется терпеть и учиться. Я же не могу подарить тебе свои мозги, — холодно ответила Нима.

— Мы же делаем одно дело! Разве ты не заинтересована в успехе проекта? — Мара попытался прибегнуть к примитивной манипуляции. Не разглядеть ее могла только тупица, но вдруг эта ученая и холодная, как рыба, фейри пожалеет его? Наверняка же ее учили состраданию в Ордене!

— Чем именно я могу помочь? — Нима мило улыбнулась, старательно изображая участие.

— Твои улитки могли бы дополнить рацион моих трилобитов, чтобы те стали немного крупнее. Тогда они перейдут в другую весовую категорию, вырвавшись из тупиковой ниши,

где я не вижу никакой перспективы. Мне надо, чтобы их заметили, чтобы о них говорили! Со временем они составят конкуренцию самым крупным хищникам. В моих мечтах я вижу их царящими в океане, а потом и на суше, и даже...

— В воздухе, а затем и во Вселенной? — не выдержав, рассмеялась богиня. — Гигантские космические тараканы? В адских мирах их с избытком!

— Что плохого в стремлении добиться лучшего? — обиделся Мара, разочарованно отвернувшись от хохочущей фейри.

— Большое не всегда лучшее... — открыто издеваясь, многозначительно проворковала Нима. — Так что от меня-то надо? Я лично должна уговаривать улитку залезть к трилобиту в пасть?

— Я был бы очень признателен, если ты хотя бы не стала отращивать им толстую шкуру, рога, зубы и когти. Твои коллеги превратили своих существ в бронированные машины смерти, едва не вырезавшие моих бедняжек под корень!

— Значит, только броню, рога, зубы и когти? — быстро переспросила богиня.

— Да! Этого хватит. Я твой должник! — благодарно кивнул Мара.

— Договорились! — охотно согласилась Нима, с облегчением возвращаясь к работе, в то время как обрадованный асур довольно потирал руки, недооценивая врожденное коварство фейри.

Богиня сдержала свое обещание, ограничившись закреплением у моллюсков всего пары полезных мутаций. В результате ее обожаемые улитки неожиданно обзавелись ядом, и пустые панцири членистоногих Мары усеяли дно океана.

Взбешенный асур потерпел обидное поражение, но сама Нима произвела на него глубокое впечатление. Смирившись, он настойчиво оказывал ей знаки внимания и, в конце концов, добился перевода в ее проект. Богиня демонстративно игнорировала нового поклонника. Ей чудилась в нем некая зловещая inferнальность. К тому же, с ее точки зрения, его портила гордость и непомерные амбиции.

Нима не могла довериться столь самовлюбленному типу, хотя ловила себя на том, что иногда любовалась умным и brutальным асуром. Но работа была ее жизнью и не позволяла отвлекаться на любовные интриги и прочие глупости. Богиня очень гордилась ранней профессорской степенью и отточила искусство построения изящных спиралевидных раковин до совершенства. Несколько лучших ее проектов даже оказались в витринах музея Гармонии Божественной Эволюции, вызвав заслуженное уважение и зависть коллег.

Но Мара не отчаивался, маскируя надежды усердием. Он всерьез рассчитывал добиться со временем расположения ученой красавицы. Чтобы угодить ей, он искусно вел всю административную работу, включавшую служебную переписку, тендеры и утомительную грызню с заказчиками, подрядчиками и прочими мелкими бесами.

Довольно долго Нима работала с брюхоногими гастроподами. Они быстро заполнили планету, и Снорк доверил ей перспективных головоногих, которые давали больше времени для духовных практик: прежде под грузом напряженной работы богине редко удавалось выкроить время для медитации.

И все же результаты долгой учебы в Ордене давали себя знать, когда богиня настолько погружалась в проектирование очередной загогулины в панцире, что проваливалась в высокие сферы безмыслия. Так она удачно пропустила несколько ключевых катаклизмов. Когда паникующие ученые изводили несчастных тварей мутациями, ее ум парил в мистических измерениях безмятежности.

Многим казалось, что ее оставленные без присмотра моллюски неизбежно погибнут. Но ушлые слизняки оказались слишком примитивны и совершенно тупы. Им ничто не могло навредить, поскольку в раковину помещался только рот и желудок. Ломаться там было попросту нечему.

В итоге беспозвоночные Нимы удивляли начальство численностью и расширением границ обитания. А большая часть остальной флоры и фауны вернее гибла от поспешных и непродуманных изменений, чем от самого катаклизма.

Богине стали предлагать повышение, но она лишь беспечно отмахивалась, оставаясь верной своему призванию. Равнодушная к славе, Нима искала нечто особенное, проводя все больше времени в попытках безмолвного постижения бытия. Его смысл богиня никак не могла ухватить, но временами чувствовала вдохновение, которое спешила воплотить в чертежах новых подвидов ракообразных.

Мара же терпеливо вел дела возлюбленной, постепенно приобретая влияние, которое, наконец, позволило ему разлучить ее с ненавистными головоногими. Это оказалось нетрудно. Проекты Нимы, излишне успешные, израсходовали почти весь доступный карбонат кальция. Дно океанов покрылось равномерным и толстым слоем известняка, и с подачи асура на очередном заседании Божественной Комиссии подняли вопрос о рациональном потреблении планетарных ресурсов.

Снорк не смог защитить проекты Нимы, и бюджет урезали, хотя на ребрединг не поскупились. Раковины в одночасье стали немодными. Конкуренты сосредоточились на беззащитных и мягкотелых тварях, выбросив в мир сонмы новых слизней, губок, червей и прочих хордовых, иглокожих и членистоногих, поражавших унылым безвкусием.

Богиня ушла в себя, продолжив рисовать в уме образ совершенного моллюска. В ее мечтах идеальная раковина копировала спираль галактики, воплощая в себе неуловимую для разума Истину.

Чудаковатую богиню вывели из штата, и воплотить последние замыслы так и не дали. Понимая, кто пролоббировал роковое решение, Ним холодно рассталась с Марой. Интриган лишил ее постижения «сущности мироздания» в тот самый момент, когда оно, казалось, было так близко...

Несчастный умолял о прощении, обещая вручную таскать кальций с соседних планет, но красавица осталась глуха к его стенаниям. Богиня словно спрятала сердце в прочных панцирях головоногих, куда не могло достучаться пылкое красноречие влюбленного до потери рассудка асура.

Разъяренный Мара дал себе клятву добиться взаимности и удалился в «нижние миры» зализывать душевные раны, изучая теней. Никто больше не докучал Ниме назойливым обожанием, и она облегченно вздохнула, привычно погрузившись в проблемы пищеварения своих аммонитов.

Между тем на планете назрел очередной масштабный кризис. Потеря раковины для медлительных тварей оказалась очень болезненной. Жирные и богатые белком существа встретили у хищников радушный прием, став излюбленной и слишком легкой добычей. Местная фауна мгновенно переключилась на более доступные жертвы, рацион поменяли даже доселе мирные травоядные.

Дизайнерам пришлось резко увеличить плодовитость новых моллюсков, но, несмотря на это, пищевые цепочки быстро сократились до минимума. Количество видов резко уменьшилось, а вместе с тем отпала необходимость в их кураторах.

Неожиданно обнаружилось, что эволюционные и социальные механизмы работают одинаково. Ветераны колонизации оказались без работы и вернулись на родные планеты, где тратили время на всякие глупости, грозя превратить Чистые Миры в царство хаоса. А те, кто остался, пытались любым способом устранить конкурента, боясь лишиться места. Сотрудники успешно избавлялись друг от друга, сокращая штат Зоо-Дизайна. Дошло до того, что некие умники предложили выращивать жертв сразу в желудке хищников, сведя количество видов к двум. А лучше к одному: сытая тварь и дизайнер. Или даже объединить обоих.

Этот цирк скоро надоел руководству. На внеплановом совещании оно признало ошибку, решив смыть позор очередным катаклизмом. Аналитики просчитали все варианты, и вскоре планету сотрясли взрывы исполинских вулканов. При соприкосновении лавы и воды выделились гигантские тучи сернистого ангидрида. Облака ядовитого пара быстро окутали планету и охладилась, выпав на землю в виде кислотных дождей.

Почти вся морская фауна вымерла сразу. К счастью, подвели подрядчики, да и квалифицированные кадры успели разбрестись по галактике. Некоторым существам удалось выжить, и на них просто махнули рукой. Среди везунчиков оказались и реабилитированные подопечные Нимы. Вернувшись из созерцания «прозрачной мысленной ясности», она с удивлением обнаружила обилие свободного места для аммонитов.

Некоторое время ушло на ожесточенные дискуссии по новым векторам направленной эволюции. В то смутное и нелегкое время многое пришлось начинать с нуля. Перед Нимой извинились и попросили вернуться.

Ее не пришлось долго упрашивать, она обожала работу. Отделы, комитеты, комиссии и многочисленные рабочие группы с удвоенной силой принялись проталкивать свои наработки. Именно в такое время новые центры влияния надолго определили бы будущее. Но никто тогда не мог и представить испытания, ожидавшие самоуверенных экспериментаторов...

После неудачи с беззащитными слизняками уволенные сотрудники забросали Небесную Канцелярию жалобами. Не мешкая, та прислала комиссию для проверки, и перед изумленными ревизорами предстали ужасные последствия вулканического катаклизма.

Их возмутила не массовая гибель живых существ, а бездарность администрации и вольное обращение с финансами. Как водится, деньги в этом хаосе все разворовали, а последние отчеты и сводки оказались липовыми. Начальство тут же уволили, сослав исправляться на границы адских миров, а все работы по проекту на время заморозили. На планету прислали нового управляющего, который стал неспешно подбирать под себя команду и еще долго входил в курс дела.

Оставшись без чуткого руководства, природа облегченно забурилась, породив самые необычные жизнеформы. К всеобщему удивлению, без посторонней помощи они получались гораздо выносливее прежних существ. К столь же логичному и удручающему выводу пришли и аудиторы Небесной Канцелярии.

Упавшие духом сотрудники не имели ни сил, ни желания работать. Отделу Зоо-Дизайна грозило расформирование. Требовалось как-то оправдать его существование и огромный бюджет. Никто не хотел высовываться с инициативой и рисковать, поэтому разумных предложений, которые бы воскресили полумертвый проект, в Канцелярии не дождалось. На горизонте замаячило прекращение федерального финансирования.

К счастью, все разрешилось само собой. Вернулся Мара. В это непростое и смутное

время разозленный асур черпал творческое вдохновение в «нижних мирах». Там у него появилась масса свежих идей, и нарисованные им перспективы выглядели многообещающе. Его репутация была не запятнана сомнительной заварушкой с вулканами и тесными связями с прежней администрацией. Ему выдали карт-бланш, и работа вновь закипела.

Численность сотрудников быстро превысила докризисный уровень, дав возможность Мару вложиться в новые проекты со всей своею яростью и жаждой признания. Гигантские хищные ящеры стали выражением его неразделенной любви и обиды.

Все должно стать крупнее, выше, опаснее! Больше мяса, которое бы могли рвать острые зубы и когти!

Новые твари отличались завидной свирепостью, а мутации наделяли их все более смертоносными орудиями убийства. Между амбициозными создателями началась настоящая «гонка вооружения подопечных». Видовое разнообразие самых жутких и отвратительных монстров, словно выползших из адских кошмаров, поражало воображение. Мара стремился изумить любимую богатством своей неумемной фантазии и величием замыслов: так мальчик таскает к симпатичной девочке страшных пауков и мерзких лягушек.

Но Нима держала дистанцию. Она по-прежнему пыталась видеть во всем лишь «гармоничное совершенство проявленного», не обращая внимания на безумные работы поклонника. Кровожадный мир не имел ничего общего с чистой и одухотворяющей красотой ее раковин.

Планета теперь напоминала большой полигон, где изобретались и обкатывались бесчисленные виды страданий. Земля грозила превратиться в адское измерение, где всегда шел нескончаемый бой. Мир словно сошел с ума, и получать прежнее удовольствие от работы богине стало труднее.

Достаточно было посмотреть, как выглядит существо, чтобы оценить и понять, что представляет собой его куратор. Только немногим нравилось заниматься, к примеру, прекрасными бабочками. Кровососущие, заглатывающие и раздирающие плоть твари становились все популярнее. Треск костей, трепещущие груды мяса и моря теплой крови вызывали у божеств такие эмоции, что они все больше становились похожими на диких асуров или даже на собственных тварей.

Уровень агрессии быстро повышался, и у сотрудников Зоо-Дизайна начали происходить пугающие изменения в психике. Все чаще боги сами принимали вид динозавров, оправдываясь тем, что так легче оценить функциональность проекта. К несчастью, чувствовать себя машиной убийства многим понравилось. Божества проводили все больше времени в поле. Они столь увлеченно разрывали друг друга зубами, что теряли ясность мышления, а иногда и память. Попытки вернуть беглецов в офис привели к рецидиву и окончательному помешательству несчастных ученых. Некоторых удалось отправить на родину и даже частично сохранить рассудок. Но о дальнейшей судьбе этих сумасшедших больше никто так и не слышал.

Многих же вообще не удалось поймать в джунглях. Их следы затерялись, но, спустя миллионы лет, среди людей начали рождаться легенды. Разумная белая акула, затерянный в шотландском озере плезиозавр, китайские драконы с одной или тремя головами — кто знает, что они чувствуют и где до сих пор бродят?

Недовольный шепот ученых становился все громче, и, в конце концов, дошел до чиновников Канцелярии. Там его, наконец, услышали, вспомнив, что изначально проект затевался для создания разумного существа, похожего на божество, а не на кровожадного

крокодила. Пригласили новых экспертов и консультантов для разработки альтернативной модели развития, и кресло под Марой зашаталось. Внеочередное заседание Планетарной Комиссии вошло в историю. Большинство посчитало прежний курс ошибочным.

Меньшая же часть, во главе с Марой, утверждала, что слишком поздно начинать заново. Потрачено много времени и сил. К тому же, никто не мог отрицать вероятность новой ошибки. Всегда можно упереться в очередной эволюционный тупик. А если раскольникам так нейдет, то разум гораздо удобнее создать в черепе тираннозавра. Тираннозавр большой и зубастый, а значит, будет обладать убийственной логикой. Это естественное преимущество сильно сэкономит ресурсы.

Им возразили, что спор с вершиной пищевой цепочки невозможен, поэтому крупные ящеры не разовьют мозг до нужного уровня. Да и дурные манеры динозавров пугали даже самих дизайнеров. Существа Чистых Миров испытывали естественную потребность в тонких и возвышенных наслаждениях. Никто из них не хотел страдать от грубых негативных эмоций.

С этого момента большинство решило именоваться джедаями, а сторонники Мары — ситхами, провозгласив его демиургом. Осталась еще небольшая часть сотрудников: с поврежденной психикой — которые жажду разрушения и нездоровое влечение к страданиям живых реализовали бы на любом пути развития. Джедаи успели первыми посулить им перспективы и полную творческую свободу. Это решило исход голосования, но создало большие проблемы в будущем.

Небесная Канцелярия учла негативный опыт. Чтобы не складывать все яйца в одну корзину, ситхам разрешили образовать собственную организацию на отдельном материке, постепенно дрейфующем от Гондваны. Они получили солидное финансирование под своих динозавров и больше не вступали в открытое противостояние.

Как повелось, перестройку начали с глобального катаклизма. На этот раз все получилось удачней. Удар астероида на время превратил планету в ад. Плотная пыль на несколько десятков лет скрыла небо. Высокий уровень диоксида углерода в атмосфере, лесные пожары и резкие колебания температуры сделали невозможным выживание крупных травоядных ящеров, а за ними пропали и хищники.

Изменился климат, необходимых микроэлементов не хватало, и толщина яичной скорлупы становилась все тоньше. В результате гнезда чудом выживших динозавров быстро разорили мелкие проворные бестии — млекопитающие, на которых джедаи и сделали новую ставку.

Долгожданный прорыв в исследованиях наконец-то привел к созданию первого гуманоида с зачатками разума. Успеху Земли аплодировала вся галактика, а репутации ортодоксов Мары был нанесен сокрушительный ущерб. Зоо-Дизайн сумел пережить несколько планетарных катастроф, но не появление человека. Руководство решило, что управление людьми требует вложения серьезных ресурсов, и распустило организацию сразу по окончании ледникового периода. Так удалось прикрыть и большие растраты, когда были потеряны мамонты и саблезубы.

Вывели несколько видов людей: от пигмеев-островитян, изолированных на островах южных морей, до мохнатых гигантов с заснеженных гор. Но хорошо показали себя только неандертальцы и кроманьонцы, охотно скрещивавшиеся между собой, что не раз вызывало межвидовые конфликты. В результате первые вымерли, а вторые быстро заселили завоеванные территории. Поскольку конкурентов у победившего вида не оставалось, люди

принялись с энтузиазмом истреблять уже друг друга.

Божествам понравилось играть с хомо сапиенс. Они оставили наконец природу в покое, а специалисты разошлись по отделам Планетарной Администрации. К сожалению, изменить мир к лучшему так и не смогли.

У Мары не получилось наделить ящеров разумом, и ситхи мстительно вредили джедаям при любой возможности. Это быстро превратилось в войну за влияние на умы и сердца в человеческом мире. Земля стала чем-то вроде шахматной доски, за которой противники наслаждались умной и сложной игрой, передвигая фигурки.

Скрытый конфликт мирно тлел, не доставляя никому особых хлопот, пока две с половиной тысячи лет назад недавно образованный Отдел Пророков и Мессий не создал свой первый секретный проект. Он привел к очень неожиданному результату. Внезапно появилась концепция, нашедшая сторонников даже в Чистых Мирах, что в очередной раз больно уязвило гордость и самолюбие их обитателей.

Зерна упали на благодатную почву. Древняя легенда об «Истине Бытия» обрела новое дыхание. Цветок забытых мифов и древних пророчеств распустился. Мир изменился. Творцы попали под очарование идей своего же творения и уверовали в истинность мифов о собственной тварности. Они сумели создать разум, но сами так и не увидели ни собственных создателей, ни откровения. А теперь многие из них уже верили в то, что оно доступно лишь избранным людям...

В Небесной Канцелярии увидели отличный механизм для манипуляции массами и зачищать Землю от новой заразы не стали. Планета впервые пережила кризис руководства без глобального катаклизма, а расслоение среди жителей Чистых Земель приобрело религиозный характер.

Ситхи быстро поняли все преимущества, которые сулил новый передел мира, и постарались взять под контроль «Отдел Пророков и Мессий». В течение следующих столетий они, по крайней мере дважды, терпели обидное поражение, прозевав появление мощных религий, мгновенно распространившихся даже по периферии галактики.

Мара несколько раз пытался основывать собственный культ и иногда даже добивался кое-каких успехов. Уже в эпоху античности его тоска и любовная неудовлетворенность вылились в вероучение, оказавшее серьезное влияние на развитие человеческой цивилизации. Несчастный страдалец провел немало времени на ежегодных винодельческих праздниках Древней Греции. Нашептывая эротические фантазии упившимся вдрызг жрецам и оракулам, он называл себя Зевсом. В жестоких и полных похоти мифах этого культа любая прекрасная героиня скрывала в себе образ Нимы.

Впрочем, вредить в открытую он не решался, развивая свою версию проекта. Согласно договору, заключенному при Великом Расколе, популяция динозавров сохранялась на изолированном континенте. Ситхи надежно защитили границы резервации, сделав ящеров переносчиками опасного для млекопитающих вируса. «Белая смерть» поражала молочные железы и вызывала быструю гибель неосторожных, которые смогли как-то добраться до запретной земли.

В эпоху Великих Открытий прятать целый материк от армад колонизаторов стало уже невозможно. Договориться оказалось непросто, но компромисс все же нашли, и вирус «белой смерти» ослабили. Напуганное человечество принялось осторожно исследовать Австралию совсем недавно. Из-за карантина на вывоз любых материалов наложили запрет, а на самом континенте работало всего несколько зоологических станций.

Ситхи изначально ставили под сомнение целесообразность наделения человечества разумом, считая, что божества только умножили страдания в круге сансары, создав ущербную версию самих себя. В чем-то они оказались правы. Джедаи сумели отстоять свой проект, сделав ставку на духовное развитие человека, но тот умудрился завалить всю программу. «Пятая колонна», примкнувшая к ним на Великом Расколе, помогла добиться цели, но оказалась ложкой дегтя, что испортила бочку меда, закрепив в людском архетипе все изъяны своей искалеченной психики...

Воспоминания прервал новый щелчок. Прибыли гости, и они просили разрешения войти в телепорт.

Нима тяжело вздохнула, с неохотой возвращаясь к настоящему. Она любила воскрешать в памяти ушедшие века, словно рассовывала потускневшие, но дорогие сердцу картинки по ящичкам. Она посвятила проекту всю свою жизнь, но он грозил так и остаться мечтой, ведь проблемы все не заканчивались...

Миллионы лет напряженной работы... А ведь можно было провести то же время в ленивой праздности, наслаждаясь роскошью живописных планет центра галактики. И все же богиня не жалела, что променяла обычный для божеств набор удовольствий на Землю. Она говорила себе, что нашла свое счастье в науке и что не выдержит ни одного напрасно прожитого дня. Впрочем, счастье ли это?

Нима иногда задумывалась, не окажется ли проект провальным. И тогда на глаза наворачивались слезы, сердце сжималось и хотелось, бросив все, бежать. У нее мог быть такой роман с Марой! Если бы она тогда не ушла с головой в работу, то история планеты была бы совершенно другой. Может, еще не поздно все изменить? Она полна сил, впереди сотни тысяч лет безмятежной жизни...

Нет, этот кретин сразу бы все испортил! До него никогда не дойдет, что отдавать гораздо приятнее, чем забирать, а вокруг мучается столько существ, молящих о помощи. Их страдания требуют не терять ни секунды. Как жаль, что ее драгоценное время отбирают, дергая по мелочам. Вот и сейчас приходится думать, в чем лучше встретить интернов!

Надо произвести хорошее впечатление, чтобы они не ушли в отдел Мары, но и лебезить тоже нельзя. Лучше всего держаться подчеркнуто вежливо, сохраняя дистанцию. Так что же надеть? Любимые совы выглядят слишком наивно и мило, а «мудро-змей» для торжественных случаев может показаться холодным и скользким. Вдруг ребята на дух не переносят рептилий?

Выбор наряда оказался делом нелегким, и пауза затянулась. В конце концов, богиня оставила себе человеческий облик и дала разрешение на гостевой телепорт.

В клочьях тумана перед ней возникли два силуэта. Рогатый гуманоид и крылатая нимфа — бедняжки сильно волнуются, смущены и нерешительны. Когда она сама впервые увидела Землю, то выглядела такой же потерянной.

Нима приветливо улыбнулась, но ответной улыбки не дождалась. Интерны выжидающе молчали, почтительно застыв в полупоклоне. Их ауры покрылись мелкими пузырьками смятения, как лужи во время дождя, и бесконтрольно отражали все мысли.

Видимо, остроумный секретарь из офиса Снорка хорошенько развлекся, напугав их, как следует. Богиня давно жила под бременем известности и хорошо представляла размах слагавшихся о ней небылиц. На последней конференции ее удивили разочарованные взгляды коллег из центральной части галактики. Оказывается, местные шутники в красках успели описать им ее облик. Кровососущий, сексуально озабоченный инсектоид произвел на доверчивых гостей впечатление...

— Меня зовут Нима. Я ваш куратор! — пытаюсь ободрить ребят, богиня сопровождала свое приветствие успокаивающей тихой мелодией.

Они недоуменно переглянулись, и Нима поняла, что только сбивает их с толку неуместными спецэффектами. Скорее всего, перед ней ежегодный «десант» на Землю с провинциальных планет. Небесная Канцелярия регулярно проводит всегалактическую лотерею, выделяя лимиты для распределения молодых специалистов из самых глухих уголков.

— Разогнитесь, я не кусаюсь. Как вас зовут, и откуда вы родом? — мягко спросила Нима, стараясь выглядеть доброжелательной.

— Атма с Озер Белого Лотоса, — прошептала нимфа.

— Грид, высокорожденный с Лун Провидения! — горделиво ответил рогатый, и облачко его ауры чуть качнулось, налившись темным.

Нима оценивала темперамент юного минотавра. Чувствовался непростой характер. Оставлять без присмотра такого нельзя, а сюсюкаться нет времени. Придется построже. Как-нибудь переживет.

— Вот и прекрасно. Грид и Атма! — Нима очаровательно улыбнулась. — У нас полно дел, разберетесь на месте.

— Но... — начал Грид.

— Стоп! — профессор резко оборвала его. — Я отвечу на ваши вопросы после того, как закончим. Ничего не трогать. Стоять у меня за спиной и смотреть! Запоминайте с первого раза, повторять не буду. Завалите мне работу — отправлю на родину!

Для сбора статистики пришлось облететь все побережье. Вернулись на станцию только поздней ночью. Богиня не стала дожидаться, когда Снорк решит, что уже достаточно наказал ее за строптивость. Придется самой проводить все анализы. Впереди бездна работы...

Штамм вируса обнаружили недавно, но принимали за обычный грипп. Однако Нима заметила в его жизнедеятельности странную закономерность и долго ее проверяла, поэтому только этим утром послала отчет. Возбудитель болезни активизировал размножение редких бактерий в кишечнике, словно их вместе с вирусом раздавали в комплекте. В принципе, безвредные паразиты, не вызывающие особых неудобств и опасных последствий, но профессор пыталась понять причины такой удивительной взаимосвязи. Неожиданный визит нервного шефа только усугубил ее подозрения. Неужели что-то серьезное?

Шумиха, поднявшаяся после обнаруженной аномалии, сильно обеспокоила Ниму, а Снорк больше не давал о себе знать. Попытка разговора с секретарем закончилась односложным ответом, вытолкнутым сквозь зубы. С ней никто не хотел разговаривать, поэтому пришлось сосредоточиться на работе.

Как вирус мог оказаться на изолированном континенте? Болезнь напоминала птичий грипп. В свое время он сильно напугал человечество, но сейчас симптомы проявлялись гораздо слабее. Может быть, его переносчики — местные динозавры? Ведь птицы их дальние родственники... Неспроста же шеф упомянул Мару?

Странная вирусно-бактериальная взаимосвязь подсказывала, что подручные асура вполне могли быть причастны к появлению заболевания. Нима не помнила такой суеты с того времени, когда кто-то устроил тектонический сдвиг, затопив Атлантиду. Никто тогда так и не смог разобраться в причинах. Аналитики списали катастрофу на естественные подвижки земной коры, но все прекрасно понимали, что гибель высокоразвитой цивилизации атлантов не могла обойтись без вмешательства Мары. В любом случае, все неудачи последнего времени удобно списывались на происки ситхов. Но многочисленные

басни о злодействах асура только укрепляли его имидж.

«Ситхи-джедаи» вдруг стали популярным и устойчивым брендом, просочившись противоречивыми слухами в мир людей. Там тут же создали культовую фантастическую сагу, завоевавшую небывалую популярность даже в Чистых Мирах. Неожиданный успех выглядел подозрительно-удачным для простой утечки информации. Наверняка к этому приложили руку обе фракции, грамотно разрекламировавшие по всей галактике свое противостояние. После триумфального показа «Звездных войн» в федеральных музеях Небесная Канцелярия серьезно увеличила Земле финансирование.

Нима продолжила изучать статистику, а Грид и Атма устроились рядом с отцом белокурой девочки, чтобы было удобнее заглядывать в его ноутбук. Со своей задачей они справились, а приставать к усталой богине с вопросами пока не решались.

Мужчина давно заснул, уронив голову на стол. Девочку отправили спать еще раньше. У интернов появилось достаточно времени поближе познакомиться с человеческим миром. Всего за одну ночь он едва не свел их с ума. Началось все с сюжетов о победе трансвестита в музыкальном конкурсе и говорящих голов, вещавших о развале морали и падении нравов. Беднягу то превозносили до небес, то обвиняли в стихийных бедствиях, давая крупный план очередного пророка с новой версией неминуемого конца света.

Кадр был явно постановочным, но выглядел очень эффектно. Пустынная улица, пасмурное небо. Поток рыжей грязи заливает тротуар, в воздухе кружится пепел и мелкий мусор. Старенький священник в черной рясе дает интервью, потрясая газеткой. Слышен его истошный крик: «Мы сделали свой выбор! Последний грех переполнил чашу терпения Господа! Воздаяние близко!».

Загрязнение окружающей среды и истребление фауны, болезни и перенаселение, нехватка воды, голод у одних и ожирение у других, войны, убийства, санкции, обвинения во лжи и коррупции — все это лилось с экрана бесконечной мутной рекой. Казалось, человек состоит лишь из пороков, а на планете нет ни одного спокойного места.

Нима понимала, что от цветущего прежде мира мало что оставалось, и гибель — только вопрос времени. Божества увлеклись интригами и созиданием более не занимались. А их новая игрушка грозила уже сама устроить очередной катаклизм, развязав термоядерную войну и фатально загрязнив планету. А этого бы не выдержали даже любимые брюхоногие Нимы...

Потепление не остановить, климат непоправимо меняется. Теперь он идеально подходит для эволюционного скачка ящеров Мары. Земля захламлена, а люди почти исчерпали ее ресурсы. Ежедневно вымирает до нескольких видов живых существ, в каждый из которых боги когда-то вложили бездну сил и энергии. На этом фоне девственная Австралия выглядит райским уголком, не затронутым раковой опухолью цивилизации.

Юные божества изумленно впитывали информацию, хлещущую на них рекой. Они так стремились на Землю, но теперь им хотелось лишь выключить ноутбук и отмыться. Это и есть та «Мечта», о которой говорит вся галактика?

Нима наконец оторвалась от своих дел и зябко поежилась, увидев в ночных новостях «пророчества» апокалипсиса. Шеф пока не объявился. Значит, время у нее есть.

— Нельзя доверять телевидению. В людях есть и много хорошего. Все уладится! — невозмутимо сообщила она бледным интернам, хотя сама в этом уже сомневалась. — Периодические психозы совершенно нормальны для этого мира. Ситхи Мары в очередной раз мутят воду.

— Но зачем они делают это? — испуганно спросила Атма и залилась стыдливо-белым: видимо, так и не разобралась в закулисных интригах местных богов. По сравнению со своим приятелем нимфа казалась невинным и чистым созданием.

— Мара очень влиятелен и популярен. У него есть и личные причины. Кроме того, он не любит людей. Его ситхи считают, что чем хуже человечеству, тем лучше проекту... — терпеливо пояснила богиня.

— А за что их можно любить? Посмотрите, что они сделали с собой и с планетой! — воскликнул возмущенный Грид, нервно заерзав.

Атма смирила его укоризненным взглядом. Разговор обещал быть непростым и, скорее всего, надолго затянуться. Нима не знала, что обычно говорят преподаватели в такой ситуации, и попыталась вспомнить первые слова своего собственного куратора. В уме всплыл почти забытый голос из далекого прошлого:

«Нима! Представь, что в бескрайнем океане шторм играет одиноким спасательным кругом. А где-то на дне живет черепаха, которая раз в сто лет поднимается подышать воздухом. Для души вероятность воплотиться в Чистых Мирах равна вероятности того, что черепаха при всплытии попадет прямо в этот круг. Условия и обстоятельства причудливо сложились, позволив явиться высокорожденной! Тебе невероятно повезло в кармической лотерее! Цени и используй с умом выпавший шанс!»

Профессор молчала, подбирая слова. Стоит ли загружать сейчас ребят философией? И не станет ли потом слишком поздно объяснять им нюансы? Телевизионные новости ужасали, а она хорошо знала, насколько важно первое впечатление. Эмоции и мысли юных божеств пока еще хорошо видны через их ауры. За Атму богиня не беспокоилась, но вот Грид словно потемнел. Его взгляд стал уверенней и тверже. Надо ему что-то ответить. Хотя, скорее всего, он уйдет к ситхам.

— Ты уверен, что хорошо понимаешь суть нашего проекта, малыш? — спросила Нима нахмурившегося минотавра.

— Конечно! — кивнул тот. — Мы впервые создали разумного гомункула из грубой материи по нашему образу и подобию. Земля единственное место в галактике, где искусственно выведенное существо обрело сознание. К измерениям ада, голодных духов, животных, асуров и божеств теперь добавлен человеческий мир! — заученно выпалил Грид.

— Да, но зачем мы это сделали? — профессор теперь вопросительно посмотрела на Атму.

— Чтобы создать людям идеальные условия для духовного поиска, — бодро отрапортовал минотавр.

— Я не к тебе сейчас обращалась, — осадил парня богиня. — Скажи нам, Атма, что не так с остальными?

— Адские существа Сумрачной тени страдают от боли, духи голодают, животные слишком тупы, асурам мешает их гордость, а божества привязаны к наслаждениям. Если после смерти удастся переродиться в человеческом теле, то будет намного легче достигнуть нирваны! — прилежно ответила нимфа и вновь покраснела.

— Таким образом, у людей потенциально лучшие условия для прекращения круговорота рождений в сансаре. Никто из нас не хочет страдать в адских мирах, да и в остальных бывает очень несладко. У людей же всего понемногу. Образно говоря — не слишком горячо, но и не слишком холодно. Если повезет, то мы сможем родиться людьми и больше не тратить время впустую, омраченные теми недостатками, о которых так хорошо сейчас рассказала нам

Атма... — строго и медленно произнесла Нима, чтобы Грид понял каждое ее слово.

— Что-то среди человечества не заметно повального увлечения духовными поисками... — выдавил Грид, помрачнев. Ему не понравилось, как его поставили на место. Да и за что хвалить Атму? В конце концов, он высокорожденный, а она обыкновенная озерная нимфа без рода и племени!

— К сожалению, все почти так. Вот поэтому мы тут и работаем. Но, если ты любишь себя, то должен любить и людей, ведь, исчерпав прану, окажешься в нижних мирах, где много страданий и боли. Там будет не до духовного поиска. А в высших мирах одни наслаждения, и снова не до духовного поиска. Слишком легко забыться в многочисленных удовольствиях. Но все они временны, а когда до тебя это дойдет, будет поздно что-то менять. Здесь же мы создаем мир нашей мечты. И если что-то идет не так, то виноваты не люди, а их создатели. Человек — наше творение и наш путь выхода из страданий колеса сансары. Стараясь для них, мы готовим будущее для себя. Это понятно?

Грид согласно кивнул и пристыженно засопел. Нима взяла паузу, обдумывая дальнейшую речь. Атма молчала, но нервно ерзала, видимо, стесняясь переспросить.

Возможно, она поняла, что доброта божествам выгодна, и нашла в этом некое лицемерие. Но надо хоть с чего-то начинать! В отсутствие подлинного чувства пока придется опираться на искусственное, и потому фальшивое, сострадание. Хотя едва ли сейчас надо делать на этом акцент. Богиня решила обратиться к более понятным для ребят аргументам:

— Посмотрите на себя! Великолепные возможности наших тел не достались нам даром. Мы что-то сделали для этого в свое время. Тысячи жизней, наполненных благими делами. Но все непостоянно. Когда причины вашего беззаботного бытия в Чистых Землях будут исчерпаны, вы умрете и снова столкнетесь со страданиями нижних миров. Если есть рай, то существует и ад, а падать отсюда туда будет очень болезненно. Божества — верхняя точка «качелей», но рано или поздно они полетят назад. Это никому не понравится, поэтому все хотят что-то исправить. Но колесо перерождений вертится лишь силой наших эмоций. Мы непрерывно испытываем привязанность, отвращение или безразличие, которые и приводят его в движение...

Увидев, как Грид скривился, а Атма непонимающе захлопала ресницами, Нима запнулась. Похоже, учитель из нее никудышный. Куда ее понесло, зачем она так торопится?

— Ладно, тогда короче. Мы не можем остаться в высших мирах навсегда, но есть возможность «слезть с качелей», чтобы не болтаться на них вечно! — резюмировала богиня.

— Так что нам делать? — нетерпеливо перебил Грид. Парень устал слушать отвлеченную теорию и хотел бы перейти к конкретике.

— После событий Раскола у ситхов и джедаев появились серьезные разногласия по этому поводу. Первые считают, что суть Пути в отречении. Довольный человек подобен божеству и ничего не будет менять. Но если добавить горечи, то у него появится мотив для поиска выхода, — терпеливо пояснила Нима.

— Понятно, — важно согласился Грид. — А что же тогда предлагают джедаи? — Минотавр явно хотел произвести впечатление на подружку.

— А вторые говорят, что стремление к индивидуальному освобождению эгоистично. Такому существу все равно, что творится с остальным миром. Оно — словно крыса, бегущая с тонущего корабля — бросает всех на произвол судьбы. Такая мотивация лицемерна и не приведет к «просветлению», поскольку только укрепит эгоизм. Нельзя потушить костер

бензином. Ситхи ломаются в нарисованные двери, но там глухая стена и нет выхода. Нельзя выйти из сансары в одиночку. Лишь развивая подлинное сострадание, можно очистить собственный дух и спастись!

— Но освободить всех невозможно! Существа бесчисленны. У каждого своя уникальная карма. Этого не изменить, даже если весь мир решит спасти одну несчастную тварь! Здесь нет ни логики, ни здравого смысла! — возмущенно воскликнул Грид, в запале окрасив ауру гневно-бордовым.

— Логика и здравый смысл не спасут тебя от сансары! — возразила Нима. — А спасет отсутствие эгоизма! Только в нем корень твоих проблем. Его ослабит только развитие сострадания. Когда сострадание вытеснит эгоизм, это и будет просветление. Никакого другого просветления нет. Нирвана не рай, не особое место и даже не постоянное ощущение счастья. Нирвана это отсутствие страдания, когда между понятиями «Я» и «остальные» исчезает какая-либо разница. Не слишком сложно?

Нима на секунду задумалась. Грида ей все равно не удержать. Не стоит даже тратить на него время. Надо отправлять к ситхам. Обычно с кармическими склонностями ничего нельзя сделать, но вдруг получится?

После короткого размышления она продолжила:

— В каком-то смысле ты прав. Да, освободить всех невозможно, но парадокс в том, что освобождать некого. На самом деле никто и не нуждается в спасении. Твое самобытие только иллюзия! Если просветление некий процесс, то он зависит от чего-то еще, а значит, обратим. Все достигнутое обязательно потеряется снова, ведь впереди вечность, которая неминуемо исчерпает все варианты! А это лишает духовный поиск всякого смысла. Поэтому, если есть что-то воистину совершенное, то оно должно быть таковым всегда, хотя может нам казаться чем угодно из-за нашего неведения. Незнание сути порождает эмоции, а за ними возникают и пороки, ввергающие нас в цикл страданий. Но вопрос решается не каким-то правильным ответом, а пониманием его бессмысленности. Никто не будет бороться с кошмаром, если проснулся. Наш настоящий проект не люди! И даже не то, что мы тут строим. «Мечта» вообще не на этой планете!

— А где? — тупо спросил Грид, невольно оглядываясь.

— Вот здесь! — Нима протянула руку и чувствительно постучала пальцем по его лбу. — К несчастью, это мало кто понимает...

— Почему только там? — набычился минотавр. — Работая, мы создаем условия, чтобы чувствовать себя лучше. Каждый из нас ищет счастье...

— Почему ты ищешь счастье снаружи? Ты потерял его там? Нет! Его там никогда не было. Оно появляется и исчезает в тебе! Счастье — всегда состояние твоего собственного ума, а не внешнего мира!

Ребята насупились и переглянулись. Нима тяжело вздохнула, понимая, что вот такой лобовой кавалерийской атакой мгновенно изменить их мировосприятие невозможно. Они должны обдумать, пережить ее слова, а на это нужно время и желание разобраться. Сейчас она так и не смогла донести до интернов свою мысль. Но профессор надеялась, что они хотя бы поймут ее глубину и не сделают скоропалительных выводов. А то ведь логика Мары гораздо понятнее...

— Хорошо. Вижу, не разобрались. Вернемся к примеру со сном. У нас кошмар. Видения реалистичны и устрашающи — мы испуганы. Конечно, временами мы переживаем и краткие удовольствия, и тогда нам кажется, что мы счастливы. Мы полагаем, что с одной стороны

мы видим капканы, а с другой россыпи золотых монет. В итоге мы мечемся, пытаюсь избежать одного и набрать побольше другого. И вдруг звонит будильник и становится ясно, что это лишь сон. Мы не сможем взять с собой из него золота, не останется у нас и ран от капканов. Но мы обязательно захватим тот негативный опыт и привычки, которые укрепили своими действиями в иллюзорной реальности. Все это создаст новое сновидение, и единственный способ прекратить его — просмотреть до конца. Точно так же все наши приключения имеют свои причины. Нельзя вернуться в прошлое, чтобы устранить их и изменить настоящее. Но мы почувствуем облегчение, когда поймем: нам ничего не грозит, хотя придется пожинать все то, что когда-то посеяли. И на этот раз мы понимаем, что спим, и относимся к кошмару гораздо спокойней. Надо просто не делать новых глупостей, чтобы не повторить этот страшный сеанс еще раз.

— Нас спасет будильник? — недоверчиво спросил Грид.

— Будильник для вас сейчас я. Но никто не может спасти, если опасности не было. Это только иллюзия, но очень болезненная... — уже сердито буркнула Нима. Она устала объяснять одно и то же и не видела смысла ходить по кругу. Действительно, давать им такой материал слишком рано.

Раздался тихий треск электрического разряда. Шеф вывалился из портала посреди комнаты даже без предупредительного щелчка. Дырявые обрывки ауры бессильно плавали у него за спиной. Он выглядел совершенно измотанным.

Нима взмахнула рукой, и ее вместе со Снорком окружила звуконепроницаемая пелена. Ребята пусть отдохнут. Судя по всему, ничего хорошего начальство сейчас не объявит, а им хватило и ночных новостей.

— Мой отчет будет через двадцать минут, — торопливо заявила профессор, с тревогой глядя на мрачного шефа.

— Уже не надо, — потерянно пробормотал он. — Наши аналитики изучили твою аномалию. Чего столько тянула?

— Что случилось? — заволновалась Нима.

— Новый штамм «белой смерти». Вирус-конструктор... — устало выдавил Снорк.

— Конструктор? — недоуменно переспросила богиня.

— Да! Поэтому мы и не обратили на него внимания! — раздраженно подтвердил шеф.

— Но как он работает? Кто его собирает? — испуганно округлила глаза профессор.

— Сам собирается! — рявкнул Снорк. — Те бактерии, что ты нашла, выделяют фермент-катализатор, который активизирует спящий вирус. По отдельности они безвредны, но быстрая мутация превратит возбудитель в мину замедленного действия. Ситхи сумели замаскировать его под обычный грипп и распространить по всему миру.

— Горизонтальный обмен генами! И что теперь? Вакцинация не поможет? — ужаснулась Нима, по-женски закрыв рот ладошкой.

— Поздно. Вирус несколько лет размножался втихую. К тому же, он вызывает и мутацию нескольких полезных бактерий, постоянно живущих в человеческом организме. Замена всего одной аминокислоты наделила микробы способностью вызывать мощнейшее воспаление и разрушение легочной ткани. Они разлагают в ней белковые молекулы и стремительно плодятся, используя лимфатическую систему. Люди лечились, как обычно, но возбудитель оставался в их организме. Теперь заражены почти все. В любой момент начнется метаморфоза! Скорее всего, триггер сработает, и... — шеф безнадежно махнул рукой.

— Но мы можем пожаловаться! Мару обязательно остановят! — возмутилась богиня.

— Когда его кто останавливал? Я вызвал конфликтную комиссию из центра, но он наверняка подстраховался. По формальным признакам не подкопаться. Придется договариваться.

— Как? О чем договариваться? У ситхов есть свой проект с динозаврами. Этих фанатиков устроит только полное уничтожение человечества! — закричала Нима на шефа, совершенно забыв о субординации.

— Нет-нет, подожди. Ты просто не знаешь всего. У них до сих пор нет прогресса. Что-то не ладится. Его ящеры все так же тупы! — покачал головой Снорк.

— Пока тупы, но уберут проект конкурентов — и наши специалисты уйдут к ним. Ситхи уже переманили к себе массу народа. Рано или поздно у них все получится... — убежденно заявила богиня.

— Что же тогда на других планетах не вышло? Разумного гомункула никто больше не вывел! Честно говоря, мы сами до сих пор не понимаем, как у нас получилось. Да и у нас ли? — горько усмехнулся шеф.

— О чем вы? — недоуменно спросила Нима.

— Иногда мне кажется, что мы ничего не творим, а только обнаруживаем то, что было всегда. И оно гораздо красивее того, что божества способны создать. Возможно, мы сами являемся частью процесса, и эксперимент проводят как раз над нами... — Снорк многозначительно поднял палец. — Кто-то из людей сказал: «Наш видимый мир есть слабая тень высших истин!». Возникновение разума уникально! Один раз все чудесно сложилось, но мы не можем повторить этот опыт! Случайная мутация, незамеченное фоновое изменение, или редкое совпадение многих факторов. Самые сложные организмы не могут достичь уровня разумного существа. Нам бы поработать с «тонкой субстанцией» наших собственных тел, но манипуляции с ней недоступны... — развел руками шеф, не сводя пристального взгляда с богини.

Рассуждения Снорка явно намекали на древние легенды. Многие верили, что высшие существа Чистых Миров созданы теми, кто до сих пор тайно приглядывает за ними из еще более тонкого измерения, оберегая от роковых ошибок. Предание гласило, что, как только жители Чистых Земель создадут искусственный разум, «твердь земная разверзнется». Раздастся «грохот небесный», и в лучах славы явятся «создатели всего сущего», чтобы признать их равными себе. И вот тогда, наконец, откроется сокровенная Истина Бытия...

Конечно, всегда находились маргиналы, ехидно утверждавшие, что тогда придется ждать еще явления творцов самих «создателей». И так далее, по бесконечной цепочке, что едва ли могло претендовать на «Последнюю Истину». Но все же эта мечта теплилась в душах божеств и асуров с самого детства.

— Ты понимаешь, что мы можем навсегда потерять эту драгоценную аномалию? Навсегда! — продолжал давить Снорк.

Профессор понимающе кивнула. Но других вариантов предложить не могла. Все козыри на руках у Мары. А он мастер шантажа и теперь может требовать, что угодно.

— Так что вы предлагаете? — холодно осведомилась Нима, уже зная ответ.

— Мара до сих пор любит тебя. Если ты...

— Он любит только себя! — не выдержав, перебила богиня. — Неужели вы думаете, что ситхи в полной зависимости от его любовных капризов? Да и сколько прошло времени! Я в последний раз виделась с ним в позднем палеолите!

— Мара пронес свою любовь через века! — с надрывом воскликнул Снорк. — Да о таком в высших мирах эпохами поют гимны ангелы! У тебя есть другое предложение? Хочешь рискнуть и оставить все как есть? Думаешь, ситхи не осмелятся стереть с лица Земли человечество?

Нима насупилась и замолчала. Задабривать собой демиурга она считала занятием бессмысленным. Она для него только фетиш! Занятная игрушка, чтобы потешить самолюбие и утолить вожделие на пару дней! Докажет всем свою силу и продолжит строить здесь козни! На его грязные делишки никаких богинь не хватит!

— Что мы теряем, кроме твоих архаичных представлений о женской чести? Ты же, вроде, у нас тут считаешься спасителем мира и защитником человечества? — напирал шеф, нехорошо улыбаясь. — Мара дал понять, что мы можем договориться. Просто дай ему то, что он хочет! Не строй из себя недотрогу. Он будет говорить только с тобой. Миллионы лет труда коту под хвост. Поняла меня?

— Дело не в моем драгоценном теле, ваша Высокобожественность! — Нима ошарила лепрекона презрительным взглядом. — Дело в принципах. Эту бездну ничем не заполнить. Жадность порочной души безгранична...

— Только не надо лечить меня философией! Откуда у тебя этот вечный пафос? — болезненно поморщился Снорк. — Я сам каждый раз после беседы с тобой начинаю разговаривать лозунгами! Наверное, это заразно. Проблемы будем решать по мере их поступления. А сейчас мне нужен результат, а не твоя псевдо-мудрая болтовня. Оставь ее для своих интернов!

В воздухе надолго повисло тяжелое молчание. Нима смотрела сквозь шефа, собираясь с мыслями. Тот, видимо, понял, что задел ее за живое, но извиняться не стал.

— Ладно, не дуйся. Беги к Маре и спасай человечество! — не дав ей возможности для ответа, Снорк бесшумно растаял в пространстве.

Профессор убрала завесу, скрывавшую ее от притихших ребят, и надолго задумалась. Шеф заставлял встретиться с тем, кто являлся серым кардиналом местной истории. У демиурга было много имен и обликов, но суть описывалась в двух словах — «неудовлетворенное желание». Впрочем, от этой проблемы в той или иной мере страдали все асуры.

Временами богиню посещали воспоминания о влюбленном Маре. Эти восхищенные глаза, необычное для асуров терпение... Он с таким трепетом относился к ней, так берег от нападок завистливых и амбициозных коллег, и добивался ее так долго... Прошло столько лет, мог ли он до сих пор любить ее?

Вряд ли. Все знают о гордости и самолюбии асуров, а ведь Мара первым из них получил статус божества. Благодаря его славе многие асуры смогли поступить на федеральную службу. Он стал примером для подражания и живой легендой. Кто еще смог бы убрать с дороги «защитника»?

Нет, Мара должен ее ненавидеть. Хотя, как говорят, время лечит... Если бы она только была к нему хоть чуть-чуть благосклонней! История человеческой цивилизации могла бы пойти по совершенно иному пути. Если бы ситхи не вмешивались, проект, возможно, давно бы завершился...

Слухов и домыслов о Маре богиня наслушалась с избытком. Никто не мог остаться к нему равнодушным. Одни представляли демиурга исчадием ада и абсолютным злом, другие боготворили его за пронизательный ум и независимость.

Нима иногда думала, что презирает его. Неужели человечество исчезнет только из-за неразделенной любви? Это ее вина? Неужели психологические проблемы всего лишь одного, пусть и очень сильного, божества могут так долго вредить целому миру?

Возможно, она слишком много о себе возомнила. У демиурга могли быть и другие причины строить козни. Да и вдруг он вообще ни при чем? Тогда кто? Иметь такого козла отпущения очень удобно. А ведь сколько всего они могли бы сделать вместе! Прошлого не исправить, да и как же давно это было...

Пытаясь распутать канитель тех давних событий, Нима много раз задавала себе один и тот же вопрос: могло ли все сложиться иначе?

— Секретариат Планетарной Администрации уведомляет вас, что ваша встреча с Марой уже согласована! — неожиданное сообщение вернуло Ниму к реальности.

Богиня раздраженно отметила про себя, что мужчины договорились между собой на удивление быстро. В самом деле, она совсем забыла о времени! Надо поторапливаться. Асур и так терпеливо ждал ее миллионы земных лет.

— Атма, Грид! Останетесь здесь! — скомандовала богиня. — Динозавров не кормить, людей не пугать, не воплощаться! Еще раз просмотрите историю Земли и последние изменения в человеческой биохимии. Особенно корреляцию чувства любви с функциональной архитектурой мозга! Приду — проверю!

Последние слова Нимы поглотил телепорт. Все же она очень спешила. Спасать человечество богине прежде не доводилось, и она боялась сейчас все испортить. Вдруг сердце демиурга остыло, и он больше не любит ее? А что, если она незаметно для себя начала стареть? Вот и пусть! Он найдет себе другую жертву для удовлетворения похоти!

Нима всерьез разозлилась, поймав себя на том, что ее ужаснула не грядущая гибель людей, а приближение старости. Стоило очутиться во владениях ситхов — и сразу же такая мерзость лезет в голову!

Резиденция Мары находилась в пространственном пузыре над центральной частью континента. Богиня никогда раньше здесь не бывала. Темный Замок производил впечатление. Острые шпили зловещих башен пробивали плотные облака, словно целясь в беззащитные звезды. Драконьи головы из гранита изрыгали струи воды в ров с хорошо откормленными плезиозаврами. Ящеры вяло огрызались друг на друга, лениво обгладывая какую-то огромную тушу.

— Прошу прощения за жутковатые декорации! — от звука этого, почти забытого, голоса Нима едва не подпрыгнула. — Что поделать, бюджет надо осваивать, а от ситхов почему-то всегда ждут нелепой готики...

Богиня развернулась к самому популярному злодею галактики.

Он очень изменился. Внешность божеств говорила лишь о стиле и вкусе, но вот глаза не могли скрыть характер хозяина. Там больше не плясали огоньки того сумасшествия, с каким он раньше мечтательно провожал ее взглядом. Это Нима хорошо помнила. Теперь в их глубине читалась усталость, скрытая сила и уверенность.

— Я рад вновь увидеть тебя, мое солнце... — голос демиурга казался искренним. — Прости, что так вышло. Этот вирус — обманка. Он в любом случае не будет работать. Мне нужно было лишь напугать твоих болванов из офиса.

— Так чего же ты от меня хочешь? — богиня поняла, что нагло ее домогаться не будут. Она покраснела, поняв, что разочарована. Человечество она сейчас не спасет, да и ее саму, видимо, отпустят в целости и сохранности.

— Того же, что и ты. Просто мы идем к одной и той же цели по-разному. Как видишь, с ящерами не получилось. Я не смог отгадать эту загадку. Похоже, человек обрел разум не случайно. Скорее, не благодаря, а вопреки нам. Мы только мешали.

— Хочешь сказать, тут всем заправляем не мы? — удивленно спросила Нима, вспоминая похожую версию Снорка. — Это ничего нам не даст. Всегда останется тот же вопрос — кто управляет эволюцией?

— Не знаю... — пожал плечами асур. — Возможно, никто. Но влезать в философские дебри я не буду. Нам всем не до этого. Ты сама видишь, что и у вас все разваливается. Если так пойдет и дальше, от планеты ничего не останется. Человечество суицидально в своей алчности. В этом виде проект обречен.

— Но есть и порядочные, умные люди! Они когда-нибудь все исправят! — возмутилась богиня.

— Есть... — согласился демиург. — Но им не дадут это сделать кретины, а их всегда больше. Если бы что-то можно было наладить, то мы давно бы сделали это. Люди неисправимы. Но они не виноваты в этом. Голодных духов нижних миров точно так же нельзя обвинять в аппетите. Они родились такими. Это кармическое. Так сложилось.

— Мы все переделаем!

— Опять катаклизм? — горько усмехнулся Мара. — Люди и без тебя теперь прекрасно справятся. Ты слишком добра к ним.

— Не собираюсь с тобой спорить. Так зачем тогда звал?

— Я устал. Мы можем навсегда прекратить наш конфликт. Слияние. Объединим ресурсы и специалистов. Каждый будет спокойно заниматься своим делом. Ситхи бросят возню с динозаврами. Снорка отправим на пенсию. Возглавишь новый отдел. Будешь и дальше баловать заботой свое ненаглядное человечество, пока оно само не загнетя. Осталось недолго... — недобро усмехнулся демиург.

— И чем тогда ты займешься? — недоуменно спросила богиня.

— Искусственным интеллектом, виртуальным пространством. Я теперь и пальцем не прикоснусь к живым организмам. С конфликтной комиссией все улажено. В Небесной Канцелярии нам даже увеличат бюджет.

— Можно подумать! — не поверила Нима.

— Можно. Но о чем думать? Мы все только выигрываем! — пожал плечами демиург и начал таять в пространстве.

— Стой!

Мара вновь обрел плотность и медленно повернулся к богине. А с ее губ сам слетел так изводящий ее вопрос:

— Ты еще любишь меня?

— В Небесную Канцелярию поступил иск к демиургу Маре от руководителя Отдела Надзора за Человечеством — старшего божества Нимы! Арбитражный Суд Чистых Измерений приступает к рассмотрению дела! — хорошо поставленный голос судебного глашатая прозвучал подобно грохоту снежной лавины.

Облик старого моржа из метановых океанов Титана вызывал у слушателей почтительное уважение, а у многих и восхищенный трепет. Как и все жители Высших Миров, Норр мог выглядеть как угодно, но, будучи известной и уважаемой фигурой, позволял себе не выходить из любимого образа.

Короткий, но ослепительно-яркий звездопад и содрогнувшиеся вершины седых гор подчеркнули величие момента и торжественность обстановки. Долина Судьбы арендуется в особых случаях, а сейчас Планетарная Администрация не поскупилась на визуализации по высшему разряду, пригласив лучших декораторов галактики. Знаменитую Площадь Дебатов, вымощенную сверкающим горным хрусталем, на этот раз инкрустировали крупными драгоценными камнями, а по периметру рассадили цветущие сакуры. За ними раскинулась зеленая зона, где роскошный ковер травы, полнившей воздух медвяными ароматами, мягко пружинил у посетителей под ногами, живописные валуны нежились в струях водопадов, а в лотосовом пруду золотистые карпы задумчиво шевелили хвостами, размышляя о вечном.

Затраты местного бюджета окупились сполна. Протяжные клики диких гусей над березовой рощей ожидаемо вызвали у многих гостей приятную ностальгию и светлую грусть. В прошлом Земля считалась наилучшим местом для старта карьеры. Немало видных чиновников не стеснялось упоминать в высоких столичных кругах, что именно здесь они и начинали свою бурную деятельность. Конечно же, направленную исключительно на благо всех живых существ.

Грид ликовал. Всего после нескольких лет стажировки у Мары он получил прекрасный шанс проявить себя, участвуя в громком судебном процессе. Его начальник прекрасно разбирался в бюрократических тонкостях, добившись перевода претензий Нимы в высшую инстанцию. А то, что Верховным Арбитром утвердили «безымянного», извлеченного из таинственных Сфер Вне Восприятия, делало будущий вердикт практически бесспорным и окончательным. Если Мара выиграет, то вероятная апелляция превратится в простую формальность.

Демиург использовал все свои связи по максимуму. Заручившись поддержкой влиятельных союзников и покровителей на высших ступенях иерархической лестницы, он смог вытащить из пустоты Непроявленного божество, воплощавшее в себе само Беспристрастие.

На закате жизни этот «безымянный» согласился истратить остатки праны на судебный процесс, который мог немного отодвинуть неприятную, но неизбежную для него перспективу. Несчастный благополучно отжил положенный ему миллиард в бесформенности и вот-вот должен был оставить любимую пустоту, воплотившись в низших мирах. Потеряв способность сохранять стабильность безобъектной медитации, он страдал от непривычной мысленной активности. Но именно эта особенность и естественно присущая ему беспристрастность делали его идеальным судьей. Это обеспечило делу столько

внимания, что рейтинги популярности Мары побили все мыслимые рекорды. Со временем он непременно доберется до кресла директора самого главного офиса в Небесной Канцелярии.

«Гениально! Как же мне повезло с боссом!» — пробормотал про себя Грид и гордо обернулся, найдя торжествующим взглядом притихшую Атму.

Представитель ответчика легко прочитала ход его мыслей, отреагировав раздраженным багровым свечением ауры.

Бедняжка до сих пор ходит в ранге младшего божества, бегая на посылках у Нимы! С этой упрямой нимфой не должно возникнуть особых хлопот на процессе. Лучше бы продолжала петь в родном болоте сладкие песенки да беспечно порхала над гладью бездонных синих озер, любуясь отражением!

Грид перестарался с визуализацией. Теперь гибкая женская фигурка, порхающая в воздушном танце, никак не могла покинуть его разгоряченное воображение.

Минотавр возмущенно фыркнул. Сводить с ума впечатлительных и молодых богов у прекрасной глупышки действительно получалось неплохо. Атма производила на них неизгладимое впечатление. А ведь если бы она была более покладистой, то он купил бы ей ажурные украшения для крыльев. Те самые, с таинственно мерцающей вязью! Они бы так волнующе трепетали, когда он сжал бы ее стройное тело в объятиях!

Грид машинально погладил ухоженную шелковистую бороду и нервно стукнул копытом, окрасив ауру неприличными золотистыми искрами плохо скрытого возбуждения. К большому сожалению, представшая его мысленному взору картинка остается пока только фантазией. Как хотелось бы уметь трансформировать мысль в реальность! К сожалению, божеству его ранга это пока недоступно. Но, как говорят, где-то на высших уровнях райских планов есть Древо Желаний. Оно исполняет любую прихоть...

Грид зажмурился, представив, сколько благой кармы надо заработать, чтобы хватило праны на рождение таким счастливым. Он никогда не видел ни одного из них. Только мифы и слухи. А ему приходится горбатиться в мире форм, где так трудно добиться расположения даже заурядной нимфы! Заносчивая красавица строит из себя недотрогу, притворяясь, что не видит его пылающих глаз! А ведь только вчера он послал ей забавных, вечно голодных духов из контрабандной партии, которую удалось выиграть у заезжих асуров! Грустные твари так уморительно вытягивали тонкие шейки, в которые не пролезало ни крошки еды. Бедняги никогда не смогут наесться. Такая потеха!

Ну вот что еще ему сделать? Грид задумчиво потеревил кисточку на хвосте. Как укротить заносчивую Атму, упрямо игнорирующую все знаки внимания? Ради нее он на время процесса даже поменял облик! Ему сразу не понравился фавн, но приятель шепнул, что эти эротоманы — последний писк моды! Может быть, капризной даме не нравится утонченность и чувственность козлоногих? Странно, но он целый день замечает ухмылки и подозрительное шушуканье... Почему на него все оглядываются?

Казалось, все вокруг рассматривают только его. Фавн покосился на нарядную и разношерстную публику. Нет, должно быть, у него приступ паранойи. Дело сложное, и он слишком нервничает. Ему просто завидуют.

Грид немного успокоился, решив не метаться и оставить все как есть, но почему-то ощутил себя ничтожным и жалким. Демиург слишком загрузил его работой! Не хватает времени следить за модой. Впрочем, он и так за ней не следил, никогда не получав приглашений на балы и маскарады высшего общества. В провинции такие празднества

просто не устраивали! На следующее заседание надо будет выбрать что-то более мужественное и brutальное. Образ небольшого, но мощного дракона с тяжелым взглядом огненных глаз и перламутровой чешуей, к примеру.

Недавно он видел одного такого, когда провожал высокомерных гостей Мары из адских миров. Ну, и манеры были у тех испорченных типов... В офисе потом несколько дней держался запах серы! А их грязные намеки и похотливые взгляды? Как в Чистые Измерения вообще пускают таких извращенцев?

Норр оглушительным ревом объявил перерыв до вечера, и пространство Долины Судьбы тут же наполнилось счастливым щебетом, приятным ароматом и свежими красками. На процесс собрался весь цвет галактического сообщества, и божества из сфер чувственных наслаждений сверкали, как витрины дорогих магазинов.

Похожие на ярких бабочек существа, прожигавшие райское бытие в бесконечной череде развлечений, беззаботно чирикали. Они, источая тонкий аромат, бродили в толпе, собирая обильную жатву улыбок и восхищения. Эти бездельники были отнюдь не безобидны, поскольку питались чужими эмоциями, но с ними мирились, считая их украшением и непременным атрибутом любого праздника. А открытие судебного процесса всегда отмечали с размахом. Билеты на подобное мероприятие стоили целое состояние, но добавляли немало очков к статусу посетителей.

Залитая солнцем долина, где вершилась судьба целой планеты, теперь напоминала шумный карнавал, модный подиум и цирк одновременно. Грид почувствовал приступ ревности к прекрасным вампирам, с легкостью вытягивавшим из своих жертв прану. Как только он брезгливо скривился, прозрачные ниточки жизненной силы потянулись от него к бледному юноше, играющему рядом на флейте. Эффектный поганец имел успех у богинь, кружа им головы красивой мелодией.

Справившись со вспышкой зависти, Грид торопливо отвернулся, чтобы не кормить дармоеда эмоциями. Скоро пригласят первого свидетеля, а босс не простит небрежной работы. Минотавр собрался еще раз освежить в памяти аргументы защиты, когда поймал на себе любопытный взгляд Атмы. Неужели она наконец заинтересовалась его скромной персоной? Вокруг нее так и вились стайки блестящих представителей местной богемы, но жадная нимфа не отдала им ни капли праны.

До вечернего заседания оставалось достаточно времени, может, потому Грид так и не смог сосредоточиться на вопросах к свидетелю. Концентрации мешало даже не феерическое шоу, а внешне бесстрастная Атма, умело скрывавшая эмоции в ауре. Он так увлекся созерцанием красавицы, что позволил бы ей легко осушить вековой запас его праны.

К счастью, вампиризм существ из сфер чувственных удовольствий недоступен для божеств мира форм. Им приходится зарабатывать на жизнь по-другому, а легкомысленных нахлебников и так с избытком. Какой толк в роскошных балах и задорных парадах, если они пролетают так быстро?

Грид искренне считал поведение «чувственников» идиотизмом. Бедняги удержатся в Чистых Измерениях лишь несколько миллионов земных лет, а, исчерпав прану, умрут и возродятся в низших мирах! Зачем торопливо сжигать запас жизненных сил, чтобы переродиться там, откуда придется так долго опять ползти вверх?

А ведь отдельным, несомненно, одаренным, личностям удавалось проматывать райское бытие со столь эпичным размахом, что они ухитрялись израсходовать всю свою прану за жалкие столетия! Впрочем, можно ли осуждать столь глупое расточительство? Конечно, это

только вопрос личного выбора, но все же — какое легкомыслие! Страх перед неизбежным страданием в адских мирах должен заставить думать о грамотном распределении отведенного времени. Ведь его можно продлить, замедлив расход праны!

Минотавр осуждающе покачал рогами, ревниво наблюдая, как эти бездельники нагло светятся счастьем. Смеясь и играя, они начали разбиваться на парочки для своих причудливых танцев.

Продажные вампиры и попрошайки! Конечно, он не опустится до того, чтобы так кланчить крохи энергии, вымаливая улыбку восхищения у надменных зрителей. Жизнь имеет смысл только до тех пор, пока у нее есть цель, и, как только существование становится пустым и бесцельным, оно тотчас прекращается! Покой всегда означает смерть, а чтобы существовать, надо обязательно к чему-то стремиться! Даже кратковременный стазис способен перезапустить цикл. А в мучениях низших перерождений цель уж непременно появится...

Представив, как будет мучиться в аду бледный юноша с флейтой, минотавр немного успокоился. У него-то как раз есть мечта. Он не собирается тратить свои силы на всякие глупости. Здесь нет ни боли, ни страданий физического мира. Любое тело, любые удовольствия... Недалекие глупцы! Даже его стадо на родной планете вело более осмысленную жизнь, чем они! А поединки, а затхлый и сырой запах темных тоннелей в запутанных лабиринтах... Нет, его племя знало толк в истинных удовольствиях! Иногда он сильно скучал по рогатым родственникам.

«Какой толк в этих страстных и похотливых танцах?» — в нездоровом возбуждении спросил себя Грид, с трудом унимая нервную дрожь, когда едва не пустился в пляс помимо собственной воли.

Он прекрасно понимал принцип работы наслаждений и их бессмысленность. Со временем они приедаются, хочется все новых, более острых ощущений. Вершины экстаза требуют контраста, сравнения, глубокого океана боли! Но мало кто решится на отрезвление через страдание нижних миров. Разочарование, усталость, пресыщенность, скука, бесцельность — вот что укоротит жизнь веселящихся недоумков!

Этот внутренний монолог заставил Грида топнуть в запале. Его копыто выбило глубокую ямку в одном из безупречных рубинов, которыми была инкрустирована площадь.

Поистине, нет ничего вечного! Но ведь есть же «Мечта»! Проект завершат, как только Мара справится с чокнутой Нимой, давно потерявшей разум в своих медитациях! А если есть сильная мотивация и достойная цель, то задержаться в высших мирах удастся надолго!

Минотавр приосанился и устремил проницательный взгляд вдаль, представляя светлое будущее, где так много предстояло сделать. Тем временем танцы на площадке становились все безудержнее. В конце концов, они слились в стремительный хоровод бесшабашных божеств, куда оказались вовлечены несколько мелких клерков и серьезная на вид шишка из приглашенных гостей.

На глазах у изумленного Грида все новые существа с радостным визгом вливались в бурлящий поток. Оттуда время от времени ему под ноги выбрасывало обрывки нарядных одежд, белоснежные перья и клочки роскошного меха.

На всякий случай минотавр сделал пару осторожных шагов назад. Глотая слюну, он старательно пытался сконцентрироваться на мыслях о тяжелой участи столь недалеких существ. А жужжащая весельем воронка все разрасталась и, приблизившись к угрюмому Гриду, все же поглотила его. Две легко одетые крылатые барышни, смеясь, подхватили

упирающегося минотавра под руки и поволокли в круг.

Первые секунды Грид отчаянно боролся, находя это насилие неуместным и унижительным для своего ранга. Но ангелы оказались ловкими и напористыми, а главное, выглядели слишком соблазнительно, чтобы отказаться от них. Мохнатые копытца еще немного беспомощно поцарапали пол — для приличия, — и минотавр радостно сдался. Только ради того, чтобы не поранить кого-нибудь рогами, он прекратил сопротивление. В конце концов, он был слишком строг к себе и давно не расслаблялся. Похоже, в безудержной вакханалии действительно есть смысл. А скорее всего, она даже логична! Не могут же такие прекрасные существа ошибаться! Заблуждение никогда не создаст столь совершенной гармонии! Какая возвышенная и тонкая красота тел! Как изящны и грациозны движения!

Минотавр с облегчением ощутил, как беспокойные мысли оставляют его ум. Грида подхватило и понесло куда-то на волнах опьяняющей эйфории. Только не останавливаться! Позволить себе раствориться, исчезнуть, стать одним целым с кружащейся в экстазе толпой!

В стремительном вихре хоровода тела танцоров слились в одно пестрое пятно перед его глазами. Все расплывалось. Сознание успевало фиксировать только отдельные фрагменты событий: обнаженные тела, крылья, рога и щупальца. И вскоре оглушенного минотавра захлестнуло восторженной страстью такой силы, что, казалось, он вот-вот сойдет с ума. Разум тонул в шторме эмоций, а вырвавшиеся на волю инстинкты требовали все больше и больше наслаждений.

Какое-то время Гриду удавалось судорожно балансировать на пике, но волны экстаза вздымались все выше и выше, и, в конце концов, захлестнули минотавра с головой. Разум отключился.

— Кретин! — фыркнула расстроенная Атма, пнув бессознательное тело козлоногого.

Ей было из-за чего разозлиться. Она любила гулять в человеческом мире в самых разных обличьях: то уродливой попрошайкой, то томной роковой красавицей, сорившей деньгами. Если Грид не придет в себя, судебные слушания перенесут. А она строила на следующий день грандиозные планы. С таким трудом выпросила у Нимы отгул! Конечно же, та недоуменно подняла брови, но отпустила. Их тактика на процессе давно отработана до мельчайших деталей.

Нимфа прикусила губу от досады, представляя открытие бразильского карнавала, который и на этот раз обойдется без ее участия. А ведь она так хотела посетить его в этом году! Ей удалось договориться с одной из школ самбы, и они согласились на ее участие в их дефиле на параде. На финальной репетиции организатор пришел в полный восторг! Никто даже не понял, что у нее настоящие крылья! Пришлось, конечно, изрядно потрудиться над имитацией грима. А теперь все пойдет прахом из-за тупого бычка, вообразившего себя сексуальным козлом, нет — козлищем!

Атма хлопнула в ладошки и широко развела руки, растягивая между ними колыхающийся пузырь ледяной воды. Холодный душ разбудил в обмякшем теле мнимого фавна признаки жизни. Ресницы дрогнули, Грид тихо застонал, но не открывал глаз.

— Наплясался? Вставай! Проспишь выступление свидетеля, и Мара с тебя три шкуръ сдерет! А рога на стенку над креслом повесит! — угрожающе прошептала Атма в измочаленное ухо утомленного минотавра и хорошенько встряхнула бедолагу за шиворот. Воротник когда-то нарядной одежды остался у нее в руках, а Грид наконец разлепил глаза и непонимающе замотал головой.

Вокруг успело собраться несколько зевак, с любопытством рассматривающих жертву порока. А в паре шагов хихикала и сыто облизывалась парочка крылатых девок, которые и выволокли бессознательного и помятого фавна из пучины разврата. Атма рассержено зашипела, осадив сладко потягивающихся красоток, и те, увидев свинцовые цвета ее ауры, спешно ретировались.

Грид выглядел побитым и жалким. Похоже, он умирал со стыда. Нимфа презрительно фыркнула и закатила глаза, демонстративно удивляясь полной пустоте в его башке, не оскверненной и толикой интеллекта. Тупая деревенщина сильно укоротила себе жизнь, позволив высосать столько праны. Того количества, что потерял минотавр, хватит на организацию еще нескольких хороводов в местах скопления непуганых идиотов! Впрочем, так ему и надо. В следующий раз будет думать мозгами, а не предметом гордости мифических козлоногих. Надо же так вырядиться... Нелепость какая... Фавн... подумать только... Из пыльного антикварного сундука откопал архив модных журналов? Бедняжка промахнулся на пару тысячелетий! Сейчас это не носят! Над ним кто-то зло подшутил, подсказав нелепый и архаичный образ.

Оценив размер ущерба, Грид жалобно простонал, поведя по горному хрустальному площади изящно закрученными рогами. В изумлении озираясь, он что-то шептал про себя, то ли подсчитывая убытки, то ли проклиная собственную наивность. На мгновение Атма даже пожалела беднягу. Глупец предпочел уйти к Маре, когда тому отдали перспективное

направление. Наверное, парнишка понравился демиургу, если тот поставил его на сложное дело. Жаль, что минотавр не выбрал отдел Нимы. Возможно, из парня вышел бы толк.

Быстро темнело. Грид окончательно пришел в себя и старательно пытался не встречаться взглядом с Атмой. Но свидетелей его недавней активности было слишком много. Народ жмурился от удовольствия, обсуждая подробности недавнего хоровода. Минотавр низко опустил голову, чтобы не видеть ехидно хихикающих божеств, и делал вид, что полностью поглощен подготовкой к процессу.

После недавнего вертепа стало непривычно тихо. Чего-то не хватало. Оглядевшись, Атма сразу поняла, в чем дело. Беспокойный рой веселых вампиров собрал неплохой урожай праны и удалился, не попрощавшись, чтобы где-то на своих тусовках весело прокутить награбленное. Теперь можно чуть расслабиться, зная, что никто не стоит за спиной, питаясь твоей праной.

Загадочно шумела листва, мягко журчала вода между поросшими пушистым мхом скалами, а искорки светлячков загадочно порхали в лунных лучах, причудливо мерцая в лепестках цветущей сакуры. На черную ткань неба высыпала жемчужная россыпь звезд, а где-то за ними прятался родной мир Атмы.

Она родилась на ярко-зеленой заре из цветка белого лотоса, но положенной по семейному статусу радуги над ней не увидели. Посчитав это плохим знаком, родственники отказались от ребенка. Похоже, благой кармы хватило только на реинкарнацию в Чистых Землях, а вот с ее условиями и обстоятельствами сложилось непросто.

Девочка прибилась к молчаливому и вечно хмурому изгою-отказнику, скитающемуся по высшим мирам. Его звали Джай. Никто не знал его возраст и прошлое. Старик снимался с места и уходил навсегда, как только кто-то рядом привыкал к нему настолько, что запоминал его имя. Ему приходилось постоянно кочевать, поскольку он обладал редкой особенностью, с которой ничего не мог поделать — рядом с ним зацветали любые растения, вне зависимости от их состояния и сезона. Поблизости обязательно находилось хоть одно любопытное существо, удивленно рассматривающее колонии грибов на зацветающих пнях, и Джаю опять приходилось искать себе новое место.

Из-за его причуд Атма смогла увидеть самые невероятные места на редко посещаемых планетах, хотя и там они не оставались надолго. Старик страдал от редкого вида паранойи — он боялся хоть чего-то хотеть. «Все объекты вокруг нас кажутся реальными и истинно существующими. Но проблема не в них, а в наших привязанностях к ним!» — не уставал повторять Джай.

Атма так и не поняла, зачем тогда столько лет таскать ее с собой по галактике. Ей все время казалось, что он недоговаривает или скрывает одному ему известную тайну, с трудом терпя общество энергичной девочки. Старый чудак был словно связан некой таинственной миссией, обетом или договором.

От детских воспоминаний нимфу оторвало шлепанье мокрых ласт по хрустальному полу. Массивная туша глашатая ухитрилась втиснуться в черную мантию и напудренный белый парик, из-под которого теперь нелепо высывалась пара коротких, пожелтевших от времени бивней. Выбранная форма одежды была призвана подчеркнуть особенности местного судопроизводства, а заодно и символизировать отсутствие предвзятости на процессе. Если бы дело касалось родины Атмы, то, согласно традициям, Норр покрыл бы себя с ног до головы живыми ракушками.

Но вот образ старого моржа был для него очень дорог, являясь известным

галактическим брендом. Глашатай никогда не менял его, держась торжественно и величаво. Столь грозная внешность мало соответствовала его реальной роли в процессе, но он играл ее артистично и с видимым удовольствием. Единственным судьей здесь являлся «безымянный», но, в отсутствие формы, он мог говорить только через Норра, транслируя ему свои мысли.

Деловито откашлявшись, глашатай нашел взглядом Атму и, дождавшись, когда та кивнет, вызвал первого свидетеля:

— Обвинение вызывает офицера Отдела Дальней Разведки, почетного советника третьего ранга, кавалера ордена Первозданного Хаоса — асура Фитца! Напоминаю, что судья может не иметь необходимых знаний, поэтому информация по рассматриваемому делу должна подаваться в ясной и доступной форме.

Асур! Атма невольно поморщилась, поскольку недолюбливала этих высокомерных созданий, но пришлось пригласить на процесс одного из них, а перечисление его титулов являлось обязательным элементом их этикета. Если доминирующим качеством божеств было стремление к наслаждениям, то особенность асуров заключалась в непомерно раздутой гордости. Эти воинственные и амбициозные существа умудрялись находить удовольствие в яростной конкуренции и борьбе за власть в любых ее формах.

Небо над Площадью Дебатов прочертил разряд молнии, и в вихревой облачке появился расплывчатый и темный силуэт с яркими угольками глаз. Фигура с достоинством поклонилась и замерла, ожидая вопросов. Конечно, лучше всего бы их задала сама Нима, но, согласно правилам, истец и ответчик могли участвовать в процессе только через своих представителей. Ведение столь важных дел всегда доверяли личным помощникам, чтобы исключить ошибки из-за эмоциональной вовлеченности.

— Пожалуйста, расскажите, чем именно занимается отдел Дальней Разведки, — уверенно начала опрос свидетеля Атма.

— Наша задача обнаружить подходящие миры для колонизации. Неужели не ясно из названия? — проворчал Фитц, недовольный тем, что теряет здесь время.

Атма понимающе улыбнулась. Она меньше всего хотела бы сейчас его злить. Но место судьи на этот раз занимало очень необычное существо, никогда не интересовавшееся делами галактики. Именно поэтому его так ценили в качестве арбитра. Оно будет выносить свой вердикт, опираясь лишь на собственное ощущение справедливости, невзирая на привычные и общепризнанные нормы морали и права. Хотя понимание справедливости может быть очень разным, судебные решения «безымянных» принимались бесспорно и безоговорочно. Более беспристрастных существ в видимой части вселенной не знали. Другое дело, что они были очень редки и становились доступны, только когда угасали. Мара превзошел сам себя, добившись участия одного из них в процессе.

— Какую должность вы занимали, когда нашли Землю? — терпеливо продолжила Атма.

— В то время я служил рядовым разведчиком в авангарде сто сорок первой галактической экспедиции, а Мара был моим командиром. Нам очень повезло, ведь это наш отряд обнаружил планету! — гордо заявил Фитц. Должно быть, он до сих пор считал, что его заслуги не оценены в полной мере.

— Конечно-конечно. Мы все помним. Ваши имена выбиты на вечных скрижалях на стенах Дворца Света! — польстила его самолюбию Атма, отметив про себя, как ожидаемо асур раздулся от важности. — Но что необычного произошло дальше?

— Что необычного? — буркнул Фитц, разочарованный, что тему его триумфа не

раскрыли как следует.

— Да, что необычного? Что пошло не так?

— Бог умер. Вот что не так! — отчеканил асур, наконец, сообразив, чего от него добиваются.

— Вы имеете в виду то, что обычно называют «ложным творцом»? — уточнила Атма и выразительно посмотрела на глашатая, чтобы ответ асура крепко отпечатался в памяти «безымянного».

— Да, мы нашли планету с «защитником».

Нимфа удовлетворенно кивнула. Некоторые вещи должны знать даже «бесформенные». В крайнем случае, судья прояснит для себя этот важный момент у Норра.

— «Защитник» ведь был необычным? Расскажите, что там случилось, — попросила Атма, взглядом указав на моржа. Она ведь предупреждала асура, что «безымянный» не знает истории!

— Да, конечно... — согласился Фитц. — Эту историю знает каждый ребенок в галактике. Мы нашли уникального бога, перестроившего всю звездную систему по своему вкусу. Но самое удивительное, что он создал живые организмы из грубой материи!

— Пожалуйста, в двух словах объясните суду, чем они отличаются от наших тел, — настойчиво попросила нимфа.

— Он строил их из обычной материи, вот в чем разница! А все известные нам существа состоят из тонкой! Но я вам не зоолог, чтобы копаться в низкорожденном дерьме! — вдруг огрызнулся асур, потеряв самообладание. Его горящая аура вскипела от возмущения.

От неожиданности Атма только захлопала глазами, а на козлиной морде Грида расплзлась довольная улыбка. Что она сделала не так? Почему Фитц взбесился?

Растерявшуюся нимфу наконец осенило. Гордость! Уязвленная гордость асуров — вот в чем дело. Им трудно признать, что они чего-то не знают. Фитц воспринял вопрос, как публичное унижение. Поставив своего свидетеля в нелепое положение, она почувствовала себя идиоткой.

— Простите. Я задам этот вопрос специалисту, — извинилась Атма, пытаясь сохранить спокойные и уверенные тона ауры. — Скажите, еще до контакта... Как вы поняли, что «защитник» так необычен?

— Все выглядело идеально. Мы сразу заподозрили его присутствие. У заинтересовавшей нас планеты обнаружилось сразу три радиационных пояса. Они удерживаются магнитным полем Земли и пульсируют, отвечая на возмущения Солнца. Слишком тонкий механизм.

— Эксперты Канцелярии разобрались, как появилась эта аномалия?

— Да, впоследствии наши умники восстановили ход событий. «Защитник» столкнул две соседние планеты. В результате образовались Меркурий, Земля и Луна. Насколько я понял, после такого удара уран и прочие химические элементы соединились с серой и, проникнув внутрь железного ядра, спровоцировали возникновение там ядерных реакций. Разогрев планеты запустил магнитное динамо, которое и привело к появлению магнитосферы. Это требовало очень точной настройки. Мы нашли еще множество других признаков целенаправленного внешнего вмешательства. Это не могло быть простым совпадением.

— Как вы действовали дальше? Ведь встреча с таким божеством представляла большую опасность. Мы могли навсегда потерять всю звездную систему, не так ли? — осторожно спросила Атма, аккуратно подталкивая свидетеля в нужном направлении.

— Могли, но не потеряли! Мара рискнул и сам пошел на первый контакт! — насторожился Фитц, поняв, куда она клонит.

— Но он нарушил инструкцию! Вы должны были вызвать профессионалов из Бюро Колонизации! — ледяным тоном возразила Атма. По довольному лицу Грида она поняла, что слишком давит на свидетеля, рискуя ввязаться в полемику.

— Мы добились цели. Все этого и хотели. Поэтому Мара получил и повышение, и кучу наград! Благодаря ему у нас есть нужный результат, а о других вариантах сейчас можно лишь фантазировать. Теперь яйцеголовые высших миров могут спокойно копошиться в своих червячках на уже нашей планете! — повысил голос Фитц. Скорее всего, он все еще считал себя обделенным. Карьерный рост, признание и вся слава достались Маре.

— Вы сами видели его смерть? Может быть, есть неизвестные нам очевидцы? — ядовито осведомилась нимфа.

— Нет, никто не видел... — нехотя процедил асур. — «Защитник» больше не появлялся! Но за это время ваш проект успел загадить планету, так и не дав нужного результата! Живой бог непременно вмешался бы!

— А вам никогда не приходило в голову, что его судьба могла сложиться иначе? — не сдержалась Атма.

— Как? Медитативные галлюцинации Нимы и голоса у нее в голове покажут нам правду? — усмехнулся асур. — Я лишь солдат и привык доверять только тому, что можно потрогать! — Фитц смерил фигурку нимфы жадным взглядом и усмехнулся.

— Ваша Высокобожественность, у меня к этому прид... простите, к свидетелю нет больше вопросов! — Атма не сразу сумела взять себя в руки, обращаясь к судьбе.

Глашатай вопросительно посмотрел на Грида, но тот покачал головой, отказываясь от дискуссии. На губах козлоного змеилась улыбка. Фитц уже сделал все за него. Доподлинно не известно, о чем Мара говорил с «защитником», но Земля досталась им, а значит, он поступил правильно. Победителей не судят.

Норр объявил о закрытии первой судебной сессии, и усталая Атма поспешила к Ниме с докладом. День выдался непростым. Нельзя сказать, что кто-то вчистую выиграл первый раунд, но битва еще впереди, и они к ней будут готовы.

В последнее время Атма практически постоянно находилась в офисах отдела Надзора и лишь изредка выбиралась на Землю. На этот раз ей пришлось лавировать в деловито жужжащей толпе чиновников, туристов и праздных зевак. Гостевые Врата над Землей этим утром оказались сильно загружены и напоминали типичный человеческий вокзал. Многие животные могли чувствовать, а иногда даже видеть высших существ, поэтому прибытие гостей и посещение планеты происходило через специально выделенную часть пространства, оформленного, как тропический сад.

День только начинался, и утро нимфа встретила в прекрасном расположении духа. Она, ловко огибая, обгоняла гостей планеты и почти достигла портала, когда заметила, что впереди вдруг образовался легкий затор. Поток спешащих божеств там словно наталкивался на воздушный барьер и, разделяясь на два рукава, обтекал еще невидимую ей преграду.

Заинтересовавшись необычным феноменом, Атма терпеливо ждала, когда толпа вынесет ее поближе к загадочному препятствию и позволит как следует его разглядеть. Полупрозрачная глыба с грязно-серой аурой невозмутимо устроилась точнехонько на пути к portalу. Вокруг нее растекалась зловещая тень, а трава рядом полегла и завяла. Аромат тропических цветов смешивался с неприятно-сладким запахом разложения. Прохожие делали круглые глаза и, отводя взгляд, старались как можно быстрее миновать оскверненное место.

Невиданно! Умиряющее божество! Зачем оно здесь?

Шокированная Атма остановилась в нерешительности, не зная, как поступить. Сообщить Ниме, или оставить как есть?

В высших мирах жили невероятно долго по человеческим меркам, но все же не бесконечно. Тела божеств редко страдали от боли и, не имея материальных ограничений, были почти неуничтожимы. Ментальные удовольствия служили своего рода едой, поддерживая жизненные силы, но запас праны со временем неизбежно снижался. Когда же он достигал минимума, существо угасало.

Перед гибелью прежде прекрасное тело жителей Чистых Миров сморщивалось и усыхало, что не могла скрыть и смена облика. Яркие цвета блекли, черты лица расплывались, глаза затягивало мутной поволокой, а ясность рассудка сменялась вялостью и притупленностью чувств. Впереди умирающего ждало перерождение в низших мирах, и понимание неизбежного разрывало сердце несчастного горечью и тоской. С приближением смерти божество часто обретало дар ясновидения, имея возможность созерцать не самые приятные подробности своего будущего.

Бывшие друзья и коллеги прятали глаза и всячески избегали даже коротких встреч с обреченным. Никому не хотелось расстраиваться и снижать собственный запас праны негативными эмоциями. Зрелище смерти для божеств являлось чрезвычайно болезненным, из-за чего эта тема издавна была табуирована, и затрагивать ее в приличном обществе считалось дурным тоном. Нельзя омрачать уже чужой праздник жизни горестными стенаниями и унынием. Когда страшные признаки становились очевидны, умирающий удалялся от всех, встречая свой конец в одиночестве.

Атма решила все же сообщить в офис о странном госте и теперь ждала указаний от

Нимы, хотя у нее и мелькала мысль, что она слишком торопится. Существо еще живо, пусть с ним разбирается кто-то другой. Если оно сейчас умрет у нее на глазах, то богиня заставит утилизировать его останки, а ведь она собиралась так весело провести этот день!

Но нет! Ни один труп не сможет сегодня испортить ей настроение! Даже такой безобразный, как этот! Она просто не будет на него смотреть!

Нимфа проклинала собственную ответственность и теперь жалела, что поспешила с докладом. Впереди ее ждало самое захватывающее и яркое шоу планеты. Про бразильский карнавал она слышала задолго до того, как попала сюда, но выбраться туда получилось впервые.

После объединения джедаев и ситхов Нима завалила ее административной работой, не отпуская от себя ни на шаг, если только богиню не отвлекал Мара. Бывшие соперники словно наверстывали упущенное, шатаясь от счастья, как пьяные. Несколько лет эта парочка никак не могла надыхаться друг другом, поэтому свободного времени у Атмы было предостаточно.

Нима возглавила Отдел Надзора и по-прежнему пыталась хоть немного уговорить беспокойное человечество. А демиург прекратил шокировать галактику эпатажными выходками и спокойно экспериментировал с компьютерными онлайн-играми. По его словам, идея состояла в том, чтобы приучить людей к виртуальным мирам, где они бы сбрасывали излишки агрессии.

К несчастью, очень скоро интересы Нимы и Мары вновь столкнулись. Влюбленные пришли к ожидаемо противоположным выводам и разругались в пух и прах. Скандал вышел громким и сопровождался столь яркими и опасными спецэффектами, что в очередной раз поднял на ноги всю Небесную Канцелярию.

Тамошние бюрократы устали от постоянной головной боли из-за этой неистовой парочки, но и обойтись без нее не могли. Попытки найти компромисс не увенчались успехом. Ниме и демиургу предложили тихо и цивилизованно решить все проблемы в Галактическом Суде.

Кто из них прав, Атма так и не разобралась. По служебному положению она защищала позиции Нимы, но ее каждый раз подмывало спросить: почему бы не узнать мнение самого человечества? Что, если раскрыть карты и рассказать все людям? Пусть узнают: Земля используется в качестве инкубатора, а они сами — лишь разумный тестовый образец. Да, такое открытие очень болезненно, но зато оно сразу собьет с людей всю спесь. Хуже, чем сейчас, точно не будет!

Иногда несанкционированные контакты все же случались, и к людям просачивались слухи о Чистых Землях. В последнее время особую популярность у человечества приобрела тема летающих тарелок и инопланетян, и божества были вынуждены придерживаться данного образа при случайных контактах с людьми. Ранее им приходилось выдавать себя за ангелов или нечисть, вроде вампиров, чертей и разнокалиберных вурдалаков. Впрочем, человеческий ум всегда гибко находил свою версию встречи с существами тонкого мира, сохраняя ее в фольклоре, живописи и религиозных сюжетах.

Атма не раз ловила себя на том, что даже завидует людям, несмотря на их короткий жизненный цикл и патологическую склонность к насилию. В уме каждого из них оставалось место для сверхъестественного. Вера и ожидание чуда дарили надежду и обещали бесценное вознаграждение в светлом будущем. Незнание истинного положения вещей порой казалось нимфе большим преимуществом. Человек не знал или не был уверен в существовании

круговорота рождений, не видел адских миров и не испытывал искушения наслаждением, отравленным пониманием того, что оно неминуемо кончится. А каково приходится божествам, томящимся, словно в ожидании казни?

В конце концов, принципиального отличия между обитателями тонких и физических миров просто нет. По сути, проблемы одни и те же. Да, земные организмы собраны из грубой материи, а божества из совершенно другой субстанции, но человека-то они создали «по своему образу и подобию»...

К несчастью, исходный образец не был идеальным. Скорее, наоборот: жители Чистых Земель собирались создать совершенное существо, лишённое их недостатков. Но пока получили лишь новые заботы и нескончаемую головную боль.

Атма поехала при одной мысли о том, что с ней будет, если она отважится открыть людям глаза на истинное положение вещей. Публичное явление божества смертным грозило пожизненной ссылкой в адские миры. Невольным свидетелям пришлось бы стирать память, что часто приводило к побочным эффектам. Иногда оставались лишь ранние детские впечатления, иногда вообще ничего, а иногда человек вдруг начинал разговаривать на древних языках без акцента.

Кармический груз предыдущих жизней изредка всплывал даже у божеств, и это почти всегда оказывалось неприятным сюрпризом. Знание прошлого только добавляло проблем. Такие воспоминания всегда вызывали тоску, ревность, сожаление и ненависть. А если еще и содержали ужасные подробности пребывания в низших мирах, то до смерти напуганное существо надолго погружалось в депрессию.

Устав забивать себе голову проблемами обоих миров, Атма потянулась, разминая затекшие крылышки. Ей казалось, что уже прошла целая вечность.

Почему молчит Нима? Опять выясняет отношения с бывшим возлюбленным? Никто не воспринимал их затянувшийся конфликт всерьез. Скорее всего, переберутся и снова помирятся, ведь они так любят друг друга! Как же иначе?

Асур и богиня... Они такие разные, но история знала еще более чудачковатые пары. Взять хотя бы знаменитую историю любви высшей демоницы из адских миров и Светлого Лорда из Ордена! Правда, кончилось там все плохо...

Нимфа совершенно забыла про умирающее божество, мечтательно смакуя подробности древнего мифа. Как хотела бы и она встретить «его», чтобы испытать такую же страсть! К сожалению, все претенденты на ее сердце пока оставляли Атму равнодушной. Грид очень старался, и Атме порой его становилось искренне жаль. До нее доходили слухи, что он из очень знатного рода, но минотавр... Рога, копыта, большие... Нет!

В любом случае, у нее сейчас есть прекрасная возможность показать себя. Если выиграть процесс, то можно купить небольшую луну или хотя бы крупный астероид в центральной части галактики. Она бы сделала его подобием своей родины...

Атма незаметно погрузилась в мир грез и воспоминаний. Почти забытый вид изумрудных озер... Волны мягко покачивают гигантскую кувшинку, теплый ил приятно ласкает ноги. В сумерках загадочно мерцает планктон, под пылевыми кольцами уходящей луны беспечно вьются стремительные стайки дриад, а усатые моллюски на прибрежных камнях заводят свою ежевечернюю песню, вплетая ее прекрасную мелодию в звон бесчисленной мошканы. Из-под полузатопленных коряг осторожно выглядывают мордашки любопытных фей, а на холмах уже зажигаются ночные огни, и слышится беззаботный смех резвящихся нимф...

Атма закричала зубами от злости, отгоняя воспоминания. Она не могла простить своих родственников и дала обещание никогда к ним не возвращаться.

Если бы не Джай, то что бы с ней стало? И где сейчас странствует этот сумасшедший старик? Только благодаря ему она получила заветное распределение на Землю. Но была тогда так ошеломлена и обрадована, что даже толком не попрощалась.

— Ты еще успеешь это сделать! — прохрипел ворчливый голос совсем рядом, заставив нимфу встрепенуться.

— Джай! Где ты? — Атма беспокойно огляделась, но никого не увидела.

— Прямо перед тобой, тупица! Впрочем, что с тебя взять, ты никогда не отличалась особенной проницательностью... — источник ворчливого кряхтения находился в зловещей глыбе!

— Джай! — Атма радостно кинулась к нему, наплевав на приличия, но ее осадил до боли знакомый приказной тон.

— Сядь! Не веди себя, как дура! На тебя оглядываются!

Нимфа хотела возразить, что об этом ему стоило подумать раньше! Выбрать для очередного спектакля самое шумное место планеты! И хорошо бы, если б этим все и ограничилось... С изгоя-отказника станется и с хохотом умереть здесь, прямо на публике, а что подумают про нее? Разговаривать с угасающим божеством не принято. Конечно, Нима не уволит ее, но их встречу надолго запомнят, а любая чудаковатость повредит карьере.

— Если и так, то тебе пойдет на пользу... — буркнул старик. — Карьера умножает беспокойство ума, а репутация лишь массовое заблуждение. Чужие слова — как шум ветра в сосновом бору. Что тебе до них? Никто не знает тебя лучше, чем ты!

Только сейчас до Атмы дошло, что все это время Джай запросто читал ее мысли! С каких пор? Неужели он владел телепатией? Она заметно покраснела, судорожно перебирая в памяти давние подростковые фантазии...

— Не переживай, я пришел проститься... — старик наконец-то смог открыть глаза, чтобы посмотреть на любимицу. — Знаю-знаю! За меня не волнуйся. — Он не давал сказать ей ни слова, читая мысли, едва они появлялись. Но со стороны это выглядело монологом умирающего божества, свихнувшегося в преддверии смерти.

— Я видел свое новое воплощение. Оно мне понравилось. Скорее, тебе надо бы пожалеть себя... — в его словах слышались нотки укора.

Атма недоуменно подняла бровь. Жалеть себя? У нее все хорошо! Джай смеется над ней? В конце концов, умирает здесь он! А она ощущала себя еще совсем юной!

— Молодые всегда чувствуют себя так же. К сожалению, это нормально для нашего мира. Но мне тебя жаль... — тихо проскрипел старик. Слова давались ему с видимым трудом. — Я заботился о тебе, потому что видел потенциал, который не разглядели твои глупые родственники. Радуга была, но не над тобой, а вокруг солнца, чуть скрытого облаками, да еще и тройная! Очень редкий знак. Ты настоящее сокровище, хотя пока ни о чем не догадываешься...

— Почему ты им тогда не сказал? — не выдержав, воскликнула Атма. Да он просто украл ее у семьи! Сколько ей пришлось пережить, скитаясь по галактике с молчаливым и чокнутым типом! И ведь он даже ничему ее не учил!

— Нет. Учил, но не словами... — упрямо возразил Джай. — Я показывал тебе, как жить, ни к чему не привязываясь. Нельзя было оставлять тебя там. Еще одна заурядная болотная нимфа, прожигающая жизнь на провинциальных пирушках? Знала бы ты свое

прошное и будущее... — Старик горестно покачал головой.

— Если и так, то это не повод портить мое настоящее! Да и как ты мог все решить за меня? — возмутилась Атма.

— Когда ребенок тянется к огню, мать действует без промедления. Причем так, как считает нужным и правильным. Сансара же намного хуже огня. В ее кипящем котле нет прохладного места! — повысил голос Джай.

— Ты всегда так уверен в своем понимании истины... Откуда тебе знать, что прав именно ты? Вот Нима, к примеру, говорит, что спасение лишь в истинном сострадании, а все отречение только упражнение в тщетности! — выпалила Атма, стараясь кинуть старика побольнее.

— Нима настоящий аватар сострадания, но она лишь укореняет в себе очередную привязанность! Такие веками мечутся по галактике, пытаясь спасти тех, кого невозможно спасти!

— Почему невозможно? Она говорит, что только помогая другим, можно освободиться...

— Хотя бы потому, что «другие» не хотят принимать ее помощь! Результат — лишь замена одного удовольствия на другое! Ей нравится строить из себя мессию, но это еще один вид наслаждения. И он очень опасен именно потому, что более «тонок», раз кажется чем-то действительно стоящим!

Атма не стала возражать, подумав, что слишком наивна для того, чтобы с ним спорить. Хорошо бы свести Ниму и Джая, чтобы послушать их диспут. Ей всегда казалось, что каждый из них прав. Должно быть, она очень доверчива.

— Именно так! — согласно кивнул старик. — Нельзя верить всему, что услышала. Ты должна во всем убедиться сама. Поэтому я и таскал тебя с собой по планетам. Не важно, как выглядят твои привязанности. Не важно, к чему они относятся. Отсекай желания и мечты, не разбираясь! Среди них нет полезных!

— Зачем же ты тогда отправил меня на Землю? — недоуменно спросила Атма.

— На этот раз все должно быть по-другому! Но тебя опять понесло не туда. Помни, чему я учил! Сделай все правильно! Пожалуйста, не разочаруй старика, моя девочка... Прощай! — Джай вложил в свои последние слова остатки праны.

Его тело начало стремительно таять, становясь прозрачным и чистым. Вскоре от Джая осталась только небольшая лужица, над которой поднимались радужные пузырьки.

Поток снующих вокруг божеств мгновенно остановился. Задние ряды напирали, возникла легкая давка, но все изумленно молчали, понимая, что являются свидетелями чуда.

«Радужное тело! Он реализовал тело света!» — взволнованный шепот волной пронесся в толпе еще до того, как Гостевые Врата на миг исчезли в ослепительной вспышке. Когда же все протерли глаза, то увидели, что на месте засохшей травы и безобразной глыбы теперь благоухали цветы невиданной красоты...

Посмертное явление «радужного тела» было очень редким феноменом. Считалось, что его обретение подтверждало, что умерший являлся мастером особых духовных практик, тайно передававшихся от учителя к ученику. Никто не знал, что из себя представляли эти практики. Покойники имели дурную привычку ничего не объяснять. А толкователей всегда хватало с избытком. Некоторые наглецы утверждали, что продолжают получать наставления от святых мертвецов во сне или в медитации.

Одни считали, что это и есть окончательный переход в нирвану. Другие говорили, что

так обретается «тело света» для блаженного бытия на верхних планах высших миров и помощи тем неудачникам, что до сих пор влачат внизу жалкое существование. Проверить эти заявления никто не мог.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Впрочем, среди жителей Чистых Земель загадочное явление «радужной вспышки» случалось нечасто. Насколько помнила Атма, за всю историю официально подтвердилось всего несколько десятков таких случаев. Почему-то на Земле такие практики удавались людям лучше. Возможно ли, что «Мечта» все же работает? Очень редко и избирательно, но работает?

Атма решила при случае обо всем обстоятельно поговорить с Нимой, а пока сбежать. Рано или поздно дознаватели начнут искать учеников Джая. Никто не поверит, что он ничему не научил юное божество, которое так долго таскал с собой по галактике. В ближайшую пару месяцев ей придется доказывать собственную бестолковость.

Оставив за спиной заинтригованную и нервно охающую толпу, Атма проворно выскользнула за Гостевые Врата и торопливо телепортировалась в Рио, молясь, чтобы федеральные чиновники забыли о ее существовании. Ей нужно время, чтобы собраться с мыслями и как можно быстрее выбраться отсюда. Упрямый старик сильно осложнил ей жизнь, публично продемонстрировав высоты своего духовного постижения. Свидетелей их последнего разговора слишком много. Просто так от нее не отстанут, а судебный процесс в самом разгаре!

Дальнейший ход событий предугадать нетрудно. Сейчас соберут комиссию, соскребут остатки тела с газона и отправят их на анализ. Опросят очевидцев, а по итогам расследования старика объявят святым и поставят здесь памятник. На некоторое время изгой-отказники станут популярны в галактике, а Джаями назовут несколько миллионов невинных младенцев в надежде, что те повторят его подвиг...

Невидимая для людей, нимфа беззвучно скользила по вечернему небу над самым шумным и романтическим городом планеты. Внизу проплывали белоснежные пески Кобакабаны, гора Коркувада со знаменитой статуей, башни надменных небоскребов и муравейник расписанных граффити фавел. Солнце уходило за горы, покрытые тропическим лесом, и на прощание кинуло на гладь моря огненную дорожку, словно собираясь поджечь сотни яхт в гавани.

Но Атме сейчас было не до этих красот. Она не могла прийти в себя после смерти учителя, хотя не понимала, чему тот ее научил. Мастер, продемонстрировавший «радужное тело», не мог ошибаться. Он наверняка знал, о чем говорил. Вдруг плоды его усилий проявятся позже?

Никто до сих пор не догадывался о скрытом величии Джая. Все считали его еще одним чудаковатым изгоем. Он никогда не вещал о прописных истинах, как это делала Нима, не поражал мудростью взгляда или чистотой тонов ауры. Не проявлял ни божественной проницательности, ни сверхъестественных сил, если не считать таковыми буйное цветение вокруг него местной флоры. Обычно ему это только сильно мешало. Старик не бормотал мантр, не разгонял тучи руками и не раздаривал любовь и добро направо и налево. А вот в момент смерти отчудил так, что о нем теперь будут шептаться по всей галактике!

Раздосадованная нимфа закладывала стремительные виражи, словно хотела разбиться вдребезги, чтобы не жалеть о потерянном времени. Ее расстроила даже не смерть учителя, а собственная бездарность. Провести столько лет рядом с одним из величайших божеств современности и оказаться столь тупой, что ничего не заметить!

Действительно, с ним и так теперь все в полном порядке, но вот ее достанут. Джай должен был передать свои практики единственной ученице. Но вместо этого старик выдал несколько загадочных фраз и устроил радужный фейерверк, который выйдет ей боком. Обычная жизнь, которую Атма так любила инкогнито проводить на Земле, теперь изменится навсегда. Ее начнет преследовать пресса и толпа фанатов, алчущих скрытых духовных сокровищ и мистических знаний. А чиновники из Канцелярии начнут демонстрировать заезжим туристам ценные экспонаты в новом музее, посвященном знаменитому изгоя-изгнаннику. Она будет там кашлять от пыли и читать нудные лекции до тех пор, пока про нее, наконец, не забудут.

Может быть, Нима что-то придумает и замнет дело. В конце концов, Атма при всех сказала Джаю только пару фраз! Вдруг никто не заметил? Да нет, не пройдет. Ее с Джаем столько лет видели вместе!

Атма до боли закусила губу, злясь все больше. Почему ей надо думать о том, что она кого-то разочарует? Мастер ведь не зря обмолвился про репутацию. Она скажет всем правду, и пусть думают, что хотят! Нима поймет, а на остальных ей плевать!

На душе стало легче. Ей надо развеяться. Более не сомневаясь, Атма в крутом пике устремилась на одну из запруженных веселящимся народом улиц, как вдруг заметила чей-то силуэт, прежде скрывавшийся в слепящих лучах солнца.

Началось? Дознаватели, пресса?

Фигура выглядела прозрачной, но все же преломляла свет, да и ауру божества спрятать

трудно. Она хоть изменчива и текуча, но все же уникальна, подобно отпечаткам человеческих пальцев.

Грид! Нимфа облегченно вздохнула. Но ему-то что надо?

Впрочем, она уже знала ответ. Парень сох по ней с первой встречи, и частенько за ней подглядывал. Изучал, неуклюже и трогательно пытался ухаживать, но подобрать ключи к сердцу так и не смог. По словам Джая, любовь одна из самых страшных привязанностей и способна мгновенно лишит разума. Возможно, ей чему-то все же удалось научиться у старика...

Дав на секунду волю воображению, Атма фыркнула от отвращения. Грид слишком прост и неинтересен, что он может ей предложить? Примитивный набор животных утех, подсмотренных в хороводах суккуб? Пусть сбрасывает пар у них, наверняка в прошлый раз ему там понравилось...

Нимфа поймала себя на мысли, что бразильский карнавал, по сути, является той же ловушкой из вихря эмоций, куда вчера так простодушно вляпался Грид. Только там выкачивают не прану, а деньги туристов, а в человеческом мире они играют ту же самую роль. У кого они есть, тот живет в райских мирах небоскребов, а у кого их нет — спускается на адское дно нищих фавел.

Атма сделала вид, что никого не заметила. Пусть Грид волочитя где-то сзади, он безвреден и мешать не будет. Кроме того, всегда приятно разделить с кем-то восторг от хорошего зрелища. Надо бы поторопиться, внизу ее уже ждали.

Рио успел погрузиться в «великое безумие» ежегодного праздника, традиции которого терялись в глубине веков, но, скорее всего, имели африканские корни. Народ пил пиво, танцевал самбу, горланил песни и был преисполнен решимости всю следующую неделю с энтузиазмом предаваться разгулу.

На это время мэр города сдал власть «королю карнавала», и автомобильное движение почти везде перекрыли. Улицы и пляжи города забились до отказа веселящимися толпами, одетыми лишь в блески и перья. Бесчисленных туристов опознать было просто. В одинаково белых шортах и шлепанцах они брали штурмом билетные кассы знаменитого шоу, а в остальное время неумело копировали восторженную страстность местных жителей.

Атма опустилась на площадь, прилегающую к «самбодрому», но принимать материальную форму не торопилась, решив оглядеться. С наступлением сумерек жара спала, но было шумно, многолюдно и тесно. Шли последние приготовления к большому карнавальному балу, и площадь напоминала поле боя, где вот-вот должны сойтись в битве несметные рати. Парад школ самбы для местных являлся своего рода религией. Каждая коммуна целый год готовила красочное представление и теперь должна была продемонстрировать изобретательность своих адептов и их танцевальные навыки.

На нарядно украшенных колесных платформах установили огромные аллегорические фигуры, но из-за узости улиц некоторые повозки успели потерять часть декораций. Механики выбивались из сил и латали их, чтобы те не развалились на пути к славе, не успев въехать на самбодром. Грандиозным конструкциям предстояло проехать семьсот метров по улице, зажатой между двух высоких трибун. Часто люди забывались, отплясывая уж слишком энергично, и сложные конструкции не выдерживали.

Зажигательные танцы любителей и профессионалов жаждал увидеть каждый житель и гость города, а смотреть на это дивное шоу можно было, лишь став его участником. Цены на билеты и костюмы сильно кусались, но удовольствие пройти участником парада того

стоило.

На площади пахло потом, повсюду ошалело метались туристы, разыскивая свои колонны. Под ободряющий свист и крики зрителей, удобно устроившихся на крышах, народ со смехом натягивал на себя диковинные наряды и радостно позировал, фотографируясь. Мужчины в белых майках и панамах разминались, готовясь толкать тяжелые повозки, а рабочие в синих спецовках разносили бочонки с бесплатной холодной водой для страждущих.

Атма заранее выбрала одну из школ самбы второй лиги, которой сегодня предоставили право открыть парад. Коммуна выбрала тему извечного противостояния ада и рая, поэтому найти «своих» оказалось несложно. Процессия состояла из нескольких отрядов, выраженных под косматых неандертальцев, белоснежных ангелов, рогатых демонов и синих остроухих существ, олицетворявших силы природы. По замыслу организаторов, именно она помогла небесному воинству победить адские легионы.

В прошлый раз Атма договаривалась о своем участии в шествии с каким-то толстяком, представившимся одним из руководителей коммуны. Нимфе не составило труда изменить внешность, подогнав ее под рекомендованный образ лесных дриад. Люди имели странное представление об этих грациозных лесных существах, но Атма благоразумно не стала показывать, как те действительно выглядят. Скорее всего, их настоящий вид перепугал бы тут всех до смерти.

Родные крылья изменили форму, приобрели блеск дорогого пластика и обильно украсились стразами, а вот с фигурой пришлось повозиться. Объемные женские прелести являлись для бразильцев предметом особого культа и гордости. Особенно здесь ценились выпуклые ягодичные мышцы. Почти на каждом столбе висели листовки, приглашающие зрителей на чемпионат идеальных женских поп.

Атма не понимала причин столь трепетного отношения к тому, что оставили человеку, когда он встал на ноги и утратил хвост. Его функции как раз и перешли к ягодцам. Сокращаясь, они позволяют удерживать равновесие при ходьбе. В любом случае, нимфа просто примет тот облик, который тут просят. Она долго добивалась нужных пропорций, то увеличивая, то уменьшая определенные части тела до местных стандартов. Человеческие идеалы совсем не учитывали аэродинамику. С таким дивным богатством дриада летала бы низко над землей, как перегруженный медом шмель.

По восхищенным взглядам людей Атма поняла, что за ней оставят место, даже если на парад попросится весь подиум конкурса красоты. Теперь же ей оставалось только вспомнить настройки и подробности той формы и аккуратно материализоваться.

— Ну, и где твоя русская красавица, Фил? Нам вот-вот выступать! Мне вон тех пьяных немцев нарядить в трусы и крылышки? — раздраженно допрашивал растерянного толстячка высокий парень в зеленом трико. Узкие бедра, широкие плечи, волосы забраны в пучок на затылке. Судя по хорошо развитой мускулатуре, красавец немало времени проводил в спортзале.

Его лицо и голый торс был выкрашен в синий цвет и вдобавок расписан светлыми линиями. Рядом крутилось еще несколько столь же нарядных мужчин с фальшивыми острыми ушками. Все они выглядели диковинным плодом смешения голливудских фантазий на тему «робин-гудов» и «аватаров».

Рассматривая этот великолепный мужской экземпляр, Атма вдруг испытала странное ощущение, будто что-то забыла и не может вспомнить. Ум тревожило нечто важное, ценное

и очень-очень древнее, будто пытавшееся дотянуться до нее из прошлого. Появилась уверенность, что необычное переживание связано с этим самоуверенным атлетом.

Глубоко внутри нее, всего на миг, словно проснулось почти бесконечное ожидание. И тоска. Там пряталась бездна! Атма даже отшатнулась, будто пытаясь отойти от края. Но уже через секунду душу заполнило облегчение — теперь все будет хорошо! Она дождалась!

Ничего не понимая, Атма закрыла лицо руками и присела, собираясь с мыслями. Ей казалось, она сейчас упадет. В голове все кружилось и путалось. Что с ней происходит?

Нимфа в растерянности пыталась вспомнить хоть что-нибудь о незнакомце в синем, но тщетно. Что ее может связывать с простым человеком? С простым, пусть даже разумным, организмом из грубой материи! Ведь она божество!

Атма снова и снова прислушивалась к себе, но в душе воцарилась прозрачная тишина. Наваждение ушло, не оставив и следа. Теперь ей казалось, что ничего серьезного не произошло. Может быть, сказываются последствия стресса? Прощание с Джаем, его слова-ребусы, а теперь еще и непонятные волнения на пустом месте... Не слишком ли много для одного дня?

Тем временем мужчины начинали все больше нервничать, и разговор перешел на повышенные тона. Решительно встав, Атма начала искать безопасное место для материализации. В любом случае, ей нельзя отпускать от себя этого синекожего.

— Ханс, не спеши. Подождем немного. Она все оплатила. Значит, появится... — неуверенно пробормотал толстяк, устало промокнув лоб салфеткой.

— А если к конкурентам ушла? Ты даже ее телефон не взял!

— Ну, ушла и ушла! — разозлился толстяк. — Ты ведь ее не видел!

— Я-то не видел, но вот у тебя она последние три дня с языка не слезает!

Атма торопливо влетела в щель между двумя платформами, где ее никто не мог увидеть. Торопливо воплощаясь, она еще раз проверила все детали наряда, благо он почти весь состоял из блесток и крохотных листиков. Выждав несколько секунд, она проворно выпрыгнула из тени.

— Здравствуйте! Простите меня! Я не опоздала? Подгоняла костюм и пудрила носик, — невинно пролепетала Атма, притворяясь, что запыхалась.

Нимфа тяжело дышала и виновато улыбалась, изображая раскаяние. Высокая грудь мерно вздымалась, надежно приковав к себе взгляды оцепеневших мужчин. Похоже, именно эта часть ее тела казалась им особенно важной. Никакого сомнения, что обладательница такого богатства уж обязательно украсит карнавал.

— Привет! — сдавленно поздоровался Фил. Он уже видел Атму и потому быстрее пришел в себя. — Нет-нет. Ты успела. Отлично выглядишь, хорошо подготовилась... — забормотал он, пытаясь изобразить сугубо профессиональный интерес к роскошной женской фигуре.

Впрочем, внимание к ней было всеобщим. Люди замедляли шаг и останавливались. Мужчины нервно переглядывались и восхищенно цокали языком, любуясь. Женщины делали круглые глаза, хмурились или натянуто улыбались. Рабочие тут же перестали таскать воду, а зрители на крышах развернули свои бинокли и начали опасно толпиться у самого ограждения. Толпа все росла, и Филу пришлось отобрать у кого-то черный демонический плащ с красным подбоем, чтобы на время прикрыть прелести Атмы.

— Хватит пялиться! Быстро разошлись по своим платформам! Неандертальцы должны давно стоять в колонне! Аватары — строиться! — скомандовал Ханс и пронзительно

засвистел в свисток. — Макияж обновить, перья расправить! Через десять минут выступаем!

Народ разочарованно загудел. Все еще оборачиваясь, люди послушно разбрелись по местам. Похоже, парень в зеленом трико тут был за главного. Одобрительно улыбнувшись нимфе, он отвел Фила на несколько шагов. Атма прекрасно слышала их возбужденное перешептывание.

— Так. Давай все переиграем. Посадим ее наверх. Музой! — горячо зашептал синекожий раскрасневшемуся толстячку.

— С ума сошел? Мы не успеем переодеть ее! Да там уже и сидит твоя Мириа! Она тебя сожрет с потрохами! — испугано прошипел Фил, отшатнувшись.

— Мири поймет, когда ее увидит! Такую и переодевать не надо. На ней же все равно ничего нет! Быстренько добавим позолоты, дадим два страусовых веера — и Парад Победителей наш! Да все рыдать будут от восторга, когда ее разглядят! — не унимался Ханс.

— Стоп! Мириа профессиональная танцовщица! Лицо нашей школы на трех карнавалах подряд!

— Да? И чего мы добились за последние три года? Это наш шанс! С такой красавицей мы попадем прямо в первую лигу!

— А ты уверен, что она вытянет наверху? Вдруг свалится оттуда на нервах или не умеет двигаться? Мы даже не знаем ее имени! — засомневался толстяк, подозрительно косясь на новую претендентку на трон. — Как тебя зовут, детка? — крикнул он ей.

— Аня! И я хорошо танцую! — гордо заявила нимфа, грозно сверкнув глазами. Разозлившись, она топнула стройной ножкой и сбросила с себя плащ, опровергая сомнения более чем весомыми аргументами.

Два идиота! Эти человечешки ведут себя, как будто ее рядом нет! Они смеют сомневаться в способностях божества? Озерные нимфы рождены для величественных небесных балов, рядом с которыми их маскарад — жалкое сборище клоунов!

— Потрясающе! — восхищенно прошептал Ханс. — Да она заведет трибуны так, что второй тур не понадобится. У нас будут новые спонсоры! Видишь? Посмотри, какие формы, какой темперамент!

— Ты бы лучше вспомнил про темперамент Мириа... — мрачно буркнул Фил и обреченно махнул рукой. — Хотя как хочешь. Твоя девушка, тебе с ней и разбираться. Желаю удачи, она нам понадобится...

Для своих габаритов толстяк оказался необычайно проворным. Оставив партнера разбираться с двумя девушками, Фил трусливо сбежал равнять ряды своей разноцветной армии. Аватары все еще беспечно разгуливали по площадке, а демоны излишне толерантно смешались с ангелами, разбавив их белое каре черными пятнами.

Ханс подозвал полуголую мулатку с флакончиком позолоты для новой музыки, а сам отважно отправился на сложные переговоры с воинственной Мири. Ее гнездо находилось на высокой конструкции, изображавшей гигантского трефолка. Мощный ствол обвивала толстая лоза, образуя крохотные площадки для танцующих дриад. Первые участницы уже карабкались на свои места, а добравшись, старательно пристегивались ремнями, чтобы ненароком не свалиться в карнавальной экстазе.

Нимфа терпеливо ждала, когда ее выкрасят золотом. К сожалению, визажист прикладывалась к банке пива гораздо охотнее, чем к краске. Неряшливо заляпав новую музыку пятнами, мулатка виновато развела руками. В таком виде явить себя миру божество не могло. Времени исправлять халтуру не оставалось. Разозленной нимфе пришлось вырвать

флакончик из рук девушки и отпустить ее восвояси.

Легче выстроить весь облик сначала. Атма торопливо забралась в укромное местечко между платформами, чтобы развоплотиться.

Ее метаморфоз никто не заметил. Битва Ханса и Мири занимала все внимание публики. Экспрессия разжалованной королевы вызывала искреннее восхищение яркостью эмоций и точностью использованных метафор. Два роскошных страусовых веера упали в дорожную пыль, а бросок золотой короной едва не стоил Хансу жизни. Оставшись внешне невозмутимым, он бережно поднял слегка помятый артефакт, тщательно вытер и повелительным жестом позвал к себе Атму.

— Мы доверяем тебе самую ответственную роль. Поверь, решение далось нелегко... — Ханс криво усмехнулся, видимо, представляя, что ждет его, когда Мири спустится. — Ты уж не подведи нас!

— Понимаю... — согласно кивнула Атма, скромно потупив глазки. — Вы не пожалеете. Обещаю! — Подарив парню улыбку, она постаралась вложить в нее все свое обаяние. Он ей нравился. Ей хотелось компенсировать ему ссору с Мири, тем более что красавица разошлась не на шутку.

Нимфа вдруг поняла, что завидует ей. Конечно, такой атлет не мог испытывать недостатка в женском внимании, но ее к нему притягивало что-то другое. Это неясное ощущение лежало за пределами разумных объяснений. Наверное, ближе всего понятие кармы... Чувство, что их судьбы переплетены. Причем так, что из клубка не вырваться, даже если убежать на другой край галактики. Несколько ошарашенная новым переживанием, нимфа притихла и перестала замечать окружающее.

Тем временем к платформе подогнали кран, чтобы спустить закатившуюся звезду на землю и водрузить на ее место новую. Мирия что-то опять проорала сверху, и Атма очнулась.

Что она себе напридумывала? Похоже, утренние события сильно выбили ее из колеи, раз в голову полезли всякие нелепицы. Это всего лишь люди! Поразительно, что она так незаметно окунулась в их мир и стала относиться к его обитателям совершенно серьезно...

Атма подумала, что ведет себя, как ребенок, забывшийся за возней с оловянными солдатиками в пластмассовой крепости. Очевидно, точно так же происходит и «погружение в божество». Вся разница лишь в способностях «игроков» и в продолжительности «игры». Видимо, поэтому Нима всегда говорила о «первородном неведении»: реальность лишь иллюзия, где заблудилось сознание, ложно ассоциируя себя с миражами...

Кран опустил деревянный поддон с Мири прямо перед погруженной в раздумья нимфой. Путь к славе открылся.

Атма машинально сделала шаг вперед, но дорогу к трону преградила бывшая муза в прескверном расположении духа. Казалось, Мириа в любую секунду могла броситься на нее. Темпераментная латиноамериканка не терпела соперниц. Она явно знала себе цену. Длинные, иссинь-черные волосы обрамляли смуглое лицо с высокими скулами. Золотистая кожа, четко очерченные брови, чувственные губы, сейчас искривленные яростью. Руки сжаты в кулаки, в глазах гнев.

Некоторое время девушки стояли и молча сверлили друг друга взглядами, словно два боксера на взвешивании. Люди вокруг испугано затихли. В воздухе разлилось такое напряжение, что казалось, сейчас грянет гром.

— Милая, давай обойдемся без сцен. Ты пойдешь впереди нашей колонны. Тебя там

будет даже лучше видно-о! — умоляюще протянул Ханс. — Посмотри на нее! Эта русская наконец-то выиграет нам парад! Они же все детство проводят в шествиях у мавзолеев!

Некоторое время Мири колебалась. Здравый смысл взял верх над жгучей жаждой мести в очень непростой борьбе. Девушка сделала шаг назад, и все облегченно выдохнули.

Атма зашла на поддон, спиной ощущая желание Мири отвесить ей хорошего пинка напоследок. Нимфа не была уверена, что тогда сумеет сдержать себя и не спалит Мири дотла вместе со всем самбодромом.

Вздыхнув, она сделала над собой усилие, чтобы не смерить соперницу презрительным взглядом. Давно она не баловала себя такими страстями! Что бы сейчас сказали Джай или Нима...

— Знаешь слова нашей песни? — не дожидаясь ответа, Ханс сунул ей в руки измятую бумажку и расшитую золотом накидку с красной бахромой. — Не успеешь выучить, просто открывай рот! И двигайся-двигайся! Показывай себя! Прикройся вот этим, пока не поравняешься с первой трибуной.

Атма не успела даже кивнуть. Кран стремительно вознес ее на высоту четырехэтажного дома и осторожно опустил в гнездо на самой вершине рукотворного дерева. На маленькой площадке торчали две изогнутые железные палки, за которые надо было держаться.

Отсюда открывался чудесный вид на уже выстроившуюся колонну. Ее возглавлял до блеска начищенный винтажный автомобиль с флагами и символами школы. В авангарде расположилась первая платформа с гигантской обезьяной, а впереди шумели неровные ряды неандертальцев с дубинами. Небесное воинство выстроилось вокруг огромного ангела. За ним чернели силы Преисподней во главе с дьяволом. Замыкали колонну полчища синих аватаров и трефолк Атмы с прикованными к нему дриадами. Перед каждой группой стояли танцовщица в дорогом костюме и ее партнер. В отряде «сил природы» эту роль теперь играли Ханс и Мириа.

Атму вновь посетило нечто вроде предчувствия. Этот загадочный парень с фигурой античного бога не мог быть обычным человеком! Она никогда не была доверчивой и впечатлительной нимфой, впадающей в краску при виде brutальных мужчин. В высших мирах не было некрасивых существ. Великолепные тела и идеальная внешность там являлись нормой. Ее притягивает не красота. Тут что-то другое!

Нимфу вдруг ощутило качнуло. К счастью, это оказалось всего лишь работой механизма, а не новым всплеском интереса к простому смертному. Тихо загудел скрытый движок, и ветви дерева затрепетали. Девушки-дриады радостно запищали, захлопав в ладошки. Люди устали стоять и жаждали вознаградить себя за долгое ожидание заслуженным признанием и восторгами зрителей. Похоже, все были готовы.

Наступил момент истины, и ночь раскололи залпы салюта. Завыли сирены, и звездное небо пронзили шпаги лучей от десятков разноцветных прожекторов. Парад начинался. За школы самбы здесь болели, как за футбольные команды. Казалось, весь город восторженно взвыл в ожидании долгожданного дефиле. Крики радости смог заглушить только сводный оркестр. Ритм задавали многочисленные барабанщики, неистово стуча в самые диковинные инструменты.

Авангард парада торжественно вполз на самбодром — прямую улицу, зажатую между высоких трибун. Сейчас она до отказа была забита народом. Сверху сыпался дождь из серпантина и блестящих конфетти. В небе, едва не сталкиваясь, барражировали вертолеты телевизионных компаний, соревнуясь за лучшие кадры. Громадная декорация в виде обезьяны подняла мохнатые руки, словно молилась богам самбы, что вызвало взрыв оваций у истомившейся в ожидании публики.

Великолепное зрелище захватывало дух, а людские эмоции походили на извержение вулкана. Экзотические красавицы не пытались скрыть своих великолепных фигур за блестками и роскошными перьями. Сияние золотистых тел в обрамлении страз и камней, буйство красок и неистовая энергия самбы — все это ввергало зрителя в экстаз, заставляя срывать горло в воплях одобрения.

Вдоль колонны металась служащие, пытавшиеся сохранить стройность шеренг, поскольку она строго оценивалась жюри. Но всеобщее возбуждение было настолько большим, что усилия пропадали впустую. Остановка, заминка, повреждение экипировки или элементов конструкции приводили к потере очков.

От слаженности и координации участников шоу зависело многое, но ключи к победе лежали в мастерстве танцовщиц в сказочно-красивых костюмах. И на этом балу сейчас правила Мирия. Девушка с наслаждением купалась в лучах славы. Ее виртуозный танец привлек к себе все внимание зрителей, отвлекая от растянувшейся колонны «нечисти».

Атма с нетерпением ждала момента, когда ее трефолк наконец въедет на самбодром, чтобы явить миру новую музу. И, как только платформа поравнялась с первой трибуной, она картинно сбросила плащ, предвкушая эффект.

Но ничего не произошло! Роскошное тело нимфы так маняще отливало золотом, но на нее попросту никто не смотрел.

Телекамеры не выпускали из фокуса Мири, лишь изредка переключаясь, чтобы дать общий план. Страстные и игривые движения танца словно приковали к ней лучи разноцветных прожекторов, не отпуская ни на секунду. Нанесенная обида разбудила в Мири спортивную злость, но глаза ярко блестели, а на лице сияла улыбка. Ритмично и завораживающе крутя бедрами, она не давала восхищенным зрителям оторвать от себя взгляд. Чувственная пластика и эмоциональность сделали Мири настоящей королевой парада.

Нимфа не верила своим глазам. Она создала совершенное тело, а ее техника самбы безупречна! Как могла обычная женщина заслонить сияние божества?

Самбаход, повороты, ботафаго, вольта, корта джаки — для нимфы не составило труда запомнить несколько сложных па. Но не хватало прирожденного кокетства и темперамента

Мири. Талант не сумела скопировать даже высококороченная.

Атма поняла, что с треском проиграла. Осознание поражения обжигало, обволакивая удушливым дымом депрессии. Праздник вокруг будто исчез, настроение ушло. Нимфа словно погасла и больше не могла улыбаться. Былой задор пропал, а движения стали выглядеть механическими и скованными. Она чувствовала себя так, словно собиралась растаять, как Снегурочка из русских сказок.

«Нас губят не объекты, а привязанности к ним. Удовольствие подобно меду на лезвии бритвы...» — Атма снова вспомнила мастера. Как же он был прав! Его слова как нельзя лучше отражали ситуацию. Яд разочарования для жителей высших миров разрушителен. Из-за безмятежной жизни они слишком чувствительны к унижениям. Даже небольшой перепад настроения наносил глубокие душевные раны.

Атме так хотелось получить новые впечатления, забыть на чужом празднике, чтобы легче перенести уход Джая! Но коварный мир так неожиданно огрызнулся. Нимфа почувствовала себя несчастной, покинутой и беспомощной, едва не расплакавшись. Только вчера она сама насмеялась над Гридом, а сегодня попала в ту же самую ловушку.

Шоу вокруг в самом разгаре, но внутри теперь лишь гнев и обида. Для людей она сейчас только полураздетая женщина, измазанная желтой краской! Никто не догадывается, что на параде танцует богиня! Ее красоту затмили и не заметили!

Нимфа стиснула зубы и постаралась выбросить из головы всю гнетущую мерзость, но лишь усилила напряжение. В душе все словно сжалось, подобно пружине. В любой момент она распрямится и тогда сожжет столько праны, что вчерашние потери Грида покажутся мелочью.

Так не пойдет. Нельзя загонять негатив вглубь. Надо все отпустить и расслабиться, прекратив терзать себя рефлексией. Не кормить внутренних троллей, а просто смотреть в себя. Внимательно и безучастно. Так учил ее Джай. Значит, все же учил?

Атма вдруг осознала, как привыкла к его стариковскому брзжанию, не замечая его смысла. Но как же поздно она открыла для себя эту ценность...

Нимфа оставила бесплодные попытки контролировать мысли, и как бы «вышла» из собственной головы, словно распахнула настежь дверь, полностью отдавшись гипнотическим мелодиям самбы. Тело вновь стало легким и гибким, зажив собственной жизнью.

Вспомнились подлунные балы родной планеты. Атма почувствовала себя так хорошо и спокойно, словно наконец-то вернулась домой. Там ночью всегда пахло пряным ароматом лесных трав, грациозно порхали озерные нимфы над темной водой, а ярко сияющее небо украшали миллиарды звезд.

Глаза ослепило светом прожекторов, звуки вдруг стали очень далекими, и внешний мир мягко, незаметно исчез. Реальность причудливо изменилась, проявив себя игрой света и тени, создающих миражи бесчисленных форм.

Блаженство наполнило Атму, ввергая в то восторженное медитативное состояние, где, кроме нее, больше никого не было. Она кружилась в пустоте, наслаждаясь чувством движения, но в какой-то момент поняла, что танцует уже не одна.

Ее талию теперь нежно обнимал Ханс, но нимфу это почему-то совсем не удивило. Они занимались любовью, а вокруг возникали и пропадали миры, сталкивались и распадались галактики. Время то бешено ускорялось, то замирало, и счастливый миг растянулся на вечность, где нимфа и человек, наконец, слились в одно и исчезли. И в этой прозрачной

ясности более не существовало ни внешнего, ни внутреннего...

Резкий толчок. К Атме вернулось нормальное ощущение мира, низвергнув с высот счастливой иллюзии. По дикому реву толпы она поняла, что происходит нечто ужасное.

Ее тело парило в нескольких сантиметрах над гнездом, в истинном облике. Бурлящая человеческая лавина низвергалась с трибун, заполняя все вокруг платформы. От вопящих людей к ней со всех сторон тянулись невидимые для них ниточки праны. Судя по всему, все жаждали оторвать от нимфы хотя бы кусочек. Ее взяли в осаду и вот-вот разорвут на сувениры.

«Святая Мария! Кетцалькоатль! Госпожа Ишкуина! Майяуэль!» — толпа в иступлении выкрикивала самые разнообразные имена, рыдала и молилась. Многие уже карабкались по дереву, рассчитывая подобраться поближе к сошедшему с небес божеству. Люди протягивали руки и телефоны, пытались залезть друг к другу на плечи. Под их напором трефолк угрожающе качался и мог развалиться в любую секунду.

Атма испуганно закрыла глаза, снова открыла, но кошмарное видение никуда не исчезло. Прямо под ее гнездом на узкой лозе сидел израненный Ханс и яростно отмахивался от идолопоклонников отобранной у «неандертальцев» дубиной. Синяя краска на его теле смешалась с кровью, а по многочисленным царапинам и ранам нимфа поняла, что долго он не продержится.

— Сделай что-нибудь! — заорал Ханс, как только увидел, что Атма очнулась.

Самой нимфе ничего не угрожало, взорвись тут хоть весь континент, но она понимала, что поставила под удар весь проект! Публичное появление божества в материальной форме перевернет мир вверх дном. Основание нового культа, гражданская, расовая или религиозная война, изменение вектора научного поиска — результат теперь предсказать невозможно.

И что это за новая способность массового вампиризма? Да и откуда у людей взялась прана? У них же тела из грубой материи! Что тут творится?

Перепуганная насмерть Атма была в отчаянии. Она растерялась и не знала, что делать. Кинуться вниз? Имитация смерти ничего не изменит, а, скорее, усугубит конфликт образом святой мученицы. А если просто исчезнуть, то народ окончательно утвердится в уверенности: в Рио снизошло божество.

Кто-то в толпе надрывно орал религиозные гимны. Народ с воодушевлением штурмовал платформу, а Ханс рычал и сражался, как лев, но справиться со всеми не мог.

Атма с ужасом смотрела, как его схватили за лодыжку и дернули вниз. На какое-то время их взгляды встретились. В его глазах она не увидела и капли страха. Даже падая, он сумел утащить с собой двух человек, почти дотянувшихся до ее ног. Его израненное тело сразу утонуло в толпе, а где-то рядом страшно закричала Мири.

Почему он так неистово защищал чужое и непонятное для него существо? Тоже почувствовал что-то?

Нимфа в отчаянии металась по гнезду. Как она могла потерять над собою контроль?! В такой давке погибнут десятки людей! Лучше швырнуть им себя, причем как можно скорее!

Она сложила крылья, закрыла глаза и сделала быстрый шаг вперед. В следующую секунду что-то ударило в бок, а сильные руки сдавили так, что едва не сломали ребра. Кто-то грубо обхватил ее и потащил в сторону. Атма изогнулась, как кошка, чтобы рассмотреть лицо спасителя.

Ну, конечно же, Грид!

Встречный ветер бил в лицо, а вверх, к блоку на стреле телевизионщиков, уходил туго

натянутый трос. Минотавр отпустил крюк.

Их швырнуло на груды мусора в темном и дурно пахнущем проулке, тянувшемся вдоль забора, и божества мгновенно перешли в тонкую форму. Так даже лучше. Их потеряли из вида. Пусть думают, что им удалось убежать.

— Ты с ума сошел! Бэтмен чертов! — рассерженно зашипела Атма, взмывая в воздух. — Я бы просто оставила им тело — и все!

— Что — и все? А крылья, а ДНК? Они бы даже по твоим кускам поняли, что перед ними кукла! Что за цирк ты там устроила?! О чем ты вообще думала? — перешел в наступление Грид.

— Я... я не знаю, что случилось! — растерянно пролепетала нимфа. — Стой! Там Ханс! Его надо спасти! — Атма остановилась и решительно нырнула к платформе.

— Стой, дура! Посмотри! — Грид жестко схватил ее за руку и потащил вверх. — Ты сейчас там никого не найдешь!

Сверху самбодром выглядел разворошенным муравейником. Внизу царил хаос. Гигантский трэфолк наконец свалили, шла эвакуация. Открыли все служебные и аварийные входы. Полиция пыталась успокоить и организовать толпу. Люди задыхались от тесноты, кричали и звали на помощь, выли сирены служб спасения, метались рабочие с носилками. Многих прижало к забору, легкое ограждение не выдержало, и первые ряды провалились, потеряв равновесие. Они были обречены. Если кто-то вдруг падал, то подняться больше не мог: остальные бежали прямо по телам.

— Надо что-то сделать! Как им помочь? — в ужасе закричала Атма.

— Мы им ничем не поможем. Я вызвал Ниму и Мару, как только ты начала хлопать там крыльями... — ядовито буркнул Грид. — Нечего было соваться туда!

— Но почему они ведут себя так? Что за реакция? — прошептала нимфа.

— Их можно понять. Если это настоящее божество, то не грех отщипнуть от него кусочек. Люди верят, что реликвия вылечит их от болезней или даже подарит бессмертие.

— Они не боятся, что убьют объект своего поклонения? — недоуменно спросила Атма.

— Божество не убить, а если оно только подделка, то так ему и надо, — Грид смерил нимфу выразительным взглядом. Наверняка он и сам был бы не прочь полакомиться ее телом.

Раздался резкий шипящий звук, и перед ними из портала торопливо вывалилась Нима, а через секунду и Мара. Атма виновато вжала голову в плечи, уверенная, что ее ждет ссылка в нижние миры. Но где она ошиблась? Почему вдруг все пошло вразнос?

— Докладывай! — сухо сказала Нима, недовольно покосившись на демиурга. Ей не понравилось, что Грид вызвал сюда и его. — Быстро. Самую суть. Подробности в рапорте.

— Материализовалась в человеческом теле, танцевала на верхушке платформы. Потом появилось видение! Я потеряла контроль над собой! — сбиваясь, начала Атма и едва не расплакалась.

— Какое видение? — перебил ее Мара.

— Мое родное озеро. Радужный свет. Танец в пространстве. Человек рядом. Дальше не могу описать словами. Как будто ничего вокруг нет, да никогда и не было. Хотя, скорее, как раз я и являюсь всем, что только есть! Восприятие оставалось, но безличное. Вокруг рождались и разрушались целые миры. Потом переживание ясности, безграничности, блаженства. Это трудно описать! — Атма покачала головой, совершенно запутавшись

— Ясно. Соберись! Что дальше было? — холодно спросила Нима.

— Дальше очнулась от толчка. Внизу уже толпа. Грид утащил меня на тросе, и за забором мы развоплотились... — Атма смогла наконец-то взглянуть Ниме в глаза. — Каким-то образом от людей ко мне текла прана!

— Прана? — хором произнесли Нима и Мара, недоуменно переглянувшись. — Ничего не напутала?

— Да. Грид видел! — вспыхнула Атма.

— Докладывай! — оба начальника синхронно повернулись к притихшему минотавру.

— Первое время на нимфу не обращали внимания. Внизу танцевала очень яркая девушка... — Грид не упустил возможности уколоть нимфу. — Но потом Атма закрыла глаза и словно впала в транс. Все телекамеры перевели на нее, и тут я заметил, что она стала меняться!

— Как меняться? — не выдержал Мара.

— Тело стало принимать облик ее тонкой формы. С крыльями. Бюст поменьше... — Грид мстительно усмехнулся, посмотрев на сжавшуюся в комочек нимфу.

— Понятно! Дальше! — Нима одернула гаденьша.

— Она начала подниматься в воздух. Дриады внизу заметили левитацию и полезли за телефонами. Я не понял, что происходит, но на всякий случай поставил помехи. Камеры ничего не запишут! — гордо улыбнулся Грид.

— Молодец! — похвалил Мара. — Я поработаю с репортерами. Пусть услышат свидетельства очевидцев по-своему. Атма должна запомниться всем по-разному. Тогда сможем все списать на галлюцинации и массовый психоз. Отравление или утечка газа, технологическая катастрофа. Что-нибудь да придумаем.

— Так что с праной? Ты тоже видел? — озабоченно спросила Нима, пропустив мимо ушей рабочий энтузиазм асура.

— Да! Она высасывала прану. Сразу после того, как распустила крылья. Прямо как божество из сфер чувственных удовольствий... — пробормотал Грид и покраснел, видимо, вспомнив свой вчерашний прокол.

— Ладно, разберемся. Сама займись этой «праной»! — кивнула Нима. — Мара вызовет «чистильщиков». Попробуем минимизировать ущерб и понять, чего ждать от твоей выходки.

Асур только развел руками. Всю черную работу опять свалили на него.

Внизу стало гораздо тише. Последние люди покидали самбодром. Вокруг выставили полицейское оцепление, не подпуская журналистов, а на самой улице работали врачи и спасатели.

Нимфа все искала взглядом Ханса рядом с развалинами трефолка, но того нигде не было видно. Скорее всего, тела уже убрали в машины.

— А тебя я пока отстраняю от дел, — Нима повернулась к Атме. — К тому же, к тебе много вопросов у комиссаров Отдела Пророков и Мессий. На суде твое место займет Снорк.

Пусть так. Нимфа согласно кивнула. Ей хотелось, чтобы от нее сейчас все отстали. Она рассчитывала сразу же заняться поисками Ханса или хотя бы того, что от него осталось.

— Да уж, сегодня у тебя с Джаем выдался непростой денек! — подмигнул ей Мара. — Грид проводит тебя, пока ты по дороге еще не влипла во что-нибудь...

— Мне бы найти Ханса... — тихо сказала Атма. — Рапорт подам утром.

— Кто это? — насторожилась Нима.

— Это человек из видения... Он упал вниз, но защищал меня до последнего! Я не могу его бросить! — решительно заявила нимфа. — Вдруг Ханс еще жив...

— Человек? В видении? — осторожно переспросил Мара. — Ты его раньше встречала?

— Нет. Сегодня в первый раз.

Нима быстро переглянулась с асуром. По вытянутым от удивления лицам стало понятно, что он их сильно заинтересовал. Видимо, они знали что-то, о чем Атма пока не догадывалась.

— Полетели искать твоего Ханса. Живо! — уже на ходу бросила богиня.

Сколько себя помнил, Грид всегда хотел попасть на Землю, чтобы своими глазами увидеть «Мечту». С самого детства он обожал мифы о таинственных йогилах, скрытых знаниях и поисках Окончательной Истины. Грезил погрузить разум в недоступные глубины медитаций, узреть совершенную мудрость духовных прозрений, обычно недоступных для его грубых и ограниченных родичей.

Но вместо этого он сталкивался только с недоуменными взглядами и насмешками. Сверстники избегали играть с занудой, интересующимся непонятными темами. Взрослые же божества перешептывались у него за спиной и сочувственно качали головой при встрече.

Странность ребенка могла сказаться на репутации древнего рода, ведь Грид родился в знатной семье. Она очень гордилась своей родословной, восходившей к самому Винторогому, который когда-то давно и расселил их вид по Чистым Мирам.

Впрочем, к этой же линии принадлежали еще и тысячи других минотавров. Плодовитый предок имел успех у женщин, что нисколько не принижало их род в местном социуме. В конце концов, есть миллиарды низкорожденных божеств, не имеющих никакого понятия о собственном прошлом. Поэтому в их семье ценилась чистота крови и верность традициям. К несчастью, духовный поиск, который так интриговал юного минотавра, в число семейных приоритетов никогда не входил.

Грид поначалу полностью оправдывал надежды и мечты знатных родственников. Селекции уделялось большое внимание, и супруги всегда подбирались тщательно и осторожно. Все облегченно выдохнули, когда оказалось, что правый рог у новорожденного был, как и положено, закручен винтом в левую сторону, а левый в правую. Если бы получилось наоборот, то древняя династия навеки запятнала бы имя столь явными признаками вырождения.

К счастью, с внешним видом младенца все оказалось в порядке. А вот с внутренним со временем возникли проблемы. Грида лелеяли и холили, выращивая как племенного и ценного минотавра, не отягощенного особой мыслительной деятельностью. Но мальчик рос задумчивым и дотошным. Он не обращал внимания ни на прохладу извилистых лабиринтов, ни на песчаные арены коррид, где так хорошо всласть почесать рога о тщедушные тельца приматов. Его больше интересовали философские диспуты, духовные подвиги да мемуары диких йогинов и изгоев-отказников.

Какое-то время глупые вопросы Грида о смысле и ценностях божественной жизни игнорировали, но вскоре терпение рогатых родственников лопнуло. На семейном совете приняли решение отослать чудаковатого отпрыска подальше от фамильных чертогов. Ущербность одного не должна покрыть позором все стадо. Мальчика лишили права гордо носить свой истинный облик и называться настоящим именем. Но опала его только обрадовала. Он всегда чувствовал, что глупеет, находясь рядом с другими парнокопытными. Грид презирал их за лень и тягу к низменным удовольствиям, доступным даже тупому скоту.

Подходящее место для начала карьеры нашли быстро. Аристократический лоск и знатное происхождение открывали все двери в галактике. Родителям удалось договориться об интернатуре на Земле, куда так рвался Грид. И вскоре их рогатое чадо спешно убыло на галактическую периферию, где быстро добилось расположения Мары.

Отыскать диких йогингов на Земле оказалось нетрудно, но все претенденты на трон держателей сакрального знания выглядели аферистами или попросту психами. Истинные же мудрецы были чрезвычайно редким и штучным товаром. Он не раз слышал о невероятных чудесах, изредка демонстрируемых гастролирующими мастерами в разных концах галактики, но ни одного из них так и не увидел воочию. Нима и Мара тоже иногда говорили разумные и глубокие вещи, но были слишком одержимы друг другом и на роль святых не тянули.

Казалось, удача улыбнулась ему этим утром, когда он стал свидетелем встречи Атмы и Джая. Наконец-то он нашел настоящего изгоя-отказника, который бы мог научить тайным техникам духовных прозрений! Но снова щемящая боль разочарования! Финальный фейерверк оставил от Джая мокрое пятно и дивно цветущую клумбу.

А теперь минотавр уныло сидел в коридоре местной больницы, размышляя о превратностях кармы. Мара отправился улаживать дела с прессой, а Нима и Атма незримо присутствовали в операционной, где врачи пытались собрать Ханса из кровавого месива.

Эта пустоголовая нимфа все детство провела с существом, которое он так мечтал встретить! Но почему ему так не везет? Эта пустоголовая нимфа не использовала такой шанс, а теперь отвлекает и его своей аппетитной фигуркой от духовного поиска! А между тем сама она по уши влюбилась в обычного человека! В кусок мяса и жира, выведенный божествами из грубой материи! Жизнь человека — мгновение, так почему Атму заинтересовал этот смертный? С тем же успехом можно полюбить насекомое! Ну вот что она нашла в нем? Что бы там ни было, у породистого минотавра всего этого с избытком! Может, стоило признаться ей, что он из знатного рода?

Поскольку жители высших миров легко принимали любой облик, то изредка между ними возникали диковинные союзы. Проблема могла лежать только в области воспитания и психологии, что несколько ограничивало популярность межвидовых связей. Но в любви минотавра и нимфы Гриду не виделось ничего необычного.

А вот странная привязанность к человеку была действительно редчайшим феноменом. В истории случались поразительные эпизоды взаимного влечения обитателей высших миров и людей, но все они плохо заканчивались. Правда, в основном из-за своей мимолетности. Влюбленные божества плохо переносили краткость человеческой юности.

Грид машинально потерся рогами о стену, не в силах избавиться от этой вредной привычки. На его родине они считались символом мужской гордости. Без них Грид чувствовал себя словно голым, когда приходилось принимать другой облик.

Медсестра за стойкой насторожилась, услышав непонятный звук, но никого не увидела и вернулась к созерцанию таблички на дверях напротив. Видимо, она искренне переживала за бледного красавца, над которым сейчас колдовали врачи. Его привезла почти голая девушка в перьях и блестках, в которых теперь с трудом можно было опознать эффектный карнавальная костюм.

Живучесть Ханса удивила Грида. Поразительно, что парень еще дышал после того, как по нему пробежалась толпа. Мири удалось пробиться к платформе и затащить его под трибуну. Вся помятая, в царапинах и синяках, она нервно мерила шагами больничный коридор.

Ее мельтешение начинало раздражать Грида, мешая сконцентрироваться. Большие круглые часы над стойкой дежурной медсестры бесстрастно отсчитывали время, будто подчеркивая унижение высокороденного божества. Он возмущенно заерзал, устав мучить

себя вопросами.

Врачи слишком долго возятся с Хансом! Хитрая Нима специально отослала Мару подальше, а его попросила сидеть в коридоре. Но сколько еще ждать? Он спас проект, но не услышал от богини даже простых слов благодарности! Пойти и посмотреть, чем там занимаются?

Некоторое время Грид колебался. Атма начудила так, что разгребать этот бардак придется очень долго, а боссу пригодилась бы информация. Но Нима страшна в гневе, да и в ледяном презрении нимфы мало приятного. Не хотелось бы потерять ту небольшую симпатию, которую она наверняка испытывает к нему после спасения. Ведь он наконец-то проявил себя, заслужил похвалу Мары, да и Нима отметила его находчивость и смекалку. С другой стороны, на фоне нимфы сейчас хорошо выглядел бы кто угодно...

Грид довольно улыбнулся. Лениво потянувшись, он решил набраться терпения и еще подождать. Сейчас важно ничего не испортить. Он будет очень аккуратным и осторожным и когда-нибудь обязательно займет место Мары.

Тем временем, Мири продолжала без устали наматывать круги по больничному коридору. Боевая раскраска на ней давно потекла, оставив разводы. Теперь девушка походила на кровожадного вождя каннибалов, но все равно оставалась красавицей.

Дородная мулатка осуждающе покачала головой, но, посмотрев на выражение лица Мириа, решила не связываться. Вместо этого включила телевизор на стене и демонстративно прибавила громкость. Там как раз показывали злополучный карнавал, и новостной сюжет сразу же захватил все внимание Грида. Возможно, он пропустил нечто важное.

Ночная бухта, залитый праздничными огнями город и распустившиеся цветки салюта с вертолета смотрелись очень эффектно. Людская колонна сверху выглядела пестрой змеей, вползающей на ярко освещенную улицу. Переполненные и ликующие трибуны, несколько популярных знаменитостей в VIP-ложах, хлопья блестящего конфетти сыплются сверху, как снегопад. Крупный план танцующей Мири, наслаждавшейся вниманием разгоряченной публики.

Размах грандиозного шоу производил впечатление. Отряд неандертальцев воинственно потрясал дубинами, зловеще шурились в свете прожекторов рогатые легионы Тьмы в черных плащах с красным подбоем, беззаботно кружились белоснежные ангелы, а синие аватары загадочно улыбались, как и подобает долговязым инопланетным эльфам.

На несколько секунд в кадре появился трефолк с дриадами, увенчанный золотистой фигуркой Атмы. Видеоинженеры заботливо выделили ее красной окружностью, фокусируя внимание зрителей. Камера вновь вернулась к королеве парада и в следующий раз нимфу показали, когда она уже танцевала свою вольную интерпретацию самбы.

Закрыв глаза, Атма как будто летала, игнорируя гравитацию. Тело прекрасно чувствовало ритм, движения были легки и грациозны, но с трудом вписывались в рамки традиционной техники. Девушка явно находилась в трансе и могла упасть с гнезда в любую секунду.

Оператор дал крупный план раздосадованной Мири и снова вернулся к Атме, намеренно противопоставляя их друг другу. В какой-то момент ее бутафорские крылья потеряли пластиковый блеск и ожили. Они выглядели настоящими! Над гнездом теперь словно порхала яркая золотая бабочка!

Толпа восхищенно ахнула. Волна удивленного ропота пронеслась по трибунам. Неужели

она взлетела?

Камера попыталась дать крупный план, чтобы подтвердить догадку зрителей, но экран заволочло помехами. Рябь скрыла все подробности, сохранив для зрителей только крики ужаса и благоговения.

Следующим сюжетом шел уже опрос изумленных свидетелей, дававших спутанные и противоречивые показания. Вариантов получилось немало. Чаще всего говорили об ангеле, фее, хотя упоминались ведьмы, гарпии, русалки и суккубы всех форм и размеров. Многие увидели зеленых человечков, дракона, Ктулху и Бэтмена на фоне Луны, а некоторые утверждали, что на трэфолке плясали они сами.

Грид удовлетворенно улыбался. Поставленные помехи спасли положение, а профессионализму Мары можно только позавидовать. Как раз сейчас он вещал с телеэкрана под личиной бородатого профессора.

— Сеньор Вальц, представьтесь нашим зрителям. Как вы к нам попали? — проорал ведущий, пытаясь перекрычать пьяную и шумную толпу за спиной.

— Эмм... Я профессор на кафедре психологии Берлинского федерального университета. Мои бразильские коллеги были настолько любезны, что пригласили меня к себе как раз в дни проведения карнавала! И знаете, я впечатлен! Даже на Мюнхенском Октоберфесте не бывает столько горячих красавиц! — раскрасневшийся ученый сопроводил свое восхищение жестикуляцией, описывая потной ладонью округлые линии. — А вот пиво у вас так себе...

— Профессор, вы можете как-то объяснить нашим зрителям события этого вечера? — грубо оборвал его журналист, ловко отпихнув несколько веселых любителей селфи.

— Да, конечно. У меня есть объяснение. Я занимаюсь исследованием особенностей восприятия психикой человека инфразвуковых колебаний... — важно ответил словоохотливый Вальц. Он привычно развернулся в поисках мела и доски, но нашел только пару раскрашенных девиц, бойко стреляющих глазками. — Давайте раскроем сущность понятия звуковых колебаний, покажем, какие источники инфразвука существуют в нашей повседневной жизни и каким образом ему удастся влиять на человека...

— Сеньор Вальц, пожалуйста, самую суть вашей гипотезы, чтобы нам стало понятно! — ведущий помахал микрофоном перед профессорским носом, чтобы вернуть внимание к камере.

— Ах, да. Простите. Рядом Анды. Это очень сейсмоопасный район. Сейчас как раз происходит серия мелких землетрясений. Даже незначительные подвижки земной коры могут порождать инфразвук, а он беспрепятственно распространяется на огромные расстояния. Эти низкочастотные колебания входят в резонанс со многими процессами, происходящими в человеческом организме, влияя на альфа-, бета- и дельта-ритмы мозга.

— И что? — жизнерадостно переспросил журналист, фотогенично улыбаясь в объектив камеры.

— Как что? — удивился его тупости Вальц. — А то, что это способно привести к массовым галлюцинациям. Вот, помню...

— А как же помехи? — снова перебил его дотошный ведущий. — Наши камеры ничего не могли снять, но люди утверждают...

— Так землетрясению всегда предшествует всплеск электромагнитного излучения! Оно и вызывает помехи! — не дал договорить ему профессор и пожал плечами, удивляясь столь вопиющей необразованности. — Молодой человек, вам бы...

— Мы заканчиваем наш репортаж с места события. С вами был...

Медсестра торопливо выключила телевизор — в холл влетел взволнованный врач и проворно юркнул в операционную.

Грид проводил его задумчивым взглядом. Видно, что-то случилось. А Мара, конечно, сыграл идеально. Неудивительно, что демиург так популярен в галактике, даже несмотря на то, что потерпел неудачу с разумными ящерами. Жаль. Возможно, они оказались бы гораздо перспективнее человека. По крайней мере, животному нужен только один теплый труп, а люди уничтожают друг друга миллионами... Странно, что начальство так вцепилось в одного жалкого человека. Зачем им понадобился живой Ханс? Понятно, что едва ли они стали вмешиваться только из-за неожиданно вспыхнувших чувств Атмы. В любом случае, демиургу сейчас нужны здесь глаза и уши!

Более не раздумывая, Грид осторожно поплыл за врачом. Атма забилась в дальний угол и прятала слезы, закрыв лицо руками. Под слепящим светом ламп на столе лежало синее тело, а сверху над ним висела сосредоточенная богиня, производящая какие-то невидимые манипуляции с энергетикой. Краску толком так и не смыли, и раскрытая грудная клетка с окровавленным содержимым в этой цветовой гамме выглядела сюрреалистично. Аппаратура тревожно запищала, а синусоида на экране осциллографа превратилась в безжалостную прямую линию. Судя по всему, Ханс умер. Один из людей делал прямой массаж сердца.

— Он сейчас выйдет из тела и увидит нас. Надо как-то загнать его обратно! — напряженный тон Нимы говорил о серьезности ситуации.

Из мертвого тела стал выплывать прозрачный мужской силуэт. Грид слышал, что перед тем, как исчезнуть в мирах бардо, труп человека покидает энергия. Она на короткое время образует иллюзорное тело, подобное обычному божеству. Оно почти не отличается от обитателей высших миров и способно их видеть. К сожалению, это состояние не подкреплено запасом праны и потому нестабильно. Многие люди вообще пропускают эту стадию, вываливаясь сразу в реальность бардо. Если проект уже работает, как задумывалось, то умерший реинкарнирует в новорожденное существо одной из шести зон сансары. К сожалению, доказать и проверить работу этого кармического механизма никто пока так и не смог.

— Он покидает тело из нижней чакры! — ахнула Нима. — Я не могу его удержать!

По слухам, это означало неминуемое перерождение в низших мирах. Скорее всего, так и будет. Грид хорошо помнил, как яростно отбивал Ханс атаки обезумевших людей. Божества верили, что эмоциональное состояние существа перед смертью во многом определяет место и условия нового воплощения. Гнев всегда приводит в адские сферы...

Увидев Атму в углу, растерявшийся призрак потянулся к ней, словно умоляя, чтобы его вытащили из кошмара. Нимфа виновато улыбнулась, протягивая ему руку, но ее отбросила вмиг преобразившаяся богиня. Теперь ноги Нимы выглядели, как трехгранный клинок, а туловище стало его рукояткой. Навершием служило жуткое трехглазое лицо, из пасти которого вырывались языки пламени. Голову опоясывал венчик из человеческих черепов, а плечи этого исчадия ада украшало ожерелье из отрубленных голов, беззвучно шевелящихся губами. В одной руке Нима держала серебряную ваджру, а в другой бился огромный черный скорпион. Чудовище испускало леденящий душу вой, танцуя на чьих-то костях.

Зрелище было настолько ужасным, что до смерти перепуганный Ханс метнулся в другую сторону, но там ему мило улыбнулся чудовищный минотавр. Мертвое тело на столе еще призывно мерцало теплым светом, выглядя наиболее безопасным местом в комнате. Не

задумываясь, призрак проворно юркнул в него, и ловушка захлопнулась. По экрану осциллографа поползла синусоида, а люди в белых халатах облегченно выдохнули. Их пациент наконец-то ожил...

— Второе заседание Арбитражного Суда Чистых Измерений объявляю открытым! — проревел Норр. — Защита приглашает свидетеля Чуки!

На Площадь Дебатов выплыло аморфное облачко с нездорово-серым оттенком ауры. Ее неопрятное состояние намекало, что жизнь божества подходит к концу. Отказываясь принять четкую форму, означенное божество не считало нужным скрывать возраст. Возможно, Чуки гордился тем, что наплевательски относится к условностям этикета.

Грид усмехнулся про себя. Сейчас не время копать во внутреннем мире свидетеля. Важно лишь, как оценит его показания суд.

Настоящие изгой-отказники уличили бы Чуки в лицемерии и показном отречении. Если тому действительно так безразличен внешний вид, то зачем привлекать внимание окружающих? Столь вызывающая манифестация равнодушия к обычным атрибутам божественности говорила о том, что он хочет произвести впечатление.

— Скажите, чем вы занимаетесь на Земле? — вкрадчиво начал опрос Грид.

— Я архивариус. Работаю с самого начала проекта, но отчитываюсь лишь перед ревизионной комиссией! — гордо заявил Чуки, подчеркивая свою независимость.

— Таким образом, вы знакомы со всей служебной информацией по «Мечте»?

— Разумеется. Но поделиться ею смогу только при соответствии уровню допуска всех присутствующих! — в тучке появились узкие прорехи, и она подозрительно обвела площадь тем, что оказалось глазами. — В противном случае вам следует подать запрос по форме...

— Нет-нет! Не думаю, что нам это понадобится! — поспешно прервал его Грид. — Меня интересует только общеизвестное. Я бы хотел прояснить некоторые моменты, предпосылки постоянных конфликтов между истцом и ответчиком — все, что могло замедлить или даже поставить под угрозу сам проект. Вот, к примеру, расскажите суду о проблемах «биохимической стандартизации» в меловом периоде. Ведь тогда стараниями истца едва не уничтожили плоды сотни миллионов лет направленной эволюции!

— Я протестую, ваша Высокобожественность! — вскочил Снорк. — В вопросе к свидетелю содержится вывод! Да если бы не...

— Протест принят! — вяло махнул ластой Норр. — Свидетель, прошу воздержаться от оценочных суждений. Только факты.

— Как скажете... — кивнул Чуки, отчего верхняя часть облачка комично свесилась, словно съехав по невидимым рельсам. — Как известно, все крупные биологические молекулы могут находиться в двух пространственных конфигурациях с поворотом плоскости поляризации света влево или вправо. Изначально зоо-дизайнеры сделали аминокислоты с левым винтом, а двойную спираль ДНК с правым.

— Эти подробности действительно важны для процесса? — недовольно осведомился морж-глашатай, видимо, транслируя удивление «безымянного».

— Я только отвечаю на поставленный вопрос, ваша Высокобожественность! — нахмурился Чуки, сверкнув над амбразами глаз мелкими молниями. — В этот период динозавры Мары еще доминировали на планете, не давая возможности развивать альтернативные проекты. Тогда Нима изменила поляризацию молекул в телах перспективных млекопитающих на противоположную!

— И что? — недоуменно спросил Норр.

— Прежние организмы не смогли их усваивать! Они испытывали ложное насыщение, набивая желудки едой, которая не давала ни капли энергии. Законы химии действуют одинаково как в «левом», так и в «правом» мире. Млекопитающие Нимы и их кормовая база теперь состояли из зеркально симметричных молекул, образовав «теньевую биосферу». Ее члены не конкурировали со старыми формами жизни и не обменивались с ними генами. Фокус был в том, что ящеры стали сытыми дохнуть от голода, освобождая место для маленьких пушистых бестий. Какое изящное решение, не правда ли? — захихикал архивариус.

— Я бы не сказал так о проблеме, поставившей под угрозу результат работы всего коллектива! — возмущенно прошипел Грид. — Это нечестный и подлый прием!

— В служебных правилах нет прямого запрета на конкуренцию! — возразил Снорк. — К тому же, Ниму в этот период вывели за штат из-за интриг Мары. И мы все знаем, чем это закончилось! Если бы не она, то ваши зубастые чудища до сих пор жрали бы друг друга в джунглях! Проект давно бы лишили финансирования!

— Неизвестно, что бы было... — начал контратаку Грид, но его прервал громкий шлепок ластами.

— Хватит! Замолчите оба! — проревел Норр. — Свидетель, продолжайте.

— У Мары эта проблема отняла уйму времени, но он все же нашел решение! — с ехидцей произнес Чуки. — Он подселил к ящерам микроорганизм-конвертер, который химически изменял аминокислоты и сахар, переводя их в нормальную форму. Таким образом, «гонка вооружений» закончилась ничьей, но немало ресурсов и времени было потрачено попусту. У меня сохранились ведомости, где...

— Достаточно! — прервал его глашатай. — У представителя истца есть вопросы к свидетелю?

— Да, конечно... — кивнул Снорк и повернулся к архивариусу.

— Можете ли вы ознакомить суд с рапортом Мары о встрече с «защитником»?

— Нет. Как бывший глава Планетарной Администрации вы прекрасно знаете его содержание! — сухо ответил Чуки. — Соответствующий уровень допуска сейчас имеет только Нима.

— Хорошо, — быстро согласился Снорк, — тогда расскажите нам, почему Отдел Зоо-Дизайна использовал фосфорные соединения в качестве основы для хранения генетической информации и переноса энергии? Фосфор относительно редок, и отсутствует на Земле в легкодоступной растворимой форме. Тем более что в уже существовавших здесь организмах его место успешно занимал мышьяк. Почему же мы не использовали работу «защитника» и начали все сначала?

— Для ответа на ваш вопрос придется раскрыть засекреченную информацию. Обратитесь в специальный отдел Небесной Канцелярии. Я повторюсь — у меня нет таких полномочий! — устало пробормотал архивариус.

— Я требую проведения заседания в закрытом режиме, чтобы заслушать показания самого Мары, поскольку от решения суда зависит будущее всего проекта! — сделал заявление Снорк.

Грид покраснел от возмущения, но сделать ничего не мог. Он не имел допуска к закрытой информации, поэтому на следующее заседание его просто не пустят! Чего добивается сторона Нимы? В любом случае, это должно быть чем-то очень неприятным для

босса. Спросить у него напрямую? Но он связан актом о неразглашении и ничего не расскажет. Надо как-то заблокировать запрос Снорка!

— Хорошо. Тогда... — глашатай готовился объявить решение, но его нагло перебили.

— Протестую! — торопливо выпалил Грид.

— В чем дело? — удивленно поднял надбровные дуги Норр.

— Простите, ваша Высокобожественность, но как будет проходить слушание? Согласно правилам, судья имеет допуск к любой закрытой информации, имеющей отношение к делу. Но его нет у судебного глашатая, озвучивающего мысли «безымянного»!

На площади повисла напряженная пауза. Формально Грид совершенно прав. Чтобы настроить судью на мозговые волны нового глашатая, требовалось много времени, а у «бесформенного» его не было. Да и где взять другого? Допуском соответствующего уровня обладали только руководители планетарных миссий и высокие чиновники Небесной Канцелярии. А они едва ли согласятся принять участие в провинциальном процессе. Риск для них слишком велик, ведь неизвестно, что на нем еще выплывет...

— В таком случае, он не будет участвовать в следующем заседании, — уязвленно пробормотал морж. — Судья заслушает показания Мары без меня.

— Но тогда нарушается сама процедура! — нашелся Грид. — Вдруг будет необходим диалог? Отсутствие обратной связи нарушит права ответчика!

— Судья не в курсе юридических тонкостей, поэтому вынужден пока отклонить запрос! — нахмурился Норр. — Но мы сможем вернуться к нему, как только сторона истца уладит все формальности в режимном отделе.

Грид облегченно выдохнул. Неужели он обставил самого Снорка? Что бы этот старый лис ни замышлял, опасность пока миновала. С Атмой работалось намного спокойнее, а от этого неприятного и высокомерного типа можно ждать чего угодно. Сдаваться так просто тот не собирался.

— Хорошо, мы постараемся договориться с Канцелярией, — удовлетворенно кивнул Снорк, словно не сомневаясь в покладистости столичных бюрократов. — У меня следующий вопрос к свидетелю: в процессе самообучения даже низших биологических механизмов без какой либо предварительной разработки и проектирования спонтанно возникают высокоуровневые явления. Встречаются ли в отчетах специалистов Зоо-Дизайна объяснения этого странного феномена?

— Что, простите? — непонимающе переспросил Чуки и оглянулся на Грида в поисках поддержки. — Я даже повторить этого не могу! О чем вы сейчас?

— О том, что мы понятия не имеем, как создали жизнь и разум из грубой материи... — закатил глаза Снорк. — Наши органические механизмы до сих пор «заводятся» только на этой планете! «Защитник» создавал их и до нас! Мы только идем по его следам. А сейчас Мара пытается разрушить то, что, возможно, больше никогда и нигде не получится! Теперь мои слова выглядят для вас яснее?

— Протестую! — снова закричал Грид. — Мара делает для проекта больше, чем вы пред...

— К свидетелю вопросов больше нет, — вяло отмахнулся от него Снорк. — Чуки, надеюсь, вы понимаете, что стоит на кону?

— Я не ученый и не могу судить о таких сложных вещах. Я просто храню информацию! — испугано пролепетал архивариус.

— Тем не менее, вы очень своеобразно интерпретируете события прошлого. Может ли

суд доверять показаниям свидетеля, даже не понимающего предмет обсуждения? — ядовито осведомился Снорк.

— Ясно. На следующее заседание суд приглашает Мару и Ниму. На этом и закончим! — Норр объявил завершение сессии и грузно пошлепал к пруду полакомиться золотыми карпами. День для него выдался непростым.

Божества беззвучно исчезали в зеркалах порталов, и Площадь Дебатов быстро пустела. Все так же журчала вода в прозрачных ручьях, качали кронами березы и красные клены, а журавли привычно тянулись через небо серыми клиньями. Природа Земли казалась совершенно безучастной к собственной участи.

Грид недолюбливал людей за жадность и глупость, несмотря на все морализаторство Нимы, которое она вываливала на него при каждом удобном случае. Пусть и дальше зудит о потенциальных человеческих добродетелях в доверчивые ушки своей ручной нимфы. А с него хватит! Жизни достоин сильнейший! Как же глупо требовать для себя исключения...

Минотавр раздраженно качнул рогами. У него полно дел, но Мара зачем-то назначил встречу в больнице у Ханса. Бедняга до сих пор не пришел в сознание, хотя от него не отходили и Атма, и Нима. Множественные переломы, два ребра проткнули легкое, но мозговое кровоизлияние выглядело самым опасным. Местные нейрохирурги не решились на операцию. Парень вполне может превратиться в растение. Если с сопутствующей инфекцией Нима справилась, то с отеком мозга сделать ничего не смогла. Специалисты такого уровня есть только среди бывших ситхов, но демиург не спешил на помощь, видимо, рассчитывая поторговаться...

Выйдя из портала прямо в палату, Грид понял, что немного опоздал. Тело Ханса больше походило на свежую мумию, лежавшую посреди трубок с воздухом, капельниц и проводов. Только по беспомощно расслабленной руке, свесившейся из-под простыни, можно было понять, что там лежит живой человек.

Босс задумчиво сверлил взглядом место, где угадывались контуры головы, словно разгадка тайны скрывалась где-то глубоко под бинтами. Нима скрестила на груди руки, словно защищаясь от атак демиурга. Судя по хмурым лицам начальников, разговор не складывался. Мара вел допрос Атмы с пристрастием:

— Скажи, золотце, о чем тебе говорил Джай в тот раз?

— Да ничего особенного... — насупилась нимфа, видимо, устав бесконечно пересказывать обстоятельства последней встречи с уже знаменитым изгоем-отказником. Многочисленные комиссии и комитеты вытрясли из нее всю душу. В Отделе Пророков и Мессий умели быть настойчивыми.

— Милая, ты не понимаешь, насколько важны мельчайшие детали, — увещевал ее Мара со стальными нотками в голосе.

— Он пришел проститься. Опять ворчал о привязанностях и отречении...

— Нет-нет, я не об этом. Все это уже есть в отчете и рапорте. Что он говорил о тебе? — вкрадчиво прошелестел демиург, напоминая удава, медленно душившего беспомощную жертву.

Атма вопросительно посмотрела на Ниму. Богиня кивнула, дав понять, что можно говорить правду.

— Мои родственники ошиблись, не увидев надо мной благоприятного знака. Знамение было вокруг солнца. Тройная радуга. Джай сказал, что видит в моей судьбе вилку, что я настоящее сокровище, но еще не знаю об этом... — с трудом выдавила из себя покрасневшая

нимфа.

— Сокровище? Ах, вот как... Тройная радуга и странная потеря контроля, а вдобавок транс и видение... — задумчиво прошептал Мара, выразительно посмотрев на Ниму. — Слишком много для обычной провинциальной девочки. Ты так не считаешь, моя королева? — он обернулся к богине.

Та нервно кусала губу и молчала. Скрыть волнение она не смогла. Грид изумленно переводил взгляд с одного участника этой сцены на другого, пытаясь сложить в уме картинку событий из разрозненных фрагментов. Он по-прежнему ничего не понимал и чувствовал себя самым тупым в этой комнате.

— Скажи, дорогая, а вот твоя новая способность пранического вампиризма... Ты сказала, что обнаружила ее в первый раз, а сейчас ты можешь повторить этот трюк? — ласково спросил Мара нимфу, сверкнув глазами так, что ей стало страшно.

— Нет. Не могу, — растерянно прошептала Атма. — Но рядом с Хансом чувствую знакомое жжение в ладонях. Как там, на карнавале. А вдали от него оно сразу же пропадает...

— Ясно, — уверенно кивнул Мара богине, словно наконец-то все понял. — Я могу вытащить парня. Ты знаешь, насколько он важен. Но у меня есть условие.

— Кто бы сомневался... Я могу отработать натурой! — вымученно улыбнулась Нима. — Что ты хочешь? Мне продать душу дьяволу и подписать договор кровью?

— Я бы и рад, но ты же знаешь, что покупать попросту нечего, — усмехнулся Мара, оценив иронию. — Прощу только об услуге. Парень может остаться парализованным, а у меня есть кое-какие наработки по интерфейсу «мозг-компьютер». Меняем?

Некоторое время Нима напряженно думала, по всей видимости, не доверяя возлюбленному. Выбора у нее не было. Грид ясно видел, что позволить себе потерять Ханса она не могла. Это прекрасно понимал и демиург.

— Я могу найти и другого инвалида, но ты же понимаешь, что мне интересен именно этот человек, — продолжал давить он.

— Хорошо. Я согласна. Только спаси его... — тихо попросила богиня.

Мириа знала, что никогда не забудет пыльное глухое окно и серую облупившуюся краску на стенах палаты, которую ей часами приходилось разглядывать, дежуря у Ханса. Сырость каким-то чудом здесь прекрасно уживалась с жарой, отчего воздух был тяжелым и влажным. Кислый запах лекарств и вонь человеческих испражнений мгновенно приставали к любому, кто осмеливался провести в палате несколько минут. От этого своеобразного и очень узнаваемого аромата невозможно было избавиться, если судить по тому, что местный персонал не утруждал себя частой сменой белья. Но врачи почти не показывались в палате, где лежали люди без медицинской страховки. А медсестры и нянечки не баловали вниманием парализованных пациентов. Их обязанности обычно выполняли родственники, но не все могли похвастаться таким богатством.

Мири слишком сильно уставала за ночную смену в прокуренном баре, чтобы помочь кому-то еще. Да и ее работа не располагала к проявлению милосердия. Забот ей хватало и с Хансом. Врачи, избегая смотреть в глаза, сказали, что надежд на выздоровление нет. Даже если получится вывести Ханса из комы, скорее всего, он останется парализованным идиотом. Запекшийся в мозгу сгусток крови превратил его в тупое растение.

Она не поверила и проводила в палате любимого дни напролет. Вечером ее ждал опостылевший помост с шестом и танцы под липкими взглядами пьяных мужланов. Денег не хватало, а школа самбы оплатить дорогостоящее лечение не захотела или не смогла. Время шло, но Ханс так и лежал бесчувственной куклой. Мири ничем не могла помочь ему и пребывала в отчаянии. Счета стремительно росли. Вскоре его могли попросту выкинуть из больницы на улицу.

Девушка осунулась, потускнела, а прежний задор и вызов в глазах сменился усталой апатией. Клиенты заметили перемену, и чаевых стало гораздо меньше. Мириа больше не верила в чудо и словно погасла, но упрямо боролась с судьбой.

И вот как-то утром в палату зашла целая делегация во главе с низкорослым старичком со старомодной клиновидной бородкой и бегающими глазками.

— Так вот где наш герой... А вы его девушка, правильно? — спросил тот, хитро прищурившись, словно пришел требовать у нее органы Ханса.

Мири вопросительно посмотрела ему за спину, где главный врач поднял вверх большой палец и беззвучно шевелил губами. По видимому, ее призывали оказать этому типу вежливый и радушный прием. Она сумела взять себя в руки и через силу улыбнуться гостю. Судя по трепету и подобострастным взглядам окружения, сюда занесло какую-то важную шишку.

— Не бойтесь, я не гробовщик, — рассмеялся старик, встретив ее подозрительный взгляд. — Меня зовут Марк. Я представляю интересы венчурного фонда «Осирис». Мы занимаемся исследованиями на стыке нейротехнологии и моделирования виртуальной реальности. Нас заинтересовал этот случай...

— Вы можете оплатить лечение? — нетерпеливо перебила Мири, внутренне сжавшись. Она боялась услышать прямой отказ или новые аргументы о бессмысленности любой терапии для Ханса.

— Все даже лучше! — с воодушевлением воскликнул старик. — С вашего позволения,

мы заберем его к себе в Центр и сами проведем все необходимые операции.

— Бесплатно? — недоверчиво переспросила девушка.

— Абсолютно! — горячо заверил ее Марк. — Есть, конечно, определенные юридические тонкости, но время работает против нас. Я думаю, что вам не до этих бумажек...

Этих слов оказалось достаточно. Мириа, не читая, торопливо подписала все документы. Специалисты фонда сразу же забрали Ханса к себе и уже через несколько часов провели первую операцию.

Мири не могла поверить свалившемуся счастью. Наутро ноги любимого впервые пошевелились! В ее глазах засветилась надежда. Но потребовалась вторая, а потом и третья операция, прежде чем его мозг заработал.

Она самоотверженно не подпускала к Хансу сиделок. Меняла влажные полотенца, вытирала горячий пот с лица, боясь пропустить момент, когда он придет в сознание. Любимого лихорадило, и девушка сторожила его, как кошка мышь, чутко прислушиваясь к тихому бессвязному шепоту. Она так мечтала услышать свое имя, но Ханс в бреду всегда звал только Аню! Ту самую ведьму, которую почему-то кинулся защищать на карнавале!

Как он мог?! Она пожертвовала всем! Танцевала голой для пьяных ублюдков! Позволяла дотрагиваться до себя, чтобы вытянуть из них хоть немного денег для оплаты лечения! А теперь этот парализованный овощ грезит о грудастой суке, что едва не свела его в могилу! Предатель! Мерзавец!

Мири зарычала, как раненый зверь, и, схватив табуретку, в щепки разбила ее об стену, вызвав панику и смятение у изумленного медперсонала. Она была вне себя от ярости, едва не задушив человека, за которым так трогательно и долго ухаживала.

На шум сбежались сотрудники фонда, но утихомирить эту разъяренную фурию им удалось не сразу. В стройной, но спортивной фигурке обнаружилась совершенно не женская сила. Девушка отчаянно сражалась и отшвыривала хрупких медсестер с ловкостью хищника. Перепуганные женщины вызвали охрану, но Мири удалось нанести еще немало ущерба. Она кусалась, царапалась, лягалась. В конце концов, мужчины справились с ней и надели наручники. Как только девушка успокоилась и пришла в себя, ее под конвоем отвели в кабинет Марка.

Старичок как раз просматривал записи с камер и, смеясь, отпустил пострадавших охранников. Предложив тяжело дышавшей девушке кресло, он побарабанил по столу пальцами, предпочитая оставаться на безопасной дистанции.

— Милая моя, мы слышали про ваш непростой темперамент, но даже не представляли такой эпичный размах! Чем же вам не угодил Ханс, ведь он даже еще не очнулся?

По щекам Мири катились крупные слезы, но она не проронила ни слова. Ей было неловко и стыдно. Какая же она дура! Ханс ни в чем не виноват! Его заколдовали! Он бросился защищать эту стерву, а ведь поговорил с ней всего один раз. Девка была неправдоподобно красива, да и крылья выглядели живыми и настоящими, что бы ни болтали сейчас по телевизору! Наверняка какая-то жуткая магия! Эти ведьмы способны на что угодно...

— Понимаете, дорогуша, мы очень старались, спасая жизнь парню. А вы могли задеть сложную аппаратуру и все испортить. Вы хотите, чтобы мы ограничились вашими посещениями? — мягко спросил Марк, жмурясь на солнышке, словно сытый кот.

— Нет-нет! Простите меня! — замотала головой Мири, всерьез опасаясь, что теперь ее

выгонят. — Я просто сорвалась. Очень сильно устала.

— Я понимаю, что вам пришлось нелегко, — почти ласково сказал старичок, погладив бородку. — Но теперь все позади. Обещаю, что Ханс скоро поправится.

— Он узнает меня? Сможет ходить? — с надеждой спросила девушка, внутренне молясь всем богам, о которых когда-либо слышала.

— Возможно. Ханс мог потерять часть памяти, но интеллект должен быть в полном порядке. Ходить сможет, но не сразу. Репродуктивная система тоже будет работать, — рассмеялся старик. — Хотя нам пришлось несколько модифицировать тело...

— Модифицировать? — недоуменно протянула Мири. — Что это значит?

— Не волнуйтесь, никаких голливудских киборгов и терминаторов. К счастью или к сожалению, они пока существуют только в фантастике. Если коротко, то нам пришлось ввести ему трансмембранные белки на уровне клеток центральной нервной системы. Мы впервые создали интерфейс, обеспечивающий прямую коммуникацию компьютера с мозгом.

— Зачем? — испуганно отшатнулась девушка. — Я вас об этом не просила!

— Напомню, что это вы умоляли нас спасти ему жизнь, — холодно произнес Марк. Его глаза приобрели стальной блеск. — По-другому не получалось. Вы сами подписали все документы. Юридически тело Ханса теперь собственность фонда. Успокойтесь, никто не собирается делать ему что-то плохое. Вы нам еще спасибо скажете.

— Вы ставите на нем опыты? — тревожно спросила она, пристально следя за реакцией Марка.

— И то, и другое. Скажем так — без наших экспериментов Ханс остался бы в коме. А аппаратуру жизнеобеспечения никто даром не даст. Я понимаю вашу подозрительность. Поверьте, другого выхода не было, — уверенно заявил старик, не отводя глаз.

Похоже, он говорил правду. Но, видимо, не всю. Чувствовался какой-то подвох. Интуиция подсказывала Мири, что Марк не договаривает. Старик совершенно точно что-то скрывал. Конечно, Фонд спас Ханса, но у нее было предчувствие, что спасибо за это она им не скажет.

Мири рассеяно кивнула и в задумчивости вышла из кабинета, не попрощавшись. Пора идти на работу, но теперь ей страшно выйти из клиники. Утром ее могут не пустить обратно. Вдруг Ханса превратят в чудовище, а она даже не узнает любимого?

Девушка решительно развернулась и побежала обратно. Рванула ручку двери, хотела закричать, потребовать твердых гарантий, но внутри никого не оказалось! Мири не поверила своим глазам. Несколько секунд назад она вышла из кабинета! Обстановка дорогая, но нет ни книжных шкафов, ни больших зеркал, ни фальшивых панелей. Окно наглухо закрыто, спрятаться негде. Она не отходила от кабинета и не могла не заметить выходящего старика. Но тот словно растаял в воздухе.

Голова закружилась, ноги стали ватными. Мири обессиленно опустилась на стул.

Вампиры! Демоны! Кто еще способен на подобные трюки? Только бы не упасть!

Нервничая, она осторожно шла по коридору под внимательным взглядом охранника. С работой проблем не будет. С ее квалификацией можно найти местечко не хуже, но как отсюда вытащить Ханса? Своими руками отдала любимого оборотням! И та ведьма с ними наверняка заодно! На карнавале она так смотрела на него, словно хотела зацеловать до смерти!

Мири тяжело вздохнула, понимая, что не может бросить вызов Марку в открытую. Если только она их как-то перехитрит? Обольстить охранника, связать веревку из простыней,

спустить Ханса вниз на лужайку... А потом они все бросят и убегут. Такого парня надо держать взаперти и никому не показывать! Боже... какая же она дура! Что за чушь в голову лезет! С магами надо бороться магией!

Девушка вспомнила, что ей недавно рассказывали про полусумасшедшую старуху, живущую поблизости. Говорят, она привораживает парней, отрывает курам головы и поднимает из могил зомби. Или наоборот — поднимает кур из могил и отрывает парням головы? Так даже лучше! Впрочем, неважно!

Выбежав из здания, Мири со всех ног помчалась к колдунье. Она летела, как на крыльях, ничего не боялась и была готова заплатить любую цену, чтобы спасти Ханса!

Улица выглядела пустынной и тихой. Где-то стрекотал сверчок, будто предупреждая о грядущей беде, а кроваво-красная луна выглядывала из-за зловещих туч, словно подсвечивая дорогу в ад...

Какая дикая, свирепая боль... Некоторое время Ханс думал, что сам и является ею. Она занимала все внутреннее пространство, а о существовании внешнего он вспомнил не сразу. Мир стучался к нему неясными звуками, запахами и прикосновениями. Когда через жалюзи пробивался солнечный луч и не спеша полз по неподвижному телу, то появлялось ощущение тепла, словно намекая, что не все является болью. Но знаки были слабыми и практически неразличимыми на фоне постоянной и оупляющей муки.

Боль будто выиграла решающую битву за место в сознании и теперь безраздельно царила, наслаждаясь силой и властью. Разум пугливо сжался в комочек и прятался где-то в тених, оставив поле боя ужасному монстру. И теперь тот отплясывал ритуальный танец страдания на обнаженных нервах.

И все же поначалу смутные, но все более частые обрывки воспоминаний потихоньку расшатывали тяжелые камни небытия. С большим трудом возвращалась способность думать. Та его часть, что помнила себя Хансом, наконец вышла из мрака забвения.

Память вернулась. Она прекрасно сохранила последние секунды битвы. Аня, трефолк, падение и вспыхнувшее понимание, что сейчас он умрет. Насовсем. Навсегда. И тогда не будет даже того, кто смог бы зафиксировать, воспринять эту немислимую, леденящую разум, вечность. Но если он мыслит, он жив. Это еще не конец.

Неподъемные веки казались крепостными воротами, сквозь щель меж которыми пробивался свет. За ними угадывался шумный, беспокойный и очень знакомый мир, с нетерпением ждавший его возвращения. И распахивать в него дверь было не только тяжело, но и страшно.

Послышался какой-то шум, но звук звучал неясно и гулко. Ханс открыл глаза, но тут же закрыл: слишком болезненным оказался свет. Пришлось зажмуриться и отступить в тень. Но, видимо, он выдал себя.

— Очнулся! — причудливым эхом в голове зазвучал чей-то голос. — Ханс! Видишь меня? — настойчиво забубнило расплывчатое пятно с тройным радужным контуром. — Мигни, если понимаешь!

Хансу пришлось мигнуть. Раз его нашли, то уже не оставят в покое. Возникло ощущение «дежавю», словно он не раз вот так же выходил из беспамятства. В уме держалась странная уверенность, что это же переживание обязательно возникнет и в будущем. Как будто он серьезно ошибся, когда-то свернув в лабиринт, а теперь вынужден проходить надоевший поворот снова и снова. Связанный с одними и теми же людьми, поставленный в почти те же самые обстоятельства...

Маячившее перед ним пятно обрело четкие очертания, превратившись в сосредоточенное женское лицо. Что-то неуловимо знакомое. Волосы цвета меди собраны в тяжелый пучок на затылке. Высокие скулы, идеальная кожа. Выразительные серые глаза и пушистые ресницы. Ухоженные длинные пальцы держали тонкий фонарик. Красавица бесцеремонно направила пучок яркого света ему на зрачок.

Сколько можно слепить? Ханс болезненно поморщился и попытался оттолкнуть ее, но не смог. Похоже, руки надежно связаны. В носу сильно чесалось. Из ноздрей тянулась пара прозрачных трубок, а к аппаратуре на столе — пучки подозрительных проводов. Ноги он не

чувствовал совсем. Даже не мог оценить положение собственного тела в пространстве. Может быть, его голову пересадили куда-то? По крайней мере, она была тем единственным, что Ханс хорошо ощущал, поскольку не переставала болеть. Но вот что с остальным? Куда он попал? Где Мири?

Вместо нее на ум почему-то пришла Аня, танцующая в лучах разноцветного света. Ангел! Она была настоящим ангелом. Кто еще мог так выглядеть? А потом люди вдруг обезумели и полезли наверх! Откуда-то к нему тогда пришло понимание, что их надо обязательно остановить. Нельзя им дать до нее даже дотронуться! Ни капли сомнений, ни тени колебания, да и мыслей-то никаких. Сейчас казалось, что его мозг в тот момент вообще не работал, но Ханс был твердо убежден, что все делает правильно. Какое-то наваждение... Он словно спасал сам себя!

— Я вколола успокаивающее. Все хорошо, но вам надо отдохнуть. А завтра... — последние слова Ханс почти не расслышал, провалившись в уютную темноту. Там было так хорошо и спокойно...

Ему приснился тяжелый и беспокойный сон. Он то лежал на мраморном жертвенном алтаре, то сражался с мечом в руке против гигантского богомола, то стоял неподвижно, а вокруг бурлила людская река. Кто-то от него чего-то хотел, кто-то бросал оценивающий или равнодушный взгляд и беззвучно скользил мимо, чтобы больше никогда с ним не встретиться. Но там стояли две девушки, которых Ханс не мог не заметить.

Аня и Мириа — они всегда смотрели только на него и молчали, а человеческий поток подталкивал их к нему ближе и ближе, словно к центру огромной воронки. Когда же он сам бежал к ним, то они отдалялись и пропадали в толпе. Какая-то невидимая сила не давала им сблизиться. В последний момент он неизбежно сталкивался с каким-нибудь препятствием.

В конце концов, Ханс почти догнал девушек на карнавале. Смеясь, они скрылись в ветвях тrefолка и теперь призывно и многообещающе улыбались ему сверху, то сливаясь, то меняясь местами. Он полез к ним, но бутафорское дерево обмотали колючей проволокой и утыкали стальными ножами, и он оставлял на них куски плоти.

Преодолевая дикую боль, Ханс продолжал ползти к манящим красавицам, поощрявшим его призывными взглядами. Когда же он добрался, то вместо награды его в гнезде ждали две уродливые и кровожадные гарпии, радостно пожравшие то небольшое, что от него еще оставалось...

И снова поток людей, и в нем опять мелькали лица Ани и Мири. Ханс доверчиво устремлялся за ними, но все повторялось. «Ты найдешь меня? Обещаешь?» — кричали они ему. И он обещал, и залезал на дерево снова и снова, до тех пор, пока все не слилось в бессмысленный ком интриг и событий. Там причудливо переплелись его надежды и страхи, дикая боль и предвкушение невероятного наслаждения, которого так и не суждено достичь...

— Вы слышите меня? — откуда-то издали кричал женский голос.

Ханс с облегчением понял, что жуткий сон кончился. По крайней мере, на какое-то время. Но не ждет ли его еще более страшный?

На него смотрела все та же девушка в коротком белом халатике, которую он уже видел вчера. А может, не вчера? Неделю назад или даже год? Кто знает, сколько он здесь провалялся? Недавний кошмар показался бесконечным.

— Меня зовут Атма. Вы можете говорить? — мягко спросили его.

Почему его об этом спрашивают? Вдруг теперь он немой? Ханс попробовал разлепить

ссохшиеся губы и сказать что-то, но изо рта вырвалось только нечленораздельное бульканье.

— Все в порядке. Не волнуйтесь, это нормально, — успокоила его Атма. — Моргните, если почувствуете прикосновение, хорошо? — Она демонстративно покатила по ладони небольшое металлическое колесико с зубцами.

— Здесь? Чувствуете? — Атма провела холодным инструментом по его правой руке.

Ханс мигнул.

Атма. Какое странное имя... Он где-то ее видел раньше?

— Хорошо. А здесь, на левой? — снова спросила она.

Дождавшись утвердительного сигнала, девушка откинула простыню и перешла к ногам.

— Здесь?

По ее вытянувшемуся лицу он понял, что она расстроена. Ханс ничего не чувствовал! Неужели он не будет ходить?

Атма водила колесиком где-то внизу, не оставляя попыток достучаться до нервов. Наконец Ханс все же почувствовал ее прикосновение, но уже гораздо выше, и смущенно покраснел. На этот раз ему можно было и не мигать. Атма увидела реакцию его тела и улыбнулась:

— Прекрасно! Не волнуйтесь, ноги восстановятся чуть позже. Приятных снов.

Ханс беспомощно закрыл глаза. Похоже, опять вкололи снотворное. Боже, хоть бы не провалиться в тот же самый кошмар...

Комната быстро погасла, разум затопила уже привычная тьма.

Очнувшись в следующий раз, он увидел перед собой Мири, стиснувшую его пальцы так сильно, будто хотела причинить боль. Она похудела, а в темных глазах теперь горел какой-то лихорадочный огонь, словно пожиривший ее изнутри. Она наклонилась и, оглянувшись на закрытую дверь, горячо зашептала в ухо:

— Никому не верь здесь! Меня не всегда пускают к тебе... Милый, это не обычные люди. Вернее, они нелюди, хоть и спасли тебя!

— Мири? — Ханс удивился звуку своего голоса. Его почти не было слышно, но, по крайней мере, он теперь мог разговаривать.

— Как я рада, что ты жив! — девушка обняла его, но, видимо, пережала трубки, выходящие из носа. Аппаратура на столике тревожно запищала. — Ой! Прости. В прошлый раз я тебя едва не убила... Но ты бредил той ведьмой!

В требовательном и обвиняющем взгляде читались гнев и обида. Казалось, Мири сейчас вырвет все эти зонды и трубки, засунув туда, где ему очень бы не хотелось их чувствовать.

Ханс испуганно замычал, инстинктивно пытаясь отодвинуться подальше, но тело не слушалось. Девушка не удержалась и сильно стукнула его кулачком по груди так, что он болезненно закашлялся.

В коридоре раздались быстрые шаги. Дверь хлопнула, распахнувшись, и в палату влетела разъяренная Атма. Похоже, в комнате находились скрытые камеры.

— Мы вынуждены попросить вас уйти! Сейчас же! — в голосе медсестры звенели стальные нотки.

— Я спасу тебя, милый! Вытащу отсюда! — вставая, прошептала Мири, но незаметно и болезненно ущипнула Ханса, едва не вырвав кусок кожи.

— побыстрее! — нетерпеливо прорычала Атма, заметив ее движение.

Мириа не удостоила ее взглядом и с гордо поднятой головой нарочито медленно покинула комнату. Танцовщица казалась не вполне нормальной.

Ханс облегченно вздохнул, уже жалея, что слишком рано выплыл из комы. Должно быть, Мири пришлось тяжело, пока он тут валялся в беспомощности. Громоздкое медицинское оборудование на столике и вдоль стен выглядело солидно и очень дорого. У него нет страховки. Кто за все это платит?

Атма вышла проводить девушку, видимо, опасаясь масштабных разрушений, которые та могла бы устроить на выходе. Темперамент Мири был опаснее динамита. Неудивительно, что ее «не всегда пускают» к нему. Чем он ее так разозлил? Неужели действительно в бреду искал Аню?

Рука напомнила о себе болью, и Ханс осторожно поднес ее к лицу, оценивая работоспособность. Кисть двигалась нормально, пальцы безболезненно сжимались в кулак. Потребовалось только немного размять их. Неожиданно в поле зрения возникло крохотное изображение сердечка и аккуратные строчки зеленых цифр и символов, зависшие прямо в воздухе.

Неужели глюки? Он испуганно покрутил головой, но надписи так и остались висеть, а числа тревожно запульсировали и стали расти, сменив цвет на красный. До Ханса вдруг дошло — это же показатели его собственного пульса, давления, и черт знает, чего еще!

Он снова осторожно сжал запястье, и теперь появилась полупрозрачная панель с множеством иконок. Точно такими же, как на рабочем столе компьютера: с браузером, телефоном и папками. На одной из них было написано «Игры».

Хансу вспомнилась недавняя загадочная фраза Мири о «нелюдях». Что они с ним сделали? Надо бы попробовать ей позвонить...

Он стал тыкать пальцем в воздухе, стараясь попасть в иконку телефона, что со стороны наверняка смотрелось комично. Безуспешно. Надо как-то иначе. Движение пальцем по запястью обнаружило курсор и все оказалось простым и понятным. Набрав прямо на ладони номер, Ханс на секунду задумался, стоит ли поднести ее к уху. Да и куда ему следует говорить...

— Алло? — знакомый, мрачный голос на этот раз доставил истинное наслаждение. Чертовски удобно!

— Это Ханс! Слышно меня? — проорал он от избытка чувств.

— Не кричи. Они дали тебе телефон? — недоуменно спросила Мириа.

— Эм... — Ханс не сразу нашелся, что ответить. — Да... Я покажу тебе все позже. Запомни номер! У меня даже интернет есть!

— Не определяется! Будь осторожен! Понял меня? — она бросила трубку.

По ее взволнованному тону чувствовалось, что Мири настроена предельно серьезно. Скорее всего, она боялась, что их подслушивают. Но что ему может угрожать, если эти «они» его вылечили? Или с нее теперь требуют деньги? Но она за всю жизнь не натыкает столько...

Дверь открылась и на пороге вновь появилась Атма. Она сейчас выглядела озабоченной и настороженной, словно знала, что впереди неприятный разговор.

Ханс опять удивленно отметил некое неясное ощущение, похожее на влюбленность. В прошлый раз это кончилось тем, что он полез на баррикады трефолка. Инстинкты погнали его защищать то, что почему-то стало вдруг для него очень ценным. В той Ане было нечто, заставившее наплевать на инстинкт самосохранения и чувствовать себя совершенно счастливым даже перед лицом неминуемой гибели.

Теперь то же самое странное ощущение внутреннего узнавания появлялось и в

присутствии Атмы. Ее что-то объединяло с Аней, а что — Ханс никак не мог ухватить. Рис переполнен красивыми девушками, да и его Мири неизменно вызывала у всех восхищенные взгляды, хотя рядом с ней он никогда не чувствовал ничего подобного. Подсознание настойчиво шептало, что ему посчастливилось встретиться с тем единственным существом, которое нельзя от себя отпустить. Тогда таких уже минимум два, но до сих пор непонятно, где Аня и что с ней случилось...

— Я считаю, что вы должны поговорить с нашим директором, — неожиданно предложила Атма, нервно улыбаясь, будто боялась, что он откажется. — Я помогу вам сесть удобнее.

Атма пощелкала кнопками на аппаратуре у стенки, отсоединила пару проводов и шлангов, змеящихся у кровати. Схватив Ханса подмышки, она подтянула его повыше и сунула под спину подушку. Ее руки оказались неожиданно сильными, от тела так хорошо пахло...

Объект вожеления был слишком близко. Ханса буквально окатило волной возбуждения и эйфории. «Обнять, повалить, овладеть!» — буквально вопила каждая клеточка. Если бы он сейчас был здоров, то, несомненно, так бы и сделал. С недавних пор его тело даже не спрашивало разрешения. Хотя едва ли бы разум стал возражать...

Девушка ловко вывернулась из уже смыкавшихся, но пока еще очень слабых мужских объятий. Она сделала вид, что ничего не заметила, но все же отошла за пределы досягаемости.

— У вас необычное имя, — Атма, видимо, решила заполнить неловкую паузу.

— Мой дед был немцем, эмигрировавшим в Южную Америку после войны, — смущенно пробормотал Ханс, покраснев из-за своих неловких маневров. — Мое настоящее имя Ганс, но бабушка-украинка всегда смягчала звук «гэ», когда звала меня домой с улицы. У нее получалось — Ханс. Вот так оно ко мне и приклеилось... Кстати, ваше имя я тоже не встречал раньше. Что-то индийское?

— Дети часто страдают из-за необычных увлечений родителей, а мои любили путешествовать по Востоку. Меня называли в честь вечной и неизменной духовной сущности, осознающей собственное бытие, как мне потом объяснили, — рассмеялась Атма. — Но я до сих пор не смогла согласиться с этим мудреным понятием.

— А что в нем такого сложного? Не верите в вечную душу? — усмехнулся Ханс.

— Не верю, — кивнула девушка. — Вечное значит постоянное. А разве есть нечто, что никогда не меняется и ни от чего не зависит?

— Не знаю. Может быть, какое-то сверхсильное существо?

— Без разницы! — уверенно заявила Атма. — Если оно действует и хотя бы воспринимается кем-то еще, то находится с остальным миром в причинно-следственных связях. А это всегда изменение и обусловленность внешним. Оно будет меняться. Так откуда тогда возьмется эта «вечная душа», м-мм?

Ханс не решился ввязываться в полемику по вопросу, в котором будет выглядеть недалеким профаном. У него в голове мелькнула мысль, что Атма флиртвала, обрушив на него всю эту мудреную аргументацию. Он обычно чувствовал себя неуютно и старался избегать общения со слишком умными женщинами. К тому же, его крепость и так сдалась, открыла ворота и выбросила белый флаг, с нетерпением ожидая захватчика.

— Понятно, — он постарался замять эту тему. — А ты не расскажешь мне, что случилось потом на трефолке?

— Если ты про Аню, то ей помогли скрыться. Больше никто ничего не знает. Говорят, что массовый психоз и галлюцинации вызвала какая-то тектоническая аномалия. За такую... мм-м... девушку не стоит беспокоиться. Она наверняка жива и здорова! — уверенно заключила Аتما, загадочно улыбнувшись. — Но мне пора идти, а к вам скоро зайдет наш директор.

Ханс с тоской провожал взглядом ладную женскую фигурку, пока та не скрылась за дверью. Хорошо, что на этот раз его не стали заталкивать в сон...

— Здравствуйте, вот мы и увиделись! Меня зовут Марк, — директор протянул вялую и чуть дрожащую руку.

Маленький и щуплый старичок имел забавную привычку теребить бородку, словно черпая в ней силы. Внешне он выглядел вполне милым и безобидным. Но Ханса не покидало неприятное ощущение, что его с любопытством рассматривает очень древнее и пронизательное существо. За суетливыми движениями и мягкой речью угадывалась стальная воля и какая-то зловещая, темная сила. Может быть, поэтому Мири и говорила о «нелюдях»?

— Вы спасли меня. Спасибо! — вежливо поблагодарил Ханс, с недоумением ощущая внутреннюю дрожь всякий раз, когда Марк останавливался на нем взгляд.

Рядом с ним любой почувствовал бы себя ничтожным и жалким. Слишком яркие и чистые белки глаз, без малейшего намека на обычную старческую желтизну, большие черные зрачки — бездны, откуда на собеседника смотрела сама тьма.

— Да уж, нам пришлось с вами повозиться, — улыбнулся директор. — Но теперь все неприятности позади. Надеюсь, вы нас не разочаруете.

— Что с моими ногами?

— Я уверен, что все будет в порядке. Чувствительность восстановится очень скоро. Дальнейший ход лечения во многом зависит от вас. Придется как следует поработать. Но прогноз благоприятный, не волнуйтесь! — заверил старик и машинально выдернул очередной волосок из бороды, будто загадав желание.

— Кто платит за лечение? — опасно спросил Ханс, ожидая услышать внушительную сумму кредита.

— Фонд «Осирис». Мириа как ваш единственный представитель подписала все необходимые документы. Нейротехнологии позволили почти полностью восстановить функциональность вашего мозга. Взамен мы попросим какое-то время провести у нас.

— Как долго?

— Необходима сложная и дорогая реабилитация. Не сомневайтесь, для вас это хорошая сделка. Надеюсь, вы оцените наши усилия. Вижу, наш интерфейс вам понравился. Удобная вещь, не так ли? — хитро подмигнул Марк.

— Вы вшили в меня что-то? Компьютерный блок? — забеспокоился Ханс. Он всерьез испугался, что придется всю жизнь повсюду таскать за собой громоздкую аппаратуру, что подпирала противоположную стену.

— Нет-нет. Ничего такого! — рассмеялся старик. — Только небольшой имплант с микрочипом.

— А разве нельзя было обойтись без него?

— Молодой челове-ек! — укоризненно протянул Марк. — Что вы понимаете в медицине? Местные врачи посчитали вас неоперабельным. Через день-два они отключили бы безнадежного пациента от систем жизнеобеспечения. Повреждения были такими, что нам пришлось как следует поработать над содержимым вашей черепной коробки.

— Я могу стать идиотом? — занервничав, спросил Ханс.

— Надеюсь, что нет! По крайней мере, хуже, чем было, не будет... — развеселился директор. — Кое-что удалили, но какую-то часть прежних функций взяли на себя соседние

отделы мозга, а какую-то — компьютерный чип. Нам пришлось вручную создавать нейросети для взаимодействия живых тканей с имплантом. Эти технологии еще только развиваются, но нам с вами удалось добиться успеха. Поверьте, мы очень гордимся результатом.

— Можно подробнее?

— Все сложно, едва ли я смогу объяснить вам в деталях. В геном встраивают фрагмент ДНК, кодирующий особые мембранные белки. Под внешним воздействием они открываются, благодаря чему в клетке образуется ионный ток, а это ведет к ее активации.

— Я ничего не понял, — замотал головой Ханс, злясь на себя за унижительную необразованность.

— Хорошо, постараюсь объяснить подробнее, — почти ласково ответил Марк, словно разговаривал с глупым ребенком. — Создать интерфейс, обеспечивающий прямую коммуникацию с мозгом, очень сложно, ведь он соткан из миллиардов нейронов. Они общаются между собой с помощью синапсов, бомбардируя друг друга химическими соединениями. Так программируются наши решения, посылаются сигналы мышцам. Ваш микрочип фиксирует эти импульсы и переводит их в компьютерный код. Он способен интерпретировать основные психические команды, выявлять и анализировать мимику, измерять концентрацию внимания, производительность мозга и уровень стресса. Эти данные получают наши сервера. Там они обрабатываются и пересылаются обратно. Мозг создает картинку реальности из информации, получаемой от органов чувств, а мы просто меняем ее или дополняем новыми данными.

— Но как я управляюсь со всем этим, просто нажимая на свое запястье? — удивленно спросил Ханс, так и не поняв, о чем ему вещает директор.

— Ваше тело нашпиговано идеальными датчиками, созданными самой природой! — Марк почему-то странно ухмыльнулся после этих слов, но быстро продолжил. — Нервная система совершенна, но все дело в расшифровке той информации, что она подает «наверх». В данном случае мы использовали то, что есть — осязание. Можно превратить сигнал от участка вашей кожи, на который вы давите пальцем, во что угодно. Мозг можно легко обмануть, заменив ощущение давления на запястье любым другим. Так мы способны создать новую виртуальную реальность, подменяя ту, что воспринимается естественным образом. Наш разум замурован в черепе, и понятия не имеет о том, что в действительности происходит снаружи. Мозг ежесекундно создает для себя картинку, опираясь на «показания внешних приборов», а они далеко не совершенны и видят лишь ничтожнейшую часть того, что нас окружает!

— Мы что-то не видим?

— Очень многое! Уж поверьте! — Марк расхохотался до слез.

— Как в кино или в игре? — спросил Ханс, тут же нарисовав в воображении красочный порно-ролик с Аней и Атмой в кружевных фартучках. Для остроты хорошо бы добавить к ним и Мири в черном латексе...

— Лучше, намного лучше! — довольно засмеялся старик, теребя жиденскую бороденку. — Это будет новый мир, но уже с нашими правилами! Мы будем продавать не игру, не фильм, а целые судьбы!

— Как это? — не понял Ханс.

— Пока у нас есть только концепт, но суть в следующем: человек погружается в виртуальный игровой мир и до момента выхода из игры теряет все свои воспоминания. Там

он получает новые — грозный орк, королева-мать или шаловливая проститутка в борделе. Кому как нравится.

— Но это же будет что-то типа мультфильма? Компьютеры же не могут нарисовать нашу реальность.

— Пока не могут, — согласился Марк, — но нам это и не требуется. Мир создаст не машина, а человеческий мозг. Вы же в своих снах не замечаете подмены, правильно? Кроме того, раз нет воспоминаний, то не будет и возможности для сравнения. Разум сочтет совершенно нормальной даже плоскую черно-белую графику. На Земле миллионы существ, и каждый вид имеет свои уникальные органы чувств. Поэтому все воспринимают одну и ту же реальность по-разному.

— А как же другие люди? У них будут собственные миры?

— Это как захочет клиент. Можно отыграть судьбу, где все жестко расписано, но человек не будет знать, что вокруг только бездушные персонажи. Это похоже на фильм с полным погружением. К примеру, так человек искренне проживет жизнь Белоснежки или ее гномов. Думаю, особым спросом будет пользоваться порнографический вариант сказки! — захихикал старичок, громко хлопнув в ладошки. Сейчас он напоминал именинника, предвкушающего праздничное торжество и подарки.

Его нездоровый энтузиазм настораживал. У Ханса из головы не выходило предупреждение Мири. Он никогда бы не доверил свою судьбу столь скользкому и опасному типу. Интересно, эти «нелюди» хотя бы на собаках свои чипы испытывали? Боятся ли они хоть кого-то? Знают ли власти об их опытах? Вряд ли. Тут же поднялась бы шумиха и скандал в прессе. Зачем Марку эти неприятности? Обкатать технологию можно и на бедняках, благо в Рио их с избытком и, как правило, они к юристам не ходят. Да и название фонда говорит само за себя...

— Хорошо, но я понял, что будет и многопользовательский вариант? Несколько человек в одном мире?

— Да, но тогда их объединят в одну сеть. Это позволит осуществить как раз та модификация процессора, что вшита в ваш мозг. Кроме того, потребуется уже активное взаимодействие с оператором или машинами, которые будут администрировать такое виртуальное измерение, играя роль «бога». Но это уже другая работа, другие деньги... Хотя открывающиеся перспективы невероятны! — в возбуждении потер руки директор.

— Так я первый опытный образец? Или уже не первый? — холодно спросил Ханс.

— Нет, первый! Но все получилось как нельзя лучше! — горячо заверил Марк, мгновенно уловив перемену. — Но все же я попрошу рассказывать нам о всех странных и необычных ощущениях. Лучше всего их записывать! — Старик показал взглядом на прикроватную тумбочку, где лежали объемный блокнот и ручка.

— А может случиться что-то неожиданное? Вдруг я сойду с ума?

— Мы не автослесари, стопроцентных гарантий не дадим, — улыбка мгновенно исчезла с лица Марка — а он умел производить нужное впечатление. — Наши специалисты работают с самым сложным и загадочным человеческим органом. А от багов не застрахован даже мой калькулятор. Я думаю, что наше физическое тело только верхушка айсберга. К сожалению, его подводная часть обычно нам не видна.

— Вы про бессмертную душу? — Ханс вспомнил недавний разговор с Атмой.

Они все сговорились, что ли? Похоже, тут принято так развлекать своих пациентов. Чтоб не боялись помереть, если что...

— Бессмертную? — усмехнулся старик. — Это вряд ли. Мы провели немало времени, изучая мозг. Судя по всему, он не генерирует сознание, словно сказочная печь — горячие пирожки с молодильными яблочками.

— Но разве я не живой пример? Стоит чуть повредить мою голову, и сознание гаснет! А если вколоть лекарство, то свойства ума мгновенно меняются! Разве не так?

— Высуньте из-под простыни один палец. Только один, чтобы руки и тела не было видно. И пошевелите им! — попросил Марк.

Направление его мысли пока оставалось загадкой, но Ханс послушно сделал, как говорил профессор.

— А теперь вообразим на минуту, что палец — это мы. Всего остального тела не видно. Оно может искренне заблуждаться в оценке своего истинного размера. Если эту видимую часть хоть немного повредить, то образуется гематома. Палец опухнет и посинеет. А можно сломать так, что он больше не шевельнется. Хотя в этом примере внешнее воздействие и ограничило функциональность пальца, оно так и не добралось до истинной причины его движений. Понимаете?

— Нет! — честно признался Ханс, в очередной раз устыдившись собственной тупости.

— Хорошо, — терпеливо кивнул Марк. — Вон там, на столе, стоит лампа. Хотя она и «производит свет», но все же не является его настоящей причиной. За ней целый комплекс хитроумных и очень сложных устройств, работающих для создания такого эффекта. Если ее разбить, то станет темно, но, как только заменят лампу, свет снова появится. Взаимосвязь тела, мозга и разума, как мне представляется, примерно такая же...

— И что происходит с «подводной частью айсберга», когда сносят верхушку? — недоверчиво спросил Ханс.

— Точно не знаю, — развел руками старик. — Вероятно, существует в более «тонком» виде или пребывает как некая скрытая потенциальность, пока не нарастет новая «верхушка». И тогда наш «айсберг» будет выглядеть уже совершенно иначе, хотя, по большей части, останется прежним. Но и о нем нельзя сказать, что он «бессмертен». — Марк выдержал паузу, задумчиво разглядывая пространство над Хансом. — Впрочем, я не просто так вас сейчас развлекаю. Мы должны заставить ваш мозг напрячься и хорошо поработать. Для скорейшего выздоровления надо вернуть ему тонус, точно так же, как и вашим ногам. Чуть позже зайдут массажисты. Пожалуйста, не раскисайте! — попрощался директор уже на пороге.

Нима согласилась встретиться с Марой на Площади Дебатов до начала очередного судебного заседания. Сегодня им предстояло публично разъяснить и аргументировать свои позиции, но богиня хотела попробовать еще раз поговорить с демиургом. Она знала, что он в нее все так же влюблен. К тому же, у них одна цель. Но вот достичь ее они собираются совершенно разными путями!..

Сегодня решится судьба человечества, а у богини не было уверенности в победе на процессе. Если победит Мара, то он радикально изменит проект, а чиновники из Канцелярии примут его сторону. Это будет ужасной, непоправимой ошибкой, но Нима все же надеялась переубедить демиурга.

— Здравствуй, любовь моя! Давно ждешь? — знакомый бархатный голос заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Она так скучала по нему...

— Как дела у Ханса? — холодно спросила Нима, всем своим видом показывая, что будет держать дистанцию. По крайней мере, пока упрямый асур не одумается.

— Честно говоря, не так хорошо, как хотелось бы... — признался Мара. — Физически он почти здоров и уже начал ходить, но вот с психикой...

— Атма сказала, что у него резкие перепады настроения и даже голоса в голове! Он психует! Мы договаривались, что ты спасешь его, а не вырежешь половину мозга, чтобы разместить там свои мудреные штучки! — прошипела богиня.

— Я сдержал слово. Он жив! По-другому не получилось, — виновато развел руками демиург. — Зато у нас теперь есть блестящая возможность создать что-то действительно стоящее!

— Не у нас! У тебя! Механическая игрушка, страдающая приступами неконтролируемой ярости? Ты действительно веришь в ее будущее?

— Подожди, не злись. Давай я все объясню... — умоляюще попросил Мара. — Мой эксперимент даст шанс спасти твое любимое человечество!

— Загнав людей в виртуальность? Их проблемы всегда в их собственном уме. А они его непременно захватят с собой!

— Как хочешь... — пожал плечами Мара, делая вид, что уходит.

— Хорошо, рассказывай! — остановила его Нима. — Только очень коротко, у нас мало времени.

— Мы использовали трансмембранные белки на уровне клеток центральной нервной системы. Таким образом, изменяется активность головного мозга и поведение подопытного. Кроме того, благодаря этому же интерфейсу можно соединить несколько людей, чтобы получить сверхразум, который сможет на расстоянии управлять любым из участников! Эта «мозгосеть» со временем объединит все человечество, создав виртуальное пространство колоссальной игры, которая заменит реальность!

— Я так и думала. Ты хочешь создать управляемые живые куклы! — возмущенно перебила его богиня.

— Нет! У них все будет, как прежде, за исключением некоторых неприятных привычек! — яростно запротестовал демиург. — Вся активность людей уйдет в виртуал. Там будет работа, игра, развлечения — вся их жизнь. Я даже название придумал — «Сансара». А

природа Земли без человечества останется чистой и девственной. Ты прекрасно видишь, что они натворили! Мы обязаны вмешаться и остановить этот процесс! Не потакать, с умилением следя за их шалостями, а выпороть и вправить мозги! Так всегда и поступают родители со своими детьми! Только это и будет настоящей помощью!

— Заблокировать естественные функции значит превратить людей в безвольных марионеток! Проект уже работает, а значит, их особенности обусловлены кармой. Ты не сможешь решить эти психологические и эмоциональные проблемы аппаратно. Поэтому у тебя Ханс с ума и сходит!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Постой, ты же обещала послушать? Мы только начали исследования, но я же стараюсь для тебя! Если хочешь, я могу вообще прекратить работу с людьми! Буду спокойно заниматься искусственным интеллектом виртуальных миров. Там потенциала гораздо больше! Ты же меня как раз из-за этого в суд вытащила?

— Ладно. Продолжай... — извинилась Нима.

— Так вот... Можно корректировать поведение, воздействуя на определенные части мозга сфокусированным магнитным полем. «Включая» и «выключая» их, получится временно запретить человеку говорить или заставить двигаться, как нам нужно, даже против его воли. Мы изменим привычки и желания людей! С помощью нашей технологии доступно влияние на любые аспекты их поведения! Человек станет счастливым, добрым и благоразумным! Разве не этого ты хотела, не об этом мечтала?

— А что так мелко? — богиня не пыталась скрыть сарказм. — Давай сразу перейдем к божествам и нирване! Каждому по твоему ошейнику — и пусть попробуют на следующий же день не обрести просветление!

— Никто не умеет работать с «тонким телом». А вот с материальным это возможно. Мы же как-то создали людей.

— Ты слышал Атму? У человека есть прана! — воскликнула Нима, сильно дернув Мару за руку. — А значит, их тонкое тело не формируется в момент смерти, как мы раньше считали. Оно присутствует в них постоянно, хотя и не доступно нашему восприятию. Точно так же мы невидимы для человека, пока он заключен в клетку грубой материи. Люди не пустые машины из органики. Реинкарнация работала в их мире с самого начала!

— Ну и отлично. Мы всегда подозревали это... — демиург отодвинулся от Нимы. — Что это меняет? Они скоро сами превратят родную планету в адское измерение! Зачем нам еще одно? Их и так по галактике пруд пруди!

— Я не об этом. Ты насильно хочешь дисциплинировать оболочку, а не работать с ее содержимым. Трясешь бутылку шампанского, пытаешься превратить его в амброзию! Неужели не понятно? Оно вскипит, а пробка вышибет тебе остатки мозгов! — негодовала богиня. — Так понятнее?

— Хочешь оставить как есть? — невозмутимо спросил Мара. — Меня форму, мы неизбежно изменим и ее содержание. С ней можно работать. В грязном сосуде не сохранить чистоту воды. И это все, что пока нам доступно.

— Нет, не все! Вспомни Джая. Мы должны работать с внутренним, тогда не будет нужды менять внешнее. Тем более, последнее требует бесконечных усилий, а их плод не вечен. Все рано или поздно рассыпается в прах.

— Джай легенда, но он ушел навсегда. А сансара все еще здесь... — пожал плечами демиург.

— Я клянусь, что не уйду из нее, пока здесь остается хоть одно страдающее существо! — неожиданно заявила Нима. И, судя по ее глазам, она не шутила.

— Послушай, дорогая... Не надо давать бессмысленных и неосуществимых обетов... — Мара старался сохранить самообладание. Любимая разошлась не на шутку, а он не хотел ее злить. — У тебя была масса времени, чтобы «поработать с внутренним». Но успеха так редко достигают даже божества в идеальных условиях, так почему ты думаешь, что у людей получится лучше?

— Условия высших миров не идеальны! До какого-то момента мы чувствуем себя здесь прекрасно. Нам не хватает отречения. Никто не хочет ничего по-настоящему менять.

— Согласен! — кивнул Мара. — Но ты ведь не такая? Ты не молода и всю жизнь посвятила людям и духовному поиску, а где результат? Джай ушел в нирвану, а ты еще здесь, не так ли? Ты не думала о том, что тебе мешает только эта навязчивая забота о человечестве?

— Ты не понимаешь. Никогда не понимал... — богиня искренне жалела несчастного демиурга. — Сансара — лишь мысль. Она и есть заблуждение, а это всегда приводит к страданию. Да и уйти просто некому и некуда. Нирвана самопроявляется как отсутствие ошибки, исчезновение иллюзии и незнания того, что уже есть...

— Тогда зачем твоя возня, если все так совершенно и хорошо? Попробуй объяснить это существам адских миров, вдруг им сразу станет легче? — язвительно спросил Мара.

Нима устало присела на теплый от солнца валун у пруда. Под розовыми бутонами лотосов лениво шевелили хвостами жирные карпы. Им не было дела до высоких материй двух древних, но чудаковатых божеств.

— Все страдания создает только собственный эгоцентризм. Чтобы их прекратить, придется победить его. Никакого другого способа нет, — ответила богиня, задумчиво глядя в темную глубину. Нима потеряла надежду объяснить что-либо. Казалось, она теперь разговаривала уже только с рыбами.

— Но ты же сама сказала, что проблемы людей обусловлены кармой? Как же ты собираешься их исправить? Отстирать эти пятна другим кармическим порошком, рангом повыше? — не унимался Мара. — Добавить особые гранулы сострадания, чтобы нарушить причинно-следственные связи и добавить новые, на свой вкус? Но ты окажешься в той же цепочке! На роль бога-творца претендуешь, создашь нечто из ничего?

— Ты прав в том, что беспричинный результат невозможен, поскольку все существующее взаимодействует и обуславливает друг друга через объекты-посредники. Мы не где-то снаружи этого безличного вселенского механизма — мы его части, всего лишь скопление воспоминаний, скрепленных вместе привязанностями и иллюзией свободы воли и выбора. Поэтому «нас», как таковых, нет. Никогда не было и не будет. Находясь внутри, невозможно понять и охватить разумом целое. Колесо сансары вертится само — вечно. Все так и должно быть, такова природа вещей.

— Вот тебя понесло в философию! — недовольно поморщился Мара. — Давай прс наше, земное! Так почему ты тогда борешься и пытаешься что-то менять?

— Потому, что мои усилия такая же часть колеса, как твои, как и все остальное. Исправлять нечего, да и попросту невозможно. Мы уже в цепочке причинности. Сможешь это принять? — улыбнулась Нима нахмурившемуся демиургу.

— Возможно. Но смириться трудно... — неохотно признался Мара. — И вот с таким мировосприятием ты предлагаешь спокойно играть наши роли и дальше? Верно я тебя

понимаю?

— Если бы мы все действительно поняли, то концепты «верно-ошибочно» потеряли бы всякий смысл. В действительности мы еще не видим мир так. Значит, пока все это остается лишь болтовней. Все, что приносит страдания, кажется нам «неправильным». Поэтому «правильным» будет то, что их уменьшит и поумерит эгоцентризм. Джай смог справиться с ним через отречение. Я же считаю, что нас спасти может только искреннее сострадание.

Богиня многозначительно умолкла, но на этот раз Мара спорить не стал. Он был сыт по горло ее пафосом. Такое надо принимать в маленьких дозах и по большим праздникам. Это единственное, от чего демиург уставал в общении с ней.

— А вот ты уверен, что искусственный интеллект из нолей и единичек оправдает надежды? Как ты представляешь себе реинкарнацию тонких тел в виртуал? — Нима правильно оценила его молчание, решив сменить тему. — Впрочем, кто знает?.. Я могу ошибаться, — пожалала плечиком богиня.

— Не обязательно именно из «нолей-единичек»... — обиделся Мара. — Мы разрабатываем сейчас оптические и квантовые компьютеры. Думаешь, органика единственно возможный вариант, который мог бы аккумулировать прану?

— А что еще ты бы предложил? Даже если использовать вместо углерода кремний или мышьяк, то мы все равно бы получили разновидность органики.

— Стоило бы попробовать поэкспериментировать с пылевой плазмой и заселить жизнью не планету, а само Солнце или межзвездный газ... — мечтательно сказал демиург.

— Никогда не слышала о таком, — заинтересовалась Нима. — Расскажешь?

— Тебе надо больше путешествовать, — усмехнулся Мара. — Ты ничего, кроме Земли, толком не видела. В одном из адских миров я встречал очень любопытных существ. Плазменная кристаллизация приводит к формированию длинных цепочек из пылинок, самопроизвольно закручивающихся в спирали. Они стабильны, создают собственные копии, взаимодействуют друг с другом, способны создавать ДНК и эволюционировать. Части спиралей могут пребывать в двух устойчивых состояниях с разными диаметрами, причем на каждой помещается множество отрезков с разными сечениями, поэтому они могут передавать информацию.

— Почему же ты не занялся этим? Идея выглядит гораздо перспективнее твоих бездушных машин.

— Канцелярия не профинансирует такой проект. По крайней мере, сейчас. Там потребуется гигантский бюджет. Такую ДНК образуют не молекулы, поскольку они состоят не из атомов, а из более крупных пылевых частичек плазмы. Подобную жизнь лучше всего развивать в «звездном хвосте», но я не уверен, что в Центре заинтересуются новым проектом после провала «Мечты»... — тяжело вздохнул Мара. — Ладно, любовь моя, пока останемся каждый при своем. Надеюсь, нас помирят суд...

— Думаешь, помирят? — холодно спросила богиня.

— Очень бы хотел этого. Я люблю тебя, дорогая... — Мара с надеждой посмотрел в глаза Нимы, но не увидел там ничего, что могло бы дать ему надежду. — Пожалуйста, помоги мне с одной непростой и деликатной проблемой.

— Предательство, убийство, клевета — что на этот раз у тебя не выходит, мой милый? — с иронией спросила богиня.

— Нет, на этот раз все гораздо сложнее. Мириа. Кто бы мог подумать?.. — растерянно развел руками демиург.

— С каких пор тебя пугает смертная? — не поверила Нима.

— Не она. Вернее, теперь уже она, — раздраженно махнул рукой асур. — Сумасшедшая девка. Нафантазировала себе всяких кошмаров и побежала к местной аферистке за магической помощью.

— Ну, ее можно понять, — усмехнулась богиня. — Ты же и есть для людей воплощение ужаса... Но если та ведьма фальшивка, то чем она тебе так помешала?

— Сама старуха — пустое место. Только и может, что курам головы резать. Но она начала учить Мири, а вот у той неожиданно оказалась способности. Причем такие, что около нее теперь постоянно кружит вихрь из голодных духов и мелких демонов. Девчонка еще их не видит, не знает своей силы, но уже создает массу проблем. Мне кажется, что Ханс свихнулся именно из-за ее окружения. А я не могу портить отношения с адскими сферами. У меня связи...

— Так что ты от меня хочешь? Чтобы я пошла и разогнала их шабаш? Я не умею, да и не стану! — отрезала Нима.

— Я бы справился сам, если бы требовалась только сила. Но от грубых методов сейчас только хуже будет. Надо как-то по-женски мягко и по-доброму уговорить девчонку оставить Ханса в покое. Я бы Атму попросил, но та ее терпеть не может. Ну, ты понимаешь...

— Я посмотрю на нее, — пообещала богиня после секундной паузы. — Нам пора. Заседание скоро начнется.

Грид одиноко стоял у березовой рощи недалеко от пруда, где его босс сейчас что-то горячо обсуждал с Нимой. Маре удавалось казаться невозмутимым, но иногда он не выдерживал и бурно жестикулировал. Богиня в такие моменты надевала маску ледяного презрения, скрещивала руки на груди и поворачивалась боком, словно защищаясь от атак демиурга. И все же она внимательно слушала, позволяя себя уговаривать.

О чем они спорили, Грид так и не понял. Шелест листвы заглушал их беседу, а откровенно вслушиваться он не решался. Если бы босс заметил, то был бы вне себя от ярости. А злить его опасно и безрассудно. Несчастное божество, должность которого не так давно занял Грид, пострадало и за меньший проступок. По слухам, оно теперь катало громадные камни на вершину горы, сменив Сизифа, не угодившего Маре еще в эпоху античности.

Площадь потихоньку заполняли божества из многочисленных галактических комитетов, названия которых едва ли кто помнил. Решающее заседание суда дало им прекрасную возможность напомнить о своем существовании и продемонстрировать мундир и регалии. На Землю прибыла и ревизионная комиссия Небесной Канцелярии с практически неограниченными полномочиями.

Грид никогда не видел сразу столько важных персон в одном месте. Похоже, бюрократы из центра устали бросать деньги на ветер. Конечно же, эти чванливые божества возмущены, что бездельники вроде Джая имеют наглость достигать просветления. И, что самое возмутительное — когда им вздумается, и без всякой финансовой помощи! Наверху всегда опасались неудобных вопросов о целесообразности содержания столь громоздкого чиновничьего аппарата, поэтому сейчас можно было ожидать чистки кадров. Скорее всего, грядут перестановки. Если Нима проиграет суд, то ее место отдадут Маре, а это сулит очень приятные перспективы.

Грид довольно потянулся. Уже давно никто из минотавров его племени не забирался столь высоко по карьерной лестнице. Аристократизм и древность рода не на всех производят впечатление. А вот власть вполне осязаема и бесспорна. Ее опасно не признавать и глупо игнорировать.

Теперь высокомерные родственники на время бросят пастбища, чтобы пободаться друг с другом за право первыми постучать копытами по полированным полам нового офиса. Прискачут, как миленькие! Будут умолять его назваться настоящим именем, дабы возвеличить и прославить их стадо. Но он окинет заблудших парнокопытных презрительным взглядом, упиваясь их заслуженным унижением. Пусть воочию разглядят в нем незамутненную чистоту породы и неоцененное прежде достоинство!

Грид сладко зажмурился, представляя столь приятную картинку. Но, конечно, этот триумф не главная цель. Новая должность даст ему возможность отыскать учителя, который откроет самые сокровенные тайны бытия.

Минотавр непроизвольно расправил плечи, выпятил грудь и устремил пронизательный взгляд вдаль.

О нем заговорят, как о Джае! И тогда недалекая Атма поймет, какие глубины скрывались в его безграничном, подобном океану, уме! Он любил и страдал! А эта

прекрасная пустышка не смогла оценить благородный блеск его интеллекта. Но теперь слишком поздно! Пусть встает в очередь и тренируется забавлять своего господина сексапильными позами и томными взглядами!

Разгоряченное воображение выдавало Гриду одну картину лучше другой. Он даже поморщился от столь сладко-тягучего и совершенно тупого пафоса, которым время от времени любил себя развлекать. Да, пусть глупость, но ведь нравится же! В конце концов, его мысли — это приватная территория, где он царь и бог. Там можно, не стыдясь, творить, что угодно!

— Грид! Скотина рогатая! У тебя изо рта слюна капает! Что за глупый вид? — расхохотался некстати подошедший Мара. — Приведи себя в порядок, мне выступать через несколько минут! Соберись!

От неожиданности минотавр вздрогнул и покраснел, словно его поймали с поличным. Неужели демиург читает его мысли? Надо бы проверить и подумать о нем что-то гадкое...

Поймав подозрительный взгляд босса, Грид решил не испытывать судьбу и почтительно кивнул:

— Мы полностью готовы к процессу, ваша Высокобожественность.

Он чувствовал себя спокойно и очень уверенно. Нима больше опирается на эмоциональные доводы, чем на логику. Их даже может одобрить и поддержать местная публика, но такие аргументы не произведут впечатления на судью. «Безымянных» нельзя разжалобить, взывая к состраданию. У них его просто нет. Эти бесчувственные существа не от мира сего. Их холодный ум не пробить слезливой риторикой.

Суд увяз в показаниях свидетелей, вызванных для доказательства компетентности и профессионализма противоборствующих сторон. Им важно подтвердить соответствие их позиций изначальной цели «Мечты». Публичный диспут поставит точку в затянувшемся споре. Грид чувствовал, что демиург победит.

Глашатай привычно объявил начало заседания и вяло взмахнул ластами, приглашая Ниму выступить перед судом с речью. Минотавр пытался угадать, что у нее на уме. Богиня выглядела слишком невозмутимой. Интересно, на что она надеется, какие козыри прячет в рукаве?

— Ваша Высокобожественность! Я вызвала ответчика в суд, чтобы предотвратить крах «Мечты». Согласно недавнему договору, объединившему ситхов и джедаев, я получила должность руководителя Отдела Надзора, а Мара возглавил обособленное подразделение в Планетарной Администрации. Он обязался не мешать работе моих сотрудников, но нарушил свое обещание! Его отдел развивает собственный проект, который не соответствует нашей первоначальной цели! — богиня смерила демиурга негодующим взглядом.

Грид вопросительно посмотрел на босса, но тот покачал головой, намекая, что вылезать с протестами рано. Не слишком ли он расслаблен? Нима очень уверенно атаковала. В любой момент она может перехватить инициативу, а отобрать ее непросто.

— Я официально заявляю, что направление его исследований создает угрозу для нормального развития проекта и самого существования человечества. Мы требуем немедленного прекращения их финансирования! — богиня наконец-то сформулировала суть требований.

Демиург кивнул Гриду и тот моментально вскочил с вопросом:

— Пожалуйста, объясните суду, каким же образом эксперименты Мары угрожают «Мечте»?

— Охотно! — кивнула Нима. — Разработка онлайн-миров с полным погружением создаст заманчивый эрзац реальности, замкнув людей внутри него навсегда. Соблазн играть роль бога по своим законам и правилам приведет к социальной и нравственной деградации, развивая и закрепляя в генетической памяти самые низменные и разрушительные инстинкты. Человечество вернется в средневековье. Это прекратит развитие и экспансию за пределы планеты, а со временем приведет к упадку и истощению, поскольку ресурсы не бесконечны. Усовершенствование искусственного интеллекта приведет его к логичному выводу о необходимости ограничения свобод и возможностей человека для «спасения от самого себя». В конце концов, машины уничтожат всю органику, посчитав людей паразитическим и лишним звеном, уступающим им по всем параметрам.

— Проект с самого начала использовал эволюционное развитие для создания и усовершенствования искусственного интеллекта, правильно? — вкрадчиво сказал Грид, обращаясь к насторожившимся божествам на площади. — Нам нужно самое лучшее, и оно не обязательно должно быть органикой. Люди уступят место более перспективным и совершенным созданиям, как это всегда происходило в истории Земли. Миллионы видов исчезли в ходе эволюции, а в уничтожении последних нескольких тысяч виноват сам человек! Почему же для него должно делаться исключение? Проекту требуется непрерывный прогресс. И у нас он будет! Так в чем же проблема?

— Проблема в том, что мы создали людей по своему образу и подобию. Принципиально они ничем не отличаются от нас! — возразила богиня. — Феномен Атмы на карнавале в Рио доказал, что у них есть прана. А будет ли она у машин? — Нима обвела взглядом тревожно зашептавшихся чиновников первой линии. — Если новый искусственный интеллект сочтет человечество настолько ущербным, чтобы далее не поддерживать его существование, то что помешает ему со временем избавиться и от божеств? По сути, мы точно такие же! Никто не умеет запрограммировать дружелюбие, нравственность и сострадание. Вы думаете, искусственный разум станет обожать своих глупых создателей? Машину не будут мучить угрызения совести. Она совершенно не обязана говорить нам правду и выполнять свои обещания. Хотя нашим техникам наверняка понравится иллюзия, что они смогут ее контролировать!

По площади прокатилась волна возмущенного ропота. Грид понял, что начисто проигрывает диспут. Публика перепугана до смерти! В Чистых Землях жили почти бесконечно, поэтому малейшая возможность преждевременной гибели представлялась невыносимым риском. Никто из чиновников не станет финансировать подобный проект. Богиня нашла уязвимое место и теперь развивает успех. Что ему делать? Нужна помощь Мары!

Грид растерялся и только беспомощно хлопал глазами. К счастью, его босс был готов к схватке. Хлопнув по плечу притихшего минотавра, он решительно встал рядом с ним на трибуне.

— Все не так страшно, как нам обрисовали, — уверенно заявил Мара. — Существом высших миров не может повредить ничто, созданное из грубой материи!

— Пока не может, — поправила его Нима. — Но искусственный разум будет для нас совершенно чужим. Мы не способны понять его мотивы и цели. Даже если он не в состоянии напрямую причинить нам вред, то нет никакой гарантии, что не найдется такого способа в будущем. В конце концов, у всех нас естественная уязвимость перед тварями из измерений Сумрачной Тени! Что, если наши враги заключат союз?

Народ на площади нервно охнул. Ауры чиновников высокого ранга предательски сжались и потеряли цвета, выдав страх и смятение. О тенях старались не говорить и уж тем более не упоминать публично. Нима сознательно была «ниже пояса», шокируя изнеженных божеств табуированной в высшем обществе темой.

— Подождите! — возмущенно воскликнул Мара. — Откуда эти страхи? Если бы мы боялись возникновения потенциальных врагов в будущем, то никогда бы не начали наш проект! Нам тогда стоит дрожать даже перед крошечной бабочкой. Вдруг она мутирует, захватит вселенную и станет Черным Властелином, раскалывающим целые галактики раскатами адского хохота? Это же смешно! Почему мы тогда не боимся людей? Они намного страшнее! Судя по положению дел на Земле, они дадут фору голодным духам и теням Сумрака. Опасность заключается не в искусственном интеллекте машины, а в естественной человеческой глупости!

— Не боимся, потому что мы их понимаем, — спокойно ответила Нима, закрепляя успех. — Мы знаем их надежды, мечты, страхи. С бездушным компьютером так не получится.

— Он же просто набор алгоритмов, чистая логика! Механизмы работают только по нашим, а не по своим собственным правилам! Поезд не может сойти с рельсов и ехать там, где ему вздумается. Бояться прогресса смешно и нелепо! А что, если тени опередят нас, создав саморазвивающийся искусственный интеллект раньше? Потенциальная скорость его самосовершенствования слишком велика! Мы никогда не догоним их. Кто сделает первый ход, тот и выиграет. Иначе мы все выйдем, уступив место теням. Кто будет владеть столь колоссальным разумом, будет владеть и Вселенной!

— Так вы же не над стиральной машиной работаете. Если искусственный интеллект действительно так быстро развивается, то может в любой момент ввести собственные законы, подчиненные особой логике, которую никто из нас не поймет. Мы не знаем, чего от нее ждать, и будем торговаться с искусственным разумом так, как обычно делаем это между собой. Но он не божество, не человек, и даже не адская тварь, а машина! Кто сможет ее понять? А добровольно ограничивать себя она не станет. Какие ужасы может изобрести разум, на порядок более мощный, чем у Владыки Теней? Вы представляете, с чем мы столкнемся? Океан интеллекта против жалкой лужицы! Достаточно проиграть один раз, чтобы навсегда исчезнуть. В любом случае, цель нашего проекта — не бесконечный прогресс, а прекращение бесконечного цикла страданий. Так ведь написано в Уставе?

— Да, так, — согласился Мара. — Но чего мы добились? Разве цель достигнута? Что люди сделали хорошего? Истребление почти половины фауны и бесконечные войны — символ такого успеха? Земля превратилась в зловонную свалку, а население вот-вот возрастет еще на пару миллиардов и начнет жрать само себя! За последние сто лет содержание углекислоты в атмосфере повысилось на сорок процентов! Таких колоссальных изменений не происходило и за миллионы лет! Окислены почвы, почти уничтожены леса, водные ресурсы загрязнены. Нарушился углеродный и азотно-фосфорный цикл. Биосфера получила удар, от которого никогда не оправится. В ближайшие годы температура повысится на пять градусов, и океан затопит большую часть суши. Может быть, есть хоть какие-то знаки грядущего улучшения ситуации?

— Все еще может измениться... — почти прошептала Нима.

— Измениться? Для кого? Для тех шестидесяти пяти богачей, которые владеют эквивалентом годового дохода остальных четырех миллиардов? Но даже они в этом аду

протянут недолго! Да, не все люди жадны и глупы, но решение принимает большинство, а лучше демократии они ничего не придумали. У них было достаточно времени! Человечество не изменить! Люди разумны, а значит, имеют права и свободы самостоятельно распорядиться собственным будущим. На проект потрачено масса времени и сил, и где же тот идеал, ради которого он затевался? Смог ли человек осуществить нашу мечту? Стал ли он лучше? Хоть чуть-чуть? — демиург театрально обернулся к площади за поддержкой. — Нет! Его пороки становятся только разнообразнее и изощреннее! Довольно! Надо искать и пробовать что-то новое. Нельзя столько топтаться на месте, надеясь, что все само как-то наладится. Я обещал, что не буду мешать и сдержу слово. Люди добьют себя и без моей помощи, а дальнейшая поддержка этой никчемной цивилизации только продлит их агонию. Ее все равно не спасти, но на этих руинах мы создадим принципиально иной разум!

— Люди не все одинаковы, но мы видим только то, что готовы увидеть. Проблема всегда внутри нас, поэтому она будет во всем, что мы делаем. Не устранив источник заразы, мы будем и дальше травить ею мир. Так почему ты думаешь, что с виртуалом у нас получится лучше? — с сарказмом спросила богиня, чувствуя, что теряет поддержку аудитории.

— Думаю, что, если не пытаться пробовать, то не стоило и начинать! — отрезал Мара. — Проект получит новое дыхание и наконец оправдает наши надежды. Мы смогли создать человека! А сейчас надо сделать еще шаг вперед, чтобы сотворить нечто принципиально новое.

— Возможно, — согласилась богиня. — Но самонадеянно считать себя творцами людей — большая ошибка. Скорее всего, мы лишь инструмент! Этот проект больше нас! Мы сами являемся его частью. Кисть в руке художника не создает картину, хотя может так думать!

— Пусть даже так, — кивнул Мара, — но тогда и новое направление проекта прекрасно вписывается в ту же картину. Если реинкарнация работает для человека, то почему она не будет действовать и для носителя «цифрового» разума? Что изменится?

— Многое! Ты знаешь, о чем я! — вспыхнула Нима. — Мы получили разрешение на допуск судебного глашатая к протоколам первой встречи с «защитником». Небесная Канцелярия чрезвычайно заинтересована во всестороннем и объективном рассмотрении дела, поэтому выделила для меня, Мары и Норра защищенный канал.

Грид разочарованно хмыкнул, а по Площади Дебатов пронесся шепот недовольных божеств. Впрочем, требовать открытых слушаний никто не решился. Режимный отдел не любил, но старались не связываться. Все самое интересное в очередной раз нагло скрыли от нетерпеливой общественности, возбужденно ожидавшей финальной развязки. Судебное решение «безымянного» Норр огласит завтра.

Дождь неистово барабанил по столику на балконе, словно испытывал дешевый пластик на прочность. Хлестал невозмутимое лицо Ханса. Тот замерз, до нитки промок, но даже не морщился.

От раскатов грома дрожала земля, и вспышки молний зловеще подсвечивали измочаленные кроны деревьев, беспомощно склонившихся под ураганным ветром. Забежавшая в палату Атма увидела лужи на полу, распахнутую дверь и неподвижный мужской силуэт, молчаливо рассматривающий черное небо. Тропический шторм словно бросал вызов, но человек отказывался его принимать. Он не хотел с ним бороться.

Девушка охнула и, проворно выскочив на балкон, торопливо затолкала пациента в палату.

— Что ты делаешь? С ума сошел? — спросила она, закутав Ханса в теплое одеяло.

— Думаю, да... — прошептали посиневшие губы. — Оставь меня, какая разница...

— Как заболеешь, так сразу почувствуешь, — проворчала Атма, бесцеремонно растирая его лицо полотенцем. — Боль очень доходчива.

— Ты думаешь, что способна рассказать мне о боли то, чего я не знаю? — процедил он, отворачиваясь.

— Я думаю, не стоит отчаиваться. Главное, ты можешь ходить, а все остальное наладится.

— Что толку в ногах, если они повсюду носят с собой эту голову?.. — раздраженно буркнул Ханс. — Хотел бы я забыть ее где-нибудь. Особенно ту часть, в которой визжат разные голоса!

— Дать лекарство? — предложила Атма и потянулась за пузырьком на тумбочке.

— Лекарство? Ты так его называешь? Что оно лечит? От него мой мозг превращается в овощ, но голоса никуда не уходят. Они становятся тише и злее, а я настолько тупею, что не могу ничего им возразить!

— Не разговаривай с ними, они же просто иллюзия. Надо научиться игнорировать их. Эти мысли рождаются в твоём собственном уме, хотя и кажутся чужими. Внутренний диалог есть у любого человека. Обычно он незаметен, потому что привычен. Я тоже иногда часами не могу избавиться от навязчивой мелодии или идеи. Это нормально. В мыслях нет ничего плохого. Мы не можем контролировать их появление.

— Это у тебя нормально, а я не могу рассмотреть в этом клубке даже своих! — с досадой воскликнул Ханс.

— Они все «свои». Откуда там взяться чему-то постороннему?

— Так мне же в голову засунули микрочип! Он теперь и думает за меня!

— Тише-тише... Он только передает информацию на сервер и координирует работу некоторых отделов мозга. Чип не способен порождать мысли. Максимум, он даст новые ощущения или заблокирует какие-то функции... — терпеливо ответила Атма.

— Не знаю. Мой разум сейчас похож на липкий поток клея. Меня засасывает туда и несет. Я мгновенно забываюсь, и это дико бесит!

— Возможно, некоторые бы тебе позавидовали. Ты хотя бы замечаешь это, а многие из той реки никогда не выныривают... — Атма изо всех сил старалась его успокоить.

— По-твоему, я еще и радоваться должен? — Ханс нервно отбросил уже мокрое одеяло.

— Меня учили, что мы можем изменить что-то, когда знаем, что есть проблема. Ты ее сейчас видишь, а вот многие — нет. Для них она норма. Твое тело почти в порядке, а мозгу требуется время для восстановления. Эти эмоции нормальны. Ты поправишься и еще не раз потанцуешь на самбодроме. С Мири... — коварно закинула удочку нимфа, ожидая увидеть реакцию.

Наступила неловкая пауза. Атме казалось, что сердце сейчас выскочит из груди. Она почти физически чувствовала, как течет кровь в ее венах.

— С Мири? — криво усмехнулся Ханс. — Она спасла меня, но теперь я ее почему-то боюсь. Что-то изменилось в ней или во мне. Еще не понял. Возможно, все опять только из-за этого чипа. Нервничаю без нее, но, когда она приходит, становится только хуже.

— Ты пытался записывать свои ощущения? Показывал их Марку? — настороженно спросила нимфа.

Блокнот, который директор оставил для записей, все так же лежал на тумбочке и оставался девственно-чист. Лучше бы они дали диктофон и велели бы все проговаривать вслух. Палата нашпигована камерами. Впрочем, гнезда голодных духов аппаратура бы все равно не заметила. Зато их сейчас прекрасно видела Атма.

— Пробовал, но не получается. Словно забыл буквы... К тому же, когда я напрягаюсь, начинает трещать голова! — Ханс болезненно поморщился.

— Что именно ты чувствуешь?

Он мог бы и не отвечать. Атма видела, что Мири невольно заражала все, до чего только дотрагивалась, оставляя темные пятна, привлекавшие мелких тварей из нижних миров. Чертова ведьмочка не понимала своей силы, но все же смогла привязать Ханса к себе примитивным демоническим приворотом. Запыленная тетрадка той сумасшедшей старухи хранила в себе немало сюрпризов. К несчастью, именно Мири смогла ими воспользоваться. Скорее всего, психоз Ханса был вызван ее манипуляциями с тонкими энергиями. И теперь их ауры болезненно пульсировали в такт друг другу, причиняя ему страдания как рядом с Мири, так и при ее долгом отсутствии. Из-за этого эффекта Мара не решился запретить посещения — пациент начинал чувствовать себя хуже и нервничал еще больше.

— Ты мой психоаналитик? — раздраженно буркнул он.

— Не хочется, не рассказывай... — обиделась Атма. — А психиатра мы уже пригласили. Мири должна скоро прийти.

— Прости, опять нервы сдают, — извинился он. — Мне плохо без нее. Считаю минуты, все время смотрю на дверь и жду, когда Мири снова войдет. Но, как только она появляется на пороге, чувствую разочарование, будто меня обманули. Надеюсь на то, чего давно уже нет. Наверное, я — как обиженный ребенок, который получил фальшивку вместо подарка. Непонятно?

— Нет-нет, продолжай. Лучше выговориться, — мягко сказала девушка.

За окном вновь сверкнула молния, высветив страшно искаженное лицо Ханса. Он вдруг стал похож на мертвеца, который казался живым, только пока находился в этой палате. Но стоит ему сделать отсюда хоть шаг, и он рассыплется на кучку давно истлевших костей. Сможет ли Ханс выжить вне Фонда?

У Атмы появилось предчувствие, что ничем хорошим для него это не кончится. Она с одной стороны, Мири и Мара с другой. Даже Нима от него что-то хочет. Парня просто разорвут на части.

— Галлюцинации сводят меня с ума! Иногда вокруг клубится черный туман, а по Мири, как тараканы, бегают десятки мелких и мерзких существ. Лучше всего я чувствую себя в ожидании ее прихода. В нем какая-то извращенная и сладостная тоска, предвкушение встречи, в которой потом уже нет ни капли удовольствия. Скорее, мне нравится само желание, обещание наслаждения, которого так и не будет. Когда Мири появляется, мне хочется, чтобы она сразу ушла! Как может в желании уместиться такое страдание и наслаждение? Я совершенно запутался! — в отчаянии Ханс схватился за голову руками, словно хотел оторвать ее и выкинуть в окно.

— Психоз пройдет. А в наслаждении ожиданием виноват особый нейромедиатор. Это дофамин! — знакомый голос, раздавшийся за спиной, заставил Атму вскочить от неожиданности.

Нима! Ужасные роговые очки, пучок седых волос, нелепый пиджак — вырядилась, как заслуженная профессорша на пенсии... Когда успела так бесшумно зайти?

— А это и есть наш психоаналитик... м-мм... — замялась девушка, не зная, какой она выбрала псевдоним.

— Нина. Меня пригласил Марк. Извините, если я тихо вошла и напугала... — улыбнулась богиня. — Так вот, к вашему вопросу... Мозг так использует внутреннюю систему мотивации, запуская механизм желания того, что кажется нам критически необходимым. Дофамин отвечает за действие, а не за ощущение удовольствия. Эволюции наплевать на счастье, но она использует его обещание, чтобы человек боролся за жизнь. Поэтому необходимо ожидание наслаждения, а не его переживание. Чтобы выжить, человеку надо охотиться, работать и оставлять потомство.

— Хорошо, но почему у меня сейчас это так ярко выражено? — недоверчиво спросил Ханс.

— Потому что ваш мозг сильно поврежден. Вы сейчас чувствуете все гораздо острее. Люди не замечают столь обыденных вещей. Такая свежесть ощущений в первое время может быть очень болезненной. Вам важно понять их причину, и вскоре все встанет на свои места.

— Страдать впустую в надежде получить поощрение — это нормально? — удивленно спросил Ханс.

— К сожалению, для людей это так... — кивнула Нима. — Но вы можете попробовать распознавать манипуляции мозга и не следовать его алгоритмам. Тем более что механизм надежды на отложенное поощрение всюю используется, чтобы забрать ваши деньги. На этом построена вся индустрия моды, рекламы и даже питания. Мы все время что-то ищем, а любой поиск подразумевает надежду на вознаграждение. Человек раз за разом обновляет страницу фейсбука, надеясь, что кто-то ответит на комментарий, как будто его девайсы подсоединены прямо к мозгу. Проверяет почту, сидит в социальных сетях и тратит бесценное время в компьютерных играх, где вот-вот наберет новый уровень или получит редкий предмет. Дофаминовая лихорадка ничем принципиально не отличается от наркотического или игрового пристрастия. Нас постоянно дурачат, развивая нашу зависимость, но мы не устаем обманываться, хотя никакого удовольствия или счастья в этом ожидании нет. Наш ум всегда устремлен в будущее. Ему даже не нужно само счастье. Он не способен удовлетвориться настоящим моментом. Ему нужна надежда, жажда, желание. Но это всегда страдание. Эволюция использует такой биологический мазохизм, чтобы загнать человека до смерти, как скаковую лошадь.

— Хорошо, я понял, — согласился Ханс. — А за ощущение «счастья» тоже отвечает

особый нейромедиатор?

Атма почтительно отступила в сторону, освободив поле боя для тяжелой артиллерии в лице Нимы. По сравнению с ней она постоянно чувствовала себя глупым ребенком. Знал бы Ханс, что сейчас разговаривает с матриархом земной эволюции! С одним из самых древних божеств на планете! К тому же, она не одна... Впрочем, едва ли бы он обрадовался, увидев истинный облик Марка...

— Смотря что мы под ним подразумеваем... — после секундной паузы ответила Нима. — Если это просто эмоциональный подъем, то он всегда связан с текущим моментом и быстро проходит. Требуется все время искать что-то новое. Эта бесконечная гонка с кратковременными вспышками эйфории рано или поздно заканчивается. Разочарование, неудачи, измена, болезни и смерть — любое наслаждение требует своей противоположности: для сравнения и оценки. И, чем больше контраст, тем интенсивнее переживание. Но иногда счастье понимается как отсутствие неудовлетворенности чем-либо. Человек полностью погружается в какую-то деятельность и забывается в этом «потокном состоянии». К несчастью, ненадолго. Жизнь полна страданием: болью, переменами и обусловленностью, но два последних вида страдания обычно не замечают.

— А разве может быть как-то иначе? — спросил Ханс, с трудом удерживаясь, чтобы не зевнуть. — Рай нам обещают только религии. Но вы же тут люди ученые? А ведь наука мистиков не жалуется...

— Проблема в том, что любое знание ненадежно... — Нима сняла очки, подышала на стекла, протерла тряпочкой. — Оно грозит в любой момент быть опровергнутым новой информацией или трактовкой. Наука периодически переписывает себя, все время меняется. Религии же кажутся нам архаичными и примитивными, но зато их посыл неизменен.

Ее движения были намеренно медленными и успокаивающими в контрасте с бушующим штормом за окном. Казалось, она вот-вот достанет из бесформенного пиджачка набор спиц и клубок, чтобы прямо при всех начать неторопливо вязать теплую шаль.

— Делай добро и тебе воздастся? Это непроверяемо; какой практический смысл в такой вере? — спросил Ханс.

— Если мы немного подумаем, то неизбежно придем к выводу, что человек способен только верить. Даже самый яркий циник, скептик или ученый верит в свою правоту, в логику, в познание или даже в собственное неверие. Но все это может подвести. Хотя многим приносит уверенность и покой. Даже если предмет веры лишь фантазия. Эффект плацебо реален. Людям нравится думать, что их жизнь имеет смысл. Проистекающее из этого удовольствие поразительно устойчиво во времени, а те, кто нашел его для себя, гораздо легче переносят любые невзгоды. В то время как периоды краткого эмоционального подъема усиливают нашу уязвимость к страданию из-за перемен. Когда человек сталкивается с негативным опытом, разрушается переживание счастья и возникает ощущение смысла. Счастье и смысл не всегда пересекаются, поскольку первое связано с тем, чтобы брать, а второе с тем, чтобы отдавать. Порочные и жадные люди всегда несчастны, поскольку ошибочно ищут счастье во внешнем. Но тогда его суть заключалась бы в эгоизме и отказе помогать окружающим.

— Я не контролирую собственные мысли и действия, не могу даже выйти из этой палаты! Через ваш проклятый чип блокируется даже движение моих ног! А сейчас вы предлагаете мне искать прибежище еще и в какой-то религии? — криво усмехнулся Ханс.

— Не обязательно в религии. Найди то, для чего стоит жить. Дофамин сейчас был бы

очень кстати. У тебя депрессия, апатия и отсутствие аппетита, а для выздоровления необходима жажда жизни, цель, готовность к борьбе. Чипы Марка пока не способны сделать это за нас...

Атма подумала, что Нима действительно искренне сочувствовала Хансу, но ее последняя фраза прозвучала, как предупреждение. «Пока не способны» — она словно подсказывала, что будет хуже.

— У меня нет желания быть вашим подопытным кроликом! — решительно отрезал он. — Когда вы меня отпустите?

— Как только Марк будет уверен, что ты здоров. И в безопасности, — вздохнула богиня, словно демонстративно дистанцируясь от коварных замыслов демиурга. — Мы всегда злимся и испытываем горечь поражения, если реальность расходится с нашими ожиданиями. Но вот чего вы ждете, чего на самом деле хотите?

Атма прекрасно поняла прозрачный намек. Им нельзя здесь оставаться. Надо бежать, но разве простой смертный способен скрыться от демиурга?

Мири сидела в полумраке сарая, склонившись над разложенным пасьянсом из засаленных гадальных карт, пытаясь проследить мысль наставницы. Судя по состоянию колоды, Таро приплыли сюда с первой экспедицией алчных конкистадоров. Впрочем, и почти выжившая из ума старуха выглядела так, словно сама когда-то ту экспедицию возглавляла. Никто в квартале не знал ее настоящего возраста. Местные старожилы шушукались между собой, что помнили эту страшную женщину совсем детьми, когда исподтишка кидали в нее камнями. Обычно эти забавы кончались лишь безобидными фурункулами на рожицах прокаженных, что позволяло несколько дней пропускать школу.

Ходили слухи, что какое-то время старуха терпеливо страдала от своей популярности среди шаек мелких бездельников, но только до тех пор, пока парочка самых настырных смельчаков не забралась к ней в дом. Они что-то стащили, а может, просто наступили не туда, куда следует. Ребята пропали всего на день. Уже следующим вечером их нашли бесцельно бродящими по Копакабане. Физически мальчики казались здоровыми, но вот их глаза теперь выглядели совсем не детскими. Это был взгляд глубоких стариков, проживших очень долгую и страшную жизнь. В нем словно шумел бездонный океан отчаяния, завораживая ощущением невыносимой жути.

Они так и остались немymi пациентами психиатрической больницы, изредка выходящими за ее стены, чтобы посмотреть на море и погреться на солнышке. Поговаривали, что дети попали в ловушку собственного подсознания, где, в отсутствие внешней активности, их разум питался только воспоминаниями. Одиночество длиной в сотни лет по внутреннему времени...

Возможно, эту историю сочинили только для того, чтобы разрекламировать магические услуги ведьмы, но спрашивать у нее самой никто не решался.

Сейчас старуха что-то злобно шептала, тыкая трясущимся пальцем в одну из карт. Выделить крупицы смысла из бессвязного шипения Мири пока не могла. Чаще всего она понимала наставницу не вербально, а интуитивно, поскольку понять речь и жесты ведьмы было непросто.

Раньше старухе прислуживала женщина, переводившая клиентам неясные образы и видения на местный диалект португальского. Со временем решив, что достаточно поднаторела в нелегком магическом промысле, она взяла займы деньги и открыла собственный бизнес в центре города. Поначалу дело вроде бы шло хорошо, а вот закончилось все предсказуемо и печально. После пары удачных предсказаний ее клиенты решились на крупный инвестиционный проект и, вопреки всем пророчествам, с треском прогорели.

Новоиспеченная колдунья благоразумно пропала в сельве у дальних родственников. Говорят, иногда ее встречают в джунглях на популярных туристических маршрутах. Предприимчивая дама прибилась к индейцам и теперь там шаманит, опаивая богатых и доверчивых туристов настойкой пейотля. А самых несговорчивых бледнолицых шантажирует жуткими муляжами. Впрочем, многие утверждали, что они настоящие, а парочка из ее коллекции поразительно напоминала бывших клиентов, но в миниатюре. Искусство уменьшения отрубленных человеческих голов передавалось у аборигенов из поколения в поколение. Аккуратно снять с лица кожу и скальп, набить горячим песком, высушить на

солнце, бережно охраняя жуткий трофей от насекомых — все это требовало сноровки, а значит, уроки наставницы не пропали зря.

Сама же старуха продолжала тихо коптить небо, беззлобно скрипя что-то свое, пока к ней в ученицы не напросилась Мири. Поначалу ведьма не увидела в столь юной и яркой девушке магической перспективы. Красота никак не вписывалась в устоявшийся образ проводника в измерения нечисти. Отсутствие бородавок и волос на лице являлось серьезным препятствием для успешной карьеры, а оказание магических услуг населению требовало как можно более уродливой внешности. Старуха опасалась, что такая помощница привлечет очень необычных клиентов, которые могут перепутать колдовскую лавку с борделем. Так резко менять многолетний налаженный бизнес она не хотела и потому холодно отказала девушке.

Разочарованная Мири ушла в слезах, понимая, что в одиночку с Марком не справится. Полицию, уличных громил или юристов звать бесполезно. К тому же, в ее квартале они почти ничем не отличались друг от друга. А вот священник мог бы помочь. Кто еще способен справиться с нечистью? Надо обязательно вытащить Ханса из лап злобных демонов!

В том, что именно ими и являются все сотрудники «Осириса», у нее не оставалось никаких сомнений. Эти твари понимают лишь силу, а она умела за себя постоять. Работа в ночном клубе научила уверенному обращению с мужчинами. Обычно Мири останавливала их одним взглядом. Даже очень пьяные самцы неожиданно для себя обнаруживали в глазах южной красавицы стальной блеск, заставлявший инстинкт самосохранения испуганно взвизгнуть, и наглецы отступали, чтобы оценить непонятную ситуацию. Девять из десяти этих неотесанных и грубых животных тут же убрали от нее грязные лапы и, выдав сальную шутку, сохраняли лицо. Ну, а десятому вскоре приходилось оказывать медицинскую помощь. Мири хорошо знала, что такое рычаг, хладнокровно и ловко ломая конечности.

Но с демонами «Осириса» ей так легко не справиться. Одно воспоминание о внешне безобидном и смешливом Марке заставляло мурашки бегать по коже. Казалось, внутри старичка сидел древний и безжалостный ящер, с презрением и любопытством рассматривающий жертву холодными и пронизательными глазами.

Ни один житель квартала не считал Мири боязливой девицей. Она хорошо чувствовала настроение и сущность человека, но Марк не был человеком!

Девушка насобирала по знакомым фильмы подходящей тематики, стараясь не обращать внимания на глупые вопросы и округлившиеся от удивления глаза. После целого дня, посвященного кинопросмотру, она занялась анализированием источника своих проблем.

Призраков Мири отмела сразу. Директор не выглядел полупрозрачным, да и реакция на щипок соответствовала его легенде и возрасту, выразившись в банальной смеси одобрительного удивления и мужской заинтересованности. Марк явно не зомби и совершенно точно не оборотень, поскольку привычка исчезать из закрытых пространств у них до сих пор не отмечена. А голливудские сценаристы не могли пропустить такой важный признак. Судя по их фильмам, они были ребятами ушлыми и наблюдательными.

Оставались вампир, инопланетный пришелец и демон. Мири склонялась к последнему. Хотя она не выносила кровососущей романтики, все же решила сначала проверить первый вариант. В одно из посещений Фонда она захватила с собой осиноый кол. К несчастью, охрана отобрала его на входе и невозмутимо вернула на выходе, что только доказывало — эти жестокие твари не могли быть людьми.

А вот проверку на инопланетность девушка придумать не смогла, поскольку с детства не любила фантастику. Оставив эту версию для будущей разработки, Мири сосредоточилась на антидемонических мероприятиях, брызгая сотрудников «Осириса» святой водой и невзначай прикасаясь к ним распятием. К ее разочарованию, ни один из них не зашипел, корчась в адских конвульсиях, зато по коридорам Фонда она теперь ходила в гордом одиночестве.

Трезво рассудив, что ее навыки пока не позволяют выявить демоническую суть ловкой нечисти, девушка решила поискать экзорциста. Кинематограф нагло врал — эта профессия оказалась исчезающе-редкой. Местные священники загадочно устремляли взор в небо и беспомощно разводили руками.

Выхода не было. Мири пришлось снова идти на поклон к ведьме, но теперь уже с подарками. Девушка просидела возле ее дома три дня, поклявшись не сходить с места, пока та не сжалится. Но старуха лишь громко ругалась и изредка высовывалась из чердачного окошка, чтобы бросить в нее горсть мелких и шустрых лягушек. К счастью, у Мири оказался врожденный иммунитет к магии. Ее не брал ни черный порошок, ни многоэтажные ритуалы и проклятия.

Должно быть, на старости лет ведьма все перепутала, потому что шумных молодых людей с гитарами вокруг дома заметно прибавилось. А вот к этому у колдуньи была естественная уязвимость. Она на дух не переносила веселый щебет и смех.

В конце концов, старуха сдалась. Буркнув что-то нечленораздельное, она махнула рукой, приглашая Мири в жилище. Хотя назвать его таким можно было только с большой натяжкой. Едва ли бы кто-то поверил, что здесь живут люди. Ветхий дом напоминал заброшенное и пыльное сорочье гнездо, набитое дряхлым антиквариатом, магическими реликвиями и странными предметами со всех концов света. Истыканные булавами куклы и уродливые заспиртованные эмбрионы в больших мутных банках производили на посетителя жутковатое впечатление.

В углу комнаты стояла массивная, изъеденная корабельными червями деревянная фигура русалки с выпученными глазами. Когда-то она украшала носовую часть парусника. Стоявшие на полках старинные фолианты в кожаных переплетах покрылись вековой пылью и паутиной. Ведьма, видимо, давно не нуждалась в скрытых в них знаниях. Единственным и относительно чистым местом в доме был стол с хрустальным шаром на скатерти и традиционно черными свечами в изящных подсвечниках. А над ним длинными шеренгами висели букеты высушенных трав, источая пряный и резкий запах. Иногда они зловеще шуршали и шевелились, словно по ним бегал кто-то невидимый.

Первую неделю Мири посвятила уборке. Под пристальным и ревнивым взглядом старухи она мешками выносила мусор. Но ведьма, ворча, почти весь заносила обратно. Процесс грозил стать бесконечным. В конце концов, устав от бессмысленного соревнования, Мири нашла выход, свалив хлам в один из темных чуланов. Вслед за мусором туда перебралась и ведьма.

Она любила копошиться там целыми сутками — чахла над своими сокровищами, бережно разглаживая и перебирая дорогие ее сердцу предметы. Временами старуха что-то гневно кричала, а иногда рыдала, вспоминая эпизоды далекой и очень непростой молодости.

Мири несколько раз насильно вытаскивала ведьму из полюбившегося ей чулана, чтобы начать обучение. Но та отчаянно упиралась, раздраженно шипела и мгновенно возвращалась, пока девушка не догадалась захватить несколько ее заветных игрушек.

Выудив из-под кучи барахла несколько пожелтевших от времени книг, старуха стала нехотя объяснять азы магической грамоты. Первое время Мири ничего не понимала просто потому, что не могла разобрать речь наставницы. Та тыкала скрюченным пальцем в старинные гравюры, снимала со стеллажей дурно пахнущие пузырьки с настойками, помахивала ароматными пучками неведомых трав, но извлечь из всей этой активности хоть какую-то закономерность у девушки никак не получалось. До нее не доходило, что ей пытаются объяснить, но все же она терпеливо записывала последовательность всех этих сомнительных манипуляций.

Почти отчаявшись услышать что-то разумное из беззубого рта полусумасшедшей женщины, Мири почти сдалась, как вдруг в ее голове все прояснилось. Там словно что-то щелкнуло, и прежде разрозненные кусочки неожиданно заняли свое место, сложившись в картину. Теперь ученица понимала логику действий наставницы, хотя по-прежнему не могла разобрать ни единого слова.

Старуха мгновенно заметила изумленные глаза девушки и удовлетворенно кивнула, продолжив бурчать что-то невнятное.

Мири схватывала на лету, оказавшись невероятно способной. Она спешила, ясно видела цель и не боялась опасных экспериментов. Девушка с таким жаром, бесстрашием и энтузиазмом вгрызалась в гранит эзотерических знаний, что у нее получалось даже то, что никогда не выходило у ведьмы. Та неодобрительно качала головой, опасаясь безрассудности своей рискованной ученицы, заставляла много раз повторять давно усвоенные и простые уроки.

И все же обучение пошло гораздо быстрее. Мири с восторгом открывала прежде невидимый и загадочный мир, существующий по своим законам и правилам. Оказалось, что все видимые объекты вокруг являлись проекциями, бледными тенями, отбрасываемыми в ее реальность из гораздо более тонких и сложных измерений бытия! То, что здесь выглядело грубой материей, было всего лишь временно застывшим сгустком подвижной энергии, а пространство и время представляли собой единое поле, уплотняющееся и закручивающееся самым причудливым образом. Его узелки сплетались в неподдающуюся осмыслению сеть причинно-следственных связей.

Мир теперь виделся подобием бесконечной гирлянды из драгоценных камней, каждый из которых отражал сияние всех остальных. Животные, люди, планеты и звезды — все состояло из одной и той же текучей энергии! И ее можно перенаправлять даже такими нелепыми и грубыми методами! Они работали именно потому, что все вокруг было взаимосвязано. Вот чем на деле оказались все эти мистика и колдовство!

Каждый шаг здесь имел свою цену и следствие, любое решение или отказ от него обязательно приводил к какому-то результату. А вот предугадать и правильно оценить его могла далеко не всякая ведьма.

Девушка вдруг поняла, что ее, по сути, ничему не учили. Ей требовался лишь катализатор, чтобы разбудить собственные, дремавшие прежде способности. Знания приходили к ней, как откровения, обрывками, всегда связанные с тем, о чем в этот момент говорила старуха.

Мири пробовала сама копаться в ее книгах, но безуспешно. Странный эффект действовал только в присутствии ведьмы и только после того, как та проговаривала информацию вслух. Ее невнятная речь будто запускала процесс распознавания.

Перетертые зубки летучих мышей, менструальная кровь, гениталии крупных животных и тому подобная мерзкая чушь находила свое место в алхимических рецептах старухи. Самое

поразительное, что эти зелья как-то работали, особенно если клиент и его жертва в них свято верили.

Мири подозревала, что эффект плацебо является всеобщим и универсальным принципом. Люди обожают постоянно находить препятствия. Удивительно! Ведьма зарабатывала на жизнь, создавая иллюзию решения столь же иллюзорных проблем. Ведь абсолютно все они возникали из-за заблуждения и незнания истины!

Впрочем, Мири не хотела развлекать себя философией. Задача была гораздо конкретнее. Вернуть любимого может только чудо или изошренная магия. На первое надеяться глупо, а со вторым пока не получалось, несмотря на все старания начинающей колдуньи. Марк не реагировал на ее ритуалы, заклятья и сложные манипуляции с самыми гадкими ингредиентами.

Наверное, у злобного демона еще более сильные чары! Дивная смесь из угля и лягушачьих фекалий, которые она собственноручно собирала неделю на ближайшем болоте — вот единственное, что его смогло немного смутить...

Мири болезненно поморщилась, вспоминая о своем фиаско.

Да, Марк чихнул и зажмурился, недобро сверкнув глазами, когда она выдула вонючий порошок ему прямо в лицо. Но этого мало. Столь жалкий результат не окупил потраченных усилий. Ханс все так же оставался в плену, а местные комары и пиявки не жаловались на аппетит. Злобные твари сожрали ее почти до костей, пока она ползала на коленках по тине!

У Марка обязательно должно быть уязвимое место, его надо только найти! Ведь в ладонях стала чувствоваться какая-то сила. Их буквально переполняло теплом и энергией. А иногда, сразу после пробуждения, Мири видела множество призрачных мелких существ, исчезающих почти сразу же. Возможно, получится умиловить или подчинить их? Старуха должна знать обо всем! У нее столько древних книг, неужели там нет ничего разрушительного, что могло бы справиться с демоном? Вместо этого наставница учит ее пустякам! Не пора ли переходить к чему-то посерьезней?

Мири с трудом сдерживала зевок, пытаясь понять, чего сейчас добивается ведьма, аккуратно раскладывая на столе пасьянс. Выудив из колоды очередную карту с почти неразличимым рисунком, старуха долго ее рассматривала, что-то считая в уме. Наконец, возмущенно закричала и яростно ткнула в нее трясущимся пальцем:

— Она!

Картой была Семерка Пентаклей. В перевернутом положении обозначает конкуренцию... Что ведьма хочет этим сказать?

Воображение Мири тут же нарисовало образ злополучной Ани, бойко отплясывающей на трюфелке пародию самбы. Неужели эта стерва где-то рядом?

Ведьма, скривившись, достала из середины колоды одну за другой две следующие карты, вверх рубашкой. Зловеще ухмыльнулась и, не глядя, протянула их девушке. Перевернутый Туз Пентаклей и Императрица... Голова закружилась, а внутри все словно оборвалось. Мири вдруг все поняла. Она сама отправила Ханса прямо в пасть к чертовой сучке.

Атма и есть эта Аня, и она всегда рядом с ним!

В последний день судебного заседания божества заполнили Площадь Дебатов почти до отказа, хотя на этот раз пускали лишь прессу и чиновников, имеющих прямое отношение к «Мечте». Шишек из Галактической Администрации прибыло с избытком. Мара самоуверенно улыбался, переходя от одной группы к другой, увлеченно заговаривая всем зубы, словно знал о победе заранее.

Нима встретила с ним взглядом и отвела глаза в сторону, невольно завидуя его оптимизму и толстокожести. Коварный асур мог погубить дело всей ее жизни, а она так и не научилась его ненавидеть.

После их последней ссоры богиня скучала по нему и жалела о том, что когда-то считала, будто Мара вредит ей назло или только для того, чтобы завоевать ее сердце. Нет, все не так. Он последователен, логичен и, искренне веря в свою правоту, остается верен принципам. В этом ему не откажешь. Демиург достоин уважения хотя бы потому, что никогда не плясал под ее дудку и поступал так, как считал правильным. Он просто все видит иначе.

А вдруг ошибается как раз она? Вдруг человечество — тупиковая ветвь, про которую надо поскорее забыть и идти дальше?

От разъедающих ум сомнений Ниму отвлек один из бюрократов Ревизионной Комиссии. Бросая на нее многозначительные взгляды, он демонстративно о чем-то шептался со Снорком. Видимо, придя к единому мнению, два интригана решительно направились к ней. Богиня насторожилась и внутренне напряглась, предчувствуя непростой разговор.

Почему именно сейчас? Что им от нее надо?

— Меня зовут Мортед. Я представляю... — начал было чиновник.

— Я знаю, кто вы и кого представляете... — бесцеремонно перебила Нима. Не до сантиментов. Она всегда недолюбливала бюрократов Канцелярии. Пусть говорит, если есть, что сказать, и проваливает!

— Хорошо! — понимающе кивнул Мортед. — Тогда сразу к делу. У нас согласованы и подготовлены два варианта реформы, один из которых будет объявлен после решения суда. У них есть общий момент...

— Да? И какой же? — удивилась Нима, найдя взглядом подозрительно съездившегося Снорка. Ее бывший начальник прятал глаза, стараясь не показываться из-за спины чиновника.

— В Канцелярии внимательно следили за ходом процесса и, рассмотрев все обстоятельства... — Мортед замялся, словно ему было неловко. — Поверьте, там очень уважают ваш опыт и заслуги, но...

— Так что они решили? — вновь холодно перебила богиня. Его дипломатические маневры начинали раздражать.

— Человечество официально признано депрессивной и опасной цивилизацией... — собравшись с духом, выпалил, наконец, чиновник. — Земле присваивается статус «адского измерения класса АА+». Мы создали ужасных монстров, способных сеять вокруг себя только хаос, голод и бесконечные войны. Таких порочных и агрессивных существ придется до поры держать в пределах планеты. Пусть посидят в резервации. Мы признаем свою ошибку и

добьемся ее немедленного исправления. Вопрос только в выборе средств и дальнейшей стратегии. До признаков улучшения ситуации на Земле объявляется карантин, но работа над проектом продолжится. Небесная Канцелярия уделит «Мечте» самое пристальное внимание вплоть до введения внешнего управления.

— Вы с ума сошли? — ужаснулась Нима, представляя последствия столь значительного понижения статуса планеты. — Кто тогда станет инвестировать в проект?

— Финансирование уменьшится, но не прекратится. Оно может даже возрасти, если суд поддержит позицию Мары. Его направление нам кажется очень перспективным... — нехорошо улыбнулся чиновник.

— А если дело выиграю я? — беспокойно спросила богиня.

— Тогда вы сохраните свою должность и выбьете для человечества еще один шанс. Вам будет очень непросто. В любом случае, нельзя оставлять все как прежде, — развел руками Мортед. — Люди отняли у нас бездну денег и времени. Мы запутались. Нужны новые предложения, а еще лучше — пошаговый план. Сроки, цели, условия. Необходимо понять, чего нам ожидать от проекта под вашим руководством.

— Любые разумные существа заслуживают уважения! Это не игрушки и не дрессированные животные! Люди могут стать партнерами, несмотря на то, что созданы из грубой материи! Человек вышел в космос! Они вот-вот начнут колонизацию всей звездной системы, и первый официальный контакт с божествами мог бы...

— Этого не будет! — отрезал Мортед. — Придется поумерить амбиции.

— Как? Обмотаете планету колючей проволокой?

— Их техника хрупка и ненадежна. До этого приходилось вмешиваться лишь изредка, но их последние марсоходы доставили нам массу проблем. Мы устали каждый раз подменять картинку в их камерах, чтобы маскировать следы нашей активности. Достаточно пролоббировать испытание противоспутниковой ракеты, и миллионы мелких обломков, кружащих по высоким орбитам, прекратят все космические программы людей на десятки лет.

Нима вспыхнула, но Снорк из-за спины чиновника подавал отчаянные знаки, умоляя ее не дерзить. К нему стоило прислушаться. Он гораздо лучше разбирался в политике. Действительно, если она настроит против себя комиссию, то сделает человечеству только хуже. Она лишь ученый, а не дипломат.

— Я поняла. Надеюсь, у вас наверху помнят, что Мара публично обещал не трогать людей, если выиграет дело!

— Небесная Канцелярия не возражает. Устраивать сейчас на Земле апокалипсис было бы глупо. Если мы не поймем, где сделали ошибку, то повторим ее снова. Все варианты плана не содержат каких-либо мер, направленных против человечества, кроме изоляции. Разработки виртуального разума получают высший приоритет, поэтому Мара и возглавит проект. Искренне надеюсь, что люди выживут в новых условиях без нашей помощи. Впрочем, не будем гадать. Давайтеждемся судебного решения... — Мортед галантно поклонился и потрусил обратно в кружок своих коллег.

Нима поймала за руку убежавшего Снорка. Скользкий тип чувствовал себя в закулисных интригах, как рыба в воде. Ревизионная комиссия наверняка пригласила его в качестве консультанта.

— Стой! Ты участвовал в проработке обоих вариантов? Почему не позвали меня?

— Вы с Марой устроили бы там еще один грандиозный скандал. Канцелярия не хотела,

чтобы вы участвовали в обсуждении. Одного суда совершенно достаточно. А я все же бывший начальник проекта... Поверь, я выбил из них все по максимуму. Ты бы видела, что они там предлагали вначале!

— Думаешь, мы проиграем? Мне не поверили?

— Твоя версия с «защитником» красива, но не подкреплена фактами, — пожал плечами Снорк. — К тому же, сам Мара трактует первый контакт по-другому. У нас нет доказательств, а «безымянный» едва ли поймет твою одержимость людьми. Ему нужны четкие и ясные аргументы, а не эмоциональные домыслы.

— Похоже, Мара пообещал тебе теплое место? — угадала богиня.

— У меня большой административный опыт. Не пропадать же такому добру на периферийных планетах... — осторожно ответил Снорк, на всякий случай держась на безопасной дистанции.

Нима едва не просверлила взглядом невозмутимого приспособленца, в душе понимая, что он может быть прав. Ее позиции слишком слабы. «Защитники» очень древние и загадочные существа. А на Земле божества наткнулись на совершенно уникального защитника». Такого никто никогда не встречал. Во всяком случае, достоверных сведений об этом редком виде не сохранилось.

Богиня в отчаянии перебирала варианты спасения человечества. Без внешней поддержки оно угробит себя гораздо быстрее. В этом Мара был прав. Выстроить грамотную аргументацию лишь на предположениях и догадках почти невозможно. Все ее доводы опирались только на отрывочные слухи и древние мифы, а их очень трудно представить в качестве доказательств. Если бы она только узнала о феномене Ханса и Атмы чуть раньше, до подачи претензии!

Но демиург достиг впечатляющих результатов в разработке компьютерных онлайн-игр и виртуального разума. Пришлось поспешить с иском, иначе «Мечта» пошла бы по другому пути. А так был шанс запретить или хотя бы лишить финансирования разработки Мары, как не соответствующие задачам проекта. Будь у нее в руках бесспорное подтверждение этой теории, то она бы обошлась без суда, представив его Канцелярии.

А теперь революционное открытие совсем рядом и может изменить судьбу не только Земли, но и всей галактики. От Ханса сейчас зависит очень многое, но, судя по его депрессивному состоянию, будет непросто. Заранее распыленные феромоны изменят нейроэндокринные поведенческие реакции, физиологическое, эмоциональное состояние и метаболизм, но все это хорошо работает только для здорового человека, а Ханс перенес сложнейшую операцию на мозге. Кто знает, что теперь с ним творится... Вот если бы ввести Атму в курс дела!

Нима не решалась предсказать ее реакцию. Доподлинно не известно и содержание ее последнего разговора с Джаем. Нимфа могла не все рассказать или на что-то не обратить внимания. А процесс лечения Ханса слишком тонкий и энергетически сложный, и последствия внешнего вмешательства предугадать невозможно. Если что-то пойдет не так, то неизвестно, когда все необходимые условия и обстоятельства вновь сложатся. Возможно, это последний и единственный шанс. Все должно случиться естественным образом. Нужно просто терпеливо ждать...

Нима задумалась и от волнения машинально щелкнула пальцами, поймав удивленный взгляд демиурга.

Ничего страшного. Он не догадается. Пусть думает, что она переживает и не находит

себе места в ожидании вердикта суда. Но настоящая битва теперь происходит не здесь! Мара наивно думает, что держит лабораторию и своих подопытных под полным контролем. Но сейчас его там нет! А вот Атме Нима приказала не спускать с Ханса глаз и не отходить от него ни на шаг. Хоть бы она восприняла эти слова буквально!

Демиург в тот раз наверняка следил за их беседой, но, видимо, ничего не заподозрил. Нимфа не дурочка, должна понять ее последний намек. Человека спрятать от божества невозможно, а через межзвездный портал грубая материя не пройдет. Бежать бесполезно, так неужели Атма не догадается, чего начальница от нее хочет?

Богиня надеялась, что выразилась в прошлый раз достаточно ясно, чтобы ее могла правильно понять женщина. Или не достаточно ясно?

Глашатай не спеша прошествовал к трибуне, чтобы занять свое место. Тщательно и демонстративно-медленно разгладил длинные усы и откашлялся. Его нарочито неспешное движение всегда предваряло финальное объявление, и это хорошо знала вся галактика. Растягивая гласные, он вот-вот протрубит долгожданный вердикт, чтобы подвести черту под историческим судебным процессом. Иногда такое объявление затягивалось, превращаясь в сольное театрализованное выступление Норра, но с его традиционным ритуалом все мирились.

Площадь замерла в ожидании. Взгляды сотен божеств были прикованы к величественной фигуре моржа в нелепом белом парике с буклями. Все пытались угадать вердикт, напряженно отслеживая мастерскую игру мимики на усатой морде. Глашатай знал свое дело и умел держать паузу. Уже зная решение «безымянного», он откровенно наслаждался, оттягивая решающий момент.

На черной мантии нашлись невидимые пылинки, а несколько влиятельных персон в первом ряду удостоились снисходительного кивка. Наконец, все неписанные правила были соблюдены в полной мере, и Норр в последний раз обвел замершую площадь пронизательным взглядом. Его мантия жалобно затрещала, когда он набрал полную грудь воздуха, чтобы огласить долгожданный вердикт. Началось!

— Арбитражный Суд Чистых Измерений в лице «безымянного», приглашенного сторонами конфликта, вынес решение! — Норр ревел так, что эхо прокатилось по ближайшим горам. — Иск руководителя Отдела Надзора за Человечеством — старшего божества Нимы к демиургу Маре — отклонен и признан необоснованным!

И все? К всеобщему удивлению, судья не стал аргументировать свое решение. В силу его общепризнанной беспристрастности длинное и утомительное прочтение мотивировочной части не имело смысла. Толпа на площади оживленно загудела, обсуждая вердикт и делясь впечатлениями.

Мару распирала гордость. Это момент его триумфа, заслуженной победы! Он обернулся, чтобы найти взглядом Ниму и постараться смягчить ей удар судьбы, но богини на площади уже не было...

— Нина выписала вам лекарство от депрессии. Надеюсь, поможет... — улыбнулась Атма, вкалывая пациенту в вену очередную подозрительную дрянь.

Ханс болезненно поморщился, но ничего не сказал. Пусть делают, что хотят. К нему приходили каждое утро с целым корытом лекарств. На теле давно не осталось живого места от бесконечных инъекций, и он невольно испуганно вздрагивал, услышав знакомый звук шагов в коридоре. Но, несмотря на это, ждал визитов Атмы с нетерпением. И это заставляло краснеть, как подростка.

Он никогда не был обделен женским вниманием и поэтому искренне не понимал причин своей бурной реакции. Эта красавица обладала невероятной способностью буквально сводить его с ума, едва они оставались наедине. Тогда Атма расцветала, подобно манящему цветку. Но в присутствии Мири — будто съеживалась и выпускала колючки, становилась язвительной и опасной. Казалось, у Атмы менялись даже черты лица. Губы сжимались в тонкую линию, а приятные изгибы фигуры прямо на глазах теряли манящие очертания и объем.

Иногда так и подмывало спросить, нет ли у нее злой сестры, которую прячут от людей где-нибудь в темной подсобке? Объяснить как-то иначе столь разительные перемены во внешности медсестры Ханс не мог.

Экзекуция наконец-то закончилась, и он с тоской проводил взглядом уходившую девушку. Все же в его заточении были и светлые стороны. Микрочип Марка удобно превращал поле зрения в полупрозрачный экран веб-страницы по первому требованию. Пальцы уже привычно бегали по запястью левой руки, листая сайты, где в красках описывался злосчастный карнавал.

Ханса продолжали терзать страх и сомнения. Ему хотелось восстановить все события того дня и разобраться, как следует. Из обильного потока самых разнообразных теорий заговора и нелепейшей чуши он отбирал все, где хоть что-то писалось об Ане. Но она будто растаяла в воздухе, а ее дальнейшая судьба так и осталась неизвестной. И хотя девушку разыскивали спецслужбы всего мира, она умудрилась каким-то образом не попасть в объектив ни одной из вездесущих камер. Фото и видео-материалов хватало в избытке, но самый кульминационный момент карнавала на всех записях оказался смазанным или испорченным. Образ таинственной русской тускнел в памяти, становясь все менее ясным, а по Интернету ходили сотни версий: от проклятья древних индейцев до влияния невидимой черной дыры.

Мири прожужжала все уши своими догадками. Ее дикие фантазии оказались заразными — вдруг все сотрудники Фонда действительно нелюди? Даже Атма? Ведь она похожа на пропавшую Аню, как сестра. Ханс подозревал, что это не совпадение. Неспроста же его разум буквально захлестывали мощные, изматывающие волны желания?

Не покидало постоянное ощущение постороннего присутствия. Кто-то словно напоминал ему, как много вычеркнуто из памяти. В необъяснимо-привязчивых фантазиях угадывался шепот древнего, почти забытого зова, быстро перераставшего в рев животных инстинктов, и Ханс смертельно устал от этого постоянного напряжения. От него требовали взять то, что должно принадлежать только ему.

Воображение услужливо рисовало низменные, но увлекательные картинки того, как он в два прыжка настигает Атму. Грубо валит на пол, задирает накрахмаленный белый халатик и после короткой, но упорной борьбы торжествующе овладевает застонавшей от наслаждения девушкой. Впрочем, инвалид с микрочипом в черепе едва ли мог претендовать на гордое звание альфа-самца.

Ханс усмехнулся, представив, как в самый последний момент в голове у него что-то болезненно перещелкивает. Атма подозрительно щурится, пытаясь разглядеть предмет его гордости, но тот теряет силу и стремительно уменьшается в размерах, подобно дырявому воздушному шарик. Девушка разочарованно и брезгливо отворачивается, а потом с презрением хохочет над постыдным бессилием...

Нет уж... лучше сразу прыгнуть с балкона. Но Фонд не подарит легкую смерть. Чип считывает самые сокровенные мысли и отключит ноги при малейшем подозрении на суицид. Камеры никогда не спят!

От этой мысли стало неуютно и жутко. Не в силах спрятаться от чужих глаз, Ханс начинал думать, что сходит с ума. Его как будто распяли в большом гулком аквариуме у всех на виду. А за толстыми стеклянными стенками за ним безотрывно и жадно следят невидимые наблюдатели. Эти твари питаются унижением и страданием своих жертв!

Иногда тревога чуть отпускала измученный ум, и тогда Ханс воображал, что все это происходит не с ним. На самом деле он комфортно сидит, спокойно потягивая терпкое пиво, на представлении, куда купил билет, чтобы пощекотать нервы. Поэтому ему и не позволяют выйти за пределы палаты, чтобы не нарушить иллюзию виртуального мира. Ведь тот заканчивается сразу за этими стенами...

Внезапно Хансу стало холодно, хотя на улице стояла жара. Похоже, он в очередной раз что-то напутал. Лекарств слишком много. Ничему нельзя верить, воспоминания точно так же могли подвести. Возможно, все прошлое — тоже продукт работы неисправного чипа, который прямо сейчас рисует эту дрянную реальность.

Вдруг каждое утро в этом теле просыпается новое «я», примеривая на себя нарядный комплект арендуемых воспоминаний? А вокруг них и строятся надежды, мечты, отношения, мировосприятие и даже собственная идентичность.

Хотя, если разобраться, то прошлого нет. Это только символ, образ в памяти. Но тогда нет и будущего, ведь оно ирреально и постоянно перетекает в прошлое. Оно лишь фантазия, вольная проекция ума вверх по временной шкале, которую он сам для себя и придумал. А вот настоящее всегда актуально, хотя и находится на стыке между несуществующими прошлым и будущим. Тогда существует ли само время? Ведь без частей не бывает и целого...

Ханс испуганно всмотрелся в себя, не понимая, откуда взялись эти идеи. Чип теперь думает за него или невидимые лаборанты так забавляются за пультом, транслируя ему в голову чушь? Раньше он любил только бесконечные танцы, девушек и особенно карнавал, объединяющий их в гремучую сексуальную смесь. И где тот мачо сейчас? Что с ним сделали?

Немного поразмышляв, Ханс пришел к выводу, что нисколько не скучает по старой версии себя. В ней было слишком просто, пусто и ветренно. Теперь же внутреннее пространство словно расширилось, а мышление приобрело непривычную свежесть, прозрачность и ясность. Вдруг появились интересные мысли. На какое-то время он выпал из удушливой депрессии, увлеченно рассматривая мир в непривычном ракурсе.

Ханс прошелся по комнате, отметив, что ноги слегка заплетаются. Внешне все осталось

по-прежнему, но, похоже, операция на мозге перевернула весь его внутренний мир. Скачок был слишком резким и потому очень заметным.

Теперь это тот же Ханс или другой? Или от старого осталось только тело? Но Марк изменил и его, добавив несколько новых функций. И любой человек постепенно меняется от рождения и до старости. Почему бы ему тогда ежеминутно не давать новое имя? Что позволяет считать столь текучий набор временных качеств одной личностью?

Характер, мысли, способности, наши привычки? Этот набор возникает, меняется или вообще распадается и исчезает. Сравнительно устойчивые тенденции формируются контактом с внешним окружением. Поэтому вчера заснул один Ханс, а сегодня проснулся другой. Что объединяет обоих, если они и думают уже по-разному? Память? Но с ней можно делать, что угодно. Через свой микрочип Марк может воспроизвести в этом уме любой наспех сляпанный клип, выдав его за родное и бесспорное воспоминание.

Может быть, это непрерывность самосознания, позволяющая протянуть воображаемую нить ложной преемственности через несколько разных Хансов? Но ведь этой непрерывности нет! Глубокий сон без сновидений, наркоз во время операции — там нет даже чувства провала. Отсутствует восприятие пустоты и самого «отсутствия». Тогда засыпающий человек должен в слезах попрощаться с миром, потому что утром проснется кто-то другой, пусть и с той же информацией в ячейках памяти.

У Ханса вдруг закружилась голова. Его буквально распирало от желания разобраться со всем раз и навсегда. Мыслей и идей было слишком много, а он не успевал их даже толком отслеживать. Он словно беспомощно барахтался в стае маленьких стремительных рыбок, пытаясь схватить хоть одну из них. Но тщетно. Подвижный серебристый шар играл с ним, трансформировался в прекрасные и удивительные фигуры, расступаясь перед ним и смыкаясь у него за спиной, но оставлял с пустыми руками.

Что же останется, если отбросить все лишнее — все, что непостоянно? Что встретит внутри, когда пристально всмотришься в плотный слой танцующей во времени пыли? Вечный миг настоящего! Осознанность, где не было прошлого и никогда не возникнет будущего. В этом бесстрастном и неподвижном основании нет мыслей, воспоминаний, надежд, сожалений. Все эти тени скользят где-то сверху, рождаясь и исчезая, но совершенно не затрагивая настоящее, хотя бы потому, что они не являются чем-то, отличным от него. Сознание играет с самим собой вот таким диковинным образом, создавая мистификацию размером с вселенную.

И несметное число чувствующих существ мечутся в бесконечном вихре событий только потому, что поверили в эти события. Их не обманывали, таков принцип бытия. Воспринимаемый мир возможен только в движении, в иллюзии непрерывного изменения, в кажущемся путешествии из прошлого в будущее. Но реально лишь извечное настоящее, а в его неизменной и самосияющей сути нет никого по отдельности...

Потолок вдруг закачался и стал падать, накрывая темнотой бессознательности. Последняя мысль пронзила пониманием — как же все удивительно и совершенно! Неужели он так глупо обманывался?

— Ха-а-анс! — кто-то сильно тряс его за плечо. — Слышишь?

Острый запах нашатыря угрожал окончательно свести с ума. Ханс открыл глаза, инстинктивно оттолкнув чужую руку с резко пахнущей ваткой.

— Я испугалась! Понимаешь меня? Наверное, Нина перемудрила с дозировкой...

Звук, видимо, исходил из красивых чувственных губ над ним. Ханс еще толком не пришел в себя, но уже не мог оторвать от них глаз. Влажные, мягкие, такие манящие — они находились слишком близко. Казалось, мир состоял только из них и присутствовал в качестве размытого фона, чтобы ярче выделить единственно ценное, что в нем имелось.

Ханс потянулся к ним, чтобы приблизиться или даже слиться с этим сокровищем воедино, но губы вдруг отдалились — так, что стало видно и лицо их обладательницы. Аتما!

Все встало на свои места, а окружающее теперь выглядело простым и понятным. Больничная палата, красавица-медсестра в коротком белом халатике и незримо присутствующий за камерами Марк.

Что-то в этой картинке Хансу хотелось убрать, а что-то дополнить или даже добавить. Поток необычных идей, атаковавших его перед потерей сознания, иссяк, но кое-что пациент все же запомнил. В самом деле, ведь ничего по отдельности не существует! Так чего стесняться, что ему может грозить?

Действие лекарства прошло, и смысл тех странных прозрений, казалось, потерялся. В уме оставалось смутное ощущение неправильности. Вроде бы забыто нечто ключевое и очень важное. То, что недавно выглядело таким глубоким, совершенным и сложным, стало теперь банальным, мелким и словно опошленным. Вспоминалось все как-то не так. Пропущена и стала недоступна суть, выглядевшая истинным откровением. Еще минуту назад от ее постижения Хансу хотелось одновременно смеяться и плакать. Это переживание вывернуло привычное мироощущение наизнанку, всего на секунды показав все так, как оно есть. Без фантазий, без преувеличений, без приукрашиваний, в первозданной чистоте, не требующей поиска, достижения, улучшения и даже просто движения!

Разочарование оказалось достаточно сильным, чтобы вновь погрузить разум в болото депрессии. Он только что упустил нечто бесценное! Золотой ключ был в руках! Но, ослепив благородным блеском, вдруг выскользнул и улетел во тьму, оставив по себе только жалкий и бесполезный футляр!

Ханс почувствовал себя обманутым, но не бессильным. Теперь его терзал жар желания. Вспыхнувший внутри огонь требовал немедленной жертвы. Скорее всего, на нем испытывали новый наркотик. Его, будто в бреду, бросало из одной крайности в другую.

Яйцеголовые обращаются с ним, как с лабораторной мышью! Но он покажет им, как умеет огрызаться! А эта ладная, аппетитная девка, что так сводит с ума — их сотрудник! Хотят новых опытов и экспериментов? Они их получают!

Аتما заметила, как изменилось выражение лица ее пациента, и испуганно попятилась, отступая к выходу. Паническое бегство жертвы всегда раззадоривает хищника, и ее инстинктивная реакция только добавила Хансу решимости и азарта.

Он рванулся, успев схватить ее за запястье уже перед спасительной дверью, и резко притянул девушку себе, словно танцевал с ней грубое и страстное танго. Ткань жалобно затрещала, а пуговицы от халатика пулеметной очередью простучали по стенам. Идеальное женское тело возбуждающе билось у Ханса в руках, напоминая сильную и трепещущую в сетях рыбу. Он так долго представлял эту сцену, что теперь не верил в ее реальность. Неужели с ним все это и правда сейчас происходит?

Аتما сделала вид, что хочет позвать на помощь, но Ханс заглушил крик, впившись в ее мягкие и теплые губы. Дремавшие прежде инстинкты взяли верх, и он не остановился бы, даже если бы его отрывали от этой женщины по кусочкам. Его будто нес стремительный горный поток. Происходящее виделось, как в неясном сне, где царила абсолютная власть

страсти.

Она поддалась его напору, а стройные, но сильные ноги крепко обвили вокруг него и намертво сплелись. Это слегка насторожило Ханса, и у него мелькнула мысль, что настоящей добычей является не Атма, а он. Ее гибкое тело словно угадывало его желания, меняя объемы, плотность и форму, а требовательные, но нежные женские руки умело ласкали и направляли. Пожалуй, их было больше обычного. Впрочем, все интимные части оказались на положенном месте, а обдумывать анатомические странности Хансу было попросту некогда, да уже и нечем. В голове не осталось ничего, кроме восторженной торопливости.

Он вошел так размашисто и глубоко, будто хотел пронзить насквозь. Атма гибко прогнулась навстречу, ее бедра поднимались под ним в такт его толчкам, но слишком жадно и быстро. Уже через минуту Ханса сотрясло в сладких судорогах. Он скрипнул зубами от смешанного чувства вины, разочарования и вместе с тем невероятного наслаждения, которое, к его удивлению, все не заканчивалось!

Они продолжили синхронно двигаться, подобно идеально отлаженному механизму, с каждой секундой поднимаясь на новую, прежде немислимую высоту. Они будто плавилась и вращались друг в друга, объединяясь в единое, забывшееся в наслаждении существо. Мощные волны наслаждения накатывали одна за другой, не давая и мгновенной передышки, пока две личности не растворились, исчезнув насовсем.

Более не было ни его, ни ее. Теперь существовало только одно лишь движение, создававшее нечто совершенное, красивое и энергетически-сложное.

Неестественно-яркий свет, исходящий от двух слившихся тел, озарил комнату, бросив на стены дрожащие тени и блики. Все вокруг вдруг затряслось, по потолку зазмеились трещины. Где-то разбилось стекло, запахло гарью, и коридор заволокло дымом. Здание словно застонало и ощутимо осело.

Под звук взревевших автомобильных сигнализаций на улицы выбегали испуганные люди, держа на руках детей и домашних животных. Завыла сирена, буграми вздыбился горячий асфальт, а столбы качались и падали, как сломанные спички, волоча паутину искрящихся проводов. Шум рушащихся перекрытий заглушал крики горожан, метавшихся в панике. Но небо оставалось безмятежным и ясным, а над горой Коркувада простерлась яркая тройная радуга. Земля издала низкий грохочущий звук. Вершины ближайших холмов словно поплыли, а потом обрушились темным облаком камня и пыли, разравнивая и погребая под собой окрестные джунгли.

Нима покинула Площадь Дебатов сразу после объявления вердикта и, подлетая к Рио, поняла, что опоздала. Город еле просматривался в облаке пыли, на улицах царил хаос. Здание Фонда окружал невидимый для людей барьер, вдоль которого бегал растерянный Грид. Мара больше не нуждался в представительских услугах на судебном процессе, поэтому оставил его сторожить Ханса.

Встретив богиню, минотавр облегченно выдохнул:

— Наконец-то! Я не понимаю, что тут творится. Нас всех вышвырнуло из здания... — увидев выражение лица Нимы, Грид благоразумно решил сменить тон на официальный. — Энергетический щит неизвестной природы вносит возмущение в гравитационное поле Земли. Мы не можем пробиться внутрь. Значительное усиление сейсмической активности. Амплитуда толчков растет.

— Атма внутри? — озабоченно спросила Нима, оценивая масштаб разрушений.

— Да! Она снова высасывает прану из жителей города, причем в колоссальных количествах! С Хансом... я не смог им помешать! — воскликнул Грид, покраснев.

— И слава создателям! — удовлетворенно кивнула богиня. — Занимаются сексом? Не волнуйся, все так и должно быть. Тебе очень повезло. Будешь еще долго рассказывать об этом событии в родном стаде.

— Но щит вот-вот разрушит город! Как мы его снимем? — вопросительно посмотрел на нее минотавр.

— Никак. Придется ждать. Поле «защитника» нам не снять. Атме сейчас необходима бездна энергии, а запущенный процесс может оказаться для всех довольно болезненным. Нам нельзя вмешиваться в него! Ты понял меня? — Нима с головы до ног смерила Грида таким взглядом, что ему захотелось чем-нибудь заслониться. Видимо, она прекрасно знала о его чувствах. — Но вот страдания людей надо, по возможности, облегчить. Займись организацией помощи.

— Я отдал необходимые распоряжения. Все младшие сотрудники уже работают с городскими службами! — торопливо отрапортовал он, хотя не понял ни слова о роли «защитника». Богиня была не в том настроении, чтобы отвечать на вопросы. К тому же, она уже отвлеклась, разглядев кого-то у служебного входа.

— Мириа! — ахнула она, словно встретив чудовище.

Грид обернулся, чтобы посмотреть, почему Нима так занервничала. От увиденного у него все внутри похолодело. Девушка, видимо, пыталась пробиться в здание Фонда и делала странные пассы руками, а вокруг ее силуэта кружился темно-багровый вихрь тварей из Сумрака.

Единственные существа во Вселенной, способные убить божество! Откуда они тут взялись? Все виды теней подлежали немедленному уничтожению при обнаружении в пределах Чистых Миров, невзирая на любые потери. Гнездо мерзкой скверны нельзя терпеть на своей территории!

Грид быстро принял решение. Нима — лишь ученая, и не сможет себя защитить в настоящем бою, а вот он мог дорого продать свою жизнь.

Минотавр по-бычьему опустил рога и гневно раздул ноздри, готовясь к атаке. Его племя

издавна славилось бойцовскими качествами, а суровые нравы родной планеты сделали из него бесстрашного воина.

— Я дам сигнал о помощи! Но надо остановить ее! Вперед! — крикнула Нима, словно спуская с цепи свирепого пса.

Его не пришлось просить дважды. Растоптать и разорвать ненавистного врага в клочья! Грид воинственно проревел древний боевой клич клана и огненным болидом врезался в толпу адских тварей, расшвыривая их в стороны.

Сбившиеся в плотные кучки люди, испуганно застывшие посреди улицы, с ужасом наблюдали, как позади одиноко стоявшей девушки, на совершенно пустом месте, вдруг развернулось целое светопредставление. Всполохи огня, злобное шипение, яростный рев и звуки ожесточенной борьбы заставили их отбежать подальше.

Прятаться в домах никто не решался, поэтому горожане следили за почти невидимым сражением со смешанным чувством страха и любопытства, подобно диким туземцам, увидевшим всплытие атомной подводной лодки у своего берега. Землетрясение теперь не выглядело самой большой проблемой. Оно было легкообъяснимым и естественным природным явлением, а вот у здания Фонда творилось нечто невообразимое и сверхъестественное.

Посреди вихря, где бешено крутились пыль и мусор, металась неясная тень, среди которых иногда угадывался прозрачный силуэт исполинского гуманоида с бычьей головой. Гигант крушил и рвал на части сонмы мелких существ. Поверженные враги разлетались, как тряпичные куклы. В агонии, всего на мгновение, они принимали такой жуткий вид, какой не смог бы вообразить и безумец. К счастью, кошмарная тварь быстро сгорала. Через несколько секунд от нее оставалась только горка пепла и тоненькая струйка черного дыма.

Многие из людей падали на колени и неистово молились, еще не понимая, к кому из богов обращаться. Призрачный человекоподобный бык не походил ни на одно из божеств южноамериканского языческого пантеона. Насмерть перепуганный народ решил, что наступил конец света, и идет битва ада и рая. Впрочем, это было недалеко от истины.

Тем временем тени яростно выгрызали брешь в энергетическом куполе, неподвластном обычным божествам. И те, и другие состояли из одной и той же тонкой субстанции, но различной полярности. Она аннигилировала при прямом контакте, но жители Сумрака и Чистых Миров редко встречались. Одни обычно мучились в своих адских измерениях, а вторые жили почти бесконечно и слишком ценили это, чтобы рисковать напрасно.

Но сейчас Нима без колебаний пожертвовала бы жизнью, чтобы отбросить Мири и ее жутких союзников. Бедная девушка наверняка даже не подозревала об их существовании, думая, что сама производит столь впечатляющие спецэффекты, прорываясь к любимому. Она почти вошла в здание, хотя Грид бился, как лев. И все же у него не получалось до нее дотянуться.

Богиня подпитывала его энергией, но долго так продолжаться не могло. Под градом ударов минотавр стремительно слабел. У врагов не было столь значительного запаса праны, и они дошли десятками, но выигрывали время для передового отряда. Возможно, легкая смерть виделась им лучшим выходом.

Канал связи оставался заблокированным, и Нима до сих пор не могла связаться с Марой, чтобы позвать на помощь. Он наверняка принимал поздравления от политиков и лизоблюдов разного ранга.

Когда же демиург обнаружит необычную аномалию? Хотя еще неизвестно, чье

вмешательство в сакральный процесс хуже — демиурга или теней...

Богиня беспокойно озиралась. Откуда все время появляются новые твари? Где-то рядом должен находиться портал, откуда прет вся эта нечисть!

Вокруг было слишком многолюдно, а царящий хаос не позволял выявить что-то чужеродное и необычное. И все же Нима удалось заметить в общем движении неподвижное пятно.

У руин соседнего дома застыла сгорбленная, но невозмутимая фигура в черных лохмотьях. Та самая престарелая аферистка — наставница Мири, о которой так пренебрежительно отзывался демиург. Губы ведьмы беззвучно шевелились, мутные глаза слезились на солнце. Но в пожилой женщине чувствовалась притаившаяся и хорошо замаскированная сила. Колдунья стояла под опасно накренившейся стеной, но не боялась!

Нима послала в старуху легкий энергетический импульс, едва задевший ее по касательной. Пространство у стены тут же вспыхнуло красным, и ведьма нарочито медленно повернула голову к богине. Яркой зеленью сверкнули глаза, а из раскрывшегося рта вытянулись скользкие отвратительные щупальца. Казалось, чудище улыбается.

Тварь из Сумрака, причем очень высокого ранга! Мара просто недалекий глупец, если не заметил эту прожорливую лису в тихом курятнике! Как он мог не просканировать ее после подозрительно-быстрых успехов Мири?! Тени использовали эту бойкую дурочку и должны многое знать о «защитнике», раз держатся так близко к Хансу! А возможно, они ждут его уже очень давно. В любом случае, пока эта тварь рядом, Грид не справится с ее армией!

Времени на размышления не оставалось. Помощь придет слишком поздно. Богиня, не колеблясь, превратилась в снаряд и устремила к старухе. Но та была готова и мгновенно растаяла в воздухе. Нима, прошив насквозь несколько уцелевших стен, так и не задела хитрую ведьму, избегавшую открытого боя. Черная клякса материализовалась уже у соседнего здания, будто издеваясь над неуклюжим противником.

Следующий бросок все же задел тень, оторвав сгусток темной субстанции. Ниму пронзила ослепляющая, неестественная для Чистых Миров боль, но и ведьме досталось. Она двигалась уже медленнее и с видимым трудом ускользала от самоубийственных атак богини, пытающейся сжечь себя вместе с ней. Казалось, цель серьезно ранена. Но Нима понимала, что ввязалась в игру по чужим правилам. Ушлая старуха умело уводила ее все дальше от Мириа, как подбитая ворона уводит хищника от гнезда.

Решив больше не гоняться за исчадием ада, богиня вернулась к Гриду. Но у Фонда уже никого не было, а в энергетическом куполе зияла дыра. От странной тишины сердце кольнула тревога. Нима едва не вскрикнула от отчаяния. Вдруг она опять опоздала?

Внутри здания все грозило вот-вот развалиться. Оплавленные коридоры завалены упавшими балками, обломками штукатурки и лужицами омерзительной слизи, смешанной с кучками пепла. Следы недавнего сражения повсюду, но характерного пятна, оставшегося бы от аннигиляции божества, Нима не заметила. Грид мог быть еще жив, но ее гораздо больше интересовала судьба Атмы. Неужели нимфа досталась теням?

Нима буквально летела по разгромленному коридору к комнате Ханса. Двери не было: огромный кусок стены вместе с проемом лежал на полу. Тени исчезли, но и Атма тоже.

Мири забила в дальний угол и шипела, как кошка, закрывая собой неподвижное тело любимого. На ее губах пузырилась пена, а черные глаза казались провалами в царство вечного мрака, откуда наружу рвалась звериная ненависть. Видимо, девушка не сумела удержать контроль над темной энергией и окончательно сошла с ума.

Посеревший Грид лежал посреди хлама из разбитой мебели и сломанной аппаратуры, а над ним на коленях сидел Мара и держал его за руку. Тени изуродовали минотавра почти до не узнаваемости. Сил восстановить или трансформировать тело в новый облик у него не было. Один рог ему сломали под корень, лохмотья обожженной кожи не скрывали многочисленных ран, а бесцветные остатки ауры еле заметно пульсировали и трепетали, как слабый огонь свечи на ветру.

Грид понимал, что праны у него почти не осталось. Битва забрала всю жизненную энергию без остатка. А раз она на исходе, то он скоро умрет. Удивительно, что у него получилось продержаться так долго. А ведь если бы он не потратил на «хоровод похоти» драгоценную прану, то ее хватило бы еще на пару сотен лет божественного существования...

Возможно, за эти годы он сумел бы найти учителя, о котором столько мечтал, обрести просветление и принести своему роду еще большую известность и славу. Все должны знать, что его стадо может давать не только лучших в Чистых Мирах бойцов, но и великих духовных наставников. Не за этим ли он и приехал сюда?

— Кайзара фон Асфалларас! — голос Мары звучал громко и торжественно. Демиург произнес настоящее и полное имя Грида. — Как Верховный Владыка асуров, я награждаю тебя высшим наследным титулом Кавалера Ордена Рун! Твое имя навечно впишут в барельефы Галактического Пантеона... — демиург пытался по-своему облегчить душевные страдания умирающего божества. К несчастью, это было все, что он мог ему дать.

Минотавр благодарно кивнул, чувствуя, как тоненьким ручейком утекают остатки былой силы. Он не жалел себя. В конце концов, этот воинский подвиг достойно продолжил традиции знаменитого рода.

Но перед его угасающим мысленным взором сейчас проплывали не зеленые пастбища цветущих по весне прерий, и не лица многочисленных родственников, воздающих должное славному отпрыску древнего племени.

Нет! Он не мог забыть те минуты, когда в последний раз видел Атму. Финальная часть битвы еще стояла перед его глазами, будто закончилась всего секунду назад...

***

Адские твари бились насмерть, буквально облепив Грида темными гроздьями. Их было слишком много, поэтому Мири ему удалось догнать только у комнаты Ханса. Девушка не собиралась возиться с закрытыми дверями и на бегу взмахнула рукой, небрежно сметая с пути очередное препятствие. Тени, повинувшись команде, мерзко взвизгнули, и во все стороны брызнули остатки кирпичной кладки и штукатурки. Стена с грохотом рухнула.

Мири влетела в облако поднимающейся пыли и вдруг остановилась, словно врезавшись в

невидимую преграду. Догнавший наконец свою цель минотавр радостно замахнулся, но, проследив за ее взглядом, медленно опустил руки. Открывшаяся картина поразила обоих.

Воздух будто звенел, сгущаясь вокруг того, что казалось ожившей скульптурой, которая словно воплощала в себе всю гармонию, величие и совершенство природы. Активность мужчины, берущего штурмом любые препятствия, и чувственность женщины — как воплощение любви и рождение новых сил жизни.

Ханс все еще двигался, словно закачивая себя в лоно Атмы без остатка. Слившиеся в экстазе тела окружал мягко мерцающий кокон силового щита, сотканный из паутиных ниточек праны, тянувшихся от каждого человека в городе. Эта мистерия виделась вершиной эволюции, цветком, долго и скрытно набиравшим силу. И теперь бутон распустился, демонстрируя нечто немислимое и сокровенное. И его цветение превосходило границы обыденного представления о реальности. На глазах изумленных свидетелей творилось истинное волшебство, чудесная метаморфоза, подобная превращению невзрачной гусеницы в прекрасную бабочку.

К сожалению, испытать искреннее восхищение от этого страстного и сексуально волнующего действия они не могли. Любоваться зрелищем мешала мысль, что в нем участвуют очень дорогие им существа. И если Грид усилием воли все же подавил вспышку ревности, то темперамент Мири раздул ее до размеров сверхновой. Потрясенный минотавр еще стоял, пытаясь смириться с реальностью, но его враги терять время не стали.

Защитный кокон сотрясла мощная атака теней, и Атма с Хансом мгновенно оторвались друг от друга, стали собой.

Грид отвесил увесистую оплеуху обезумевшей Мири, отшвырнув юную ведьму к стене, но добивать не стал. Тратить время на взбешенную девку бессмысленно. Ее сила лишь в этих тварях, а они вот-вот разобьют силовой щит! Праны почти не осталось, но он обязан спасти Атму!

Минотавр бросился вперед, закрывая собой защитный барьер. Его тело вскоре превратилось в сплошную рану, но Грид старался ловить все, что целилось и летело в любимую. Это избиение продолжалось до тех пор, пока к битве не присоединился вернувшийся демиург.

Казалось, испуганно вздрогнуло и застонало само пространство. Стены комнаты словно качнулись, а воздух будто приобрел плотность, став упругим и вязким. Тени жалобно взвизгнули и стали беспорядочно метаться по комнате, тая на глазах и оставляя после себя горстки пепла.

Грид обессиленно рухнул на пол и только теперь смог повернуть голову, чтобы найти взглядом Атму, но не увидел ее. Скорее всего, она ушла телепортом, и на полу лежало только неподвижное тело Ханса. Из угла к нему на локтях ползла Мири. Ее перекошенное от боли лицо было перепачкано кровью и пылью, но в глазах бушевал прежний огонь, и она двигалась к цели с упорством киборга.

Минотавр вопросительно посмотрел на присевшего рядом Мару, но тот лишь презрительно мотнул головой, словно выплюнув:

— Без теней она только пустышка. Тупая, никчемная кукла. Пусть убирается вместе со своим придурком. Ханс нам больше не нужен. Но я обещаю, что обязательно найду твою Атму!

Грид угасал на глазах, и вокруг него черным смерчем вились духи-могильщики, питавшиеся остатками ауры. Нима обняла умирающее божество, шепча ему последние наставления:

— Ты должен уйти свободным. Отпусти все. Оставь все сожаления, мечты и привязанности. Отбрось даже мысли, которые на них опираются. Иначе они ввергнут тебя в низкое воплощение, где ты будешь увлечен решением бесчисленных проблем, появляющихся снова и снова. Слава, богатство, родственники, друзья, враги и любимые — они захватят твой ум в плен, запутывая в бесконечном клубке приключений, дел, событий и отношений. Отбрось этот хлам. Мысль ограничивает, а привязанности поработают. Истинная же суть всегда в безграничности. Ты уже свободен, никогда не был и не будешь связан хоть чем-то. Все пути — иллюзия, порождение твоего собственного ума. Есть лишь ясное пространство чистой осознанности! Что может навредить тебе? Ты просто забыл, кто ты есть. Вспомни и ничего не бойся, ни за что не цепляйся...

Минотавр болезненно захрипел и крепко сжал руки Нимы и Мары, с трудом выдохнув последнее слово: «Атма!».

Богиня понимающе улыбнулась. Было глупо надеяться, что до него можно сейчас достучаться. В момент смерти ум уже слишком ослаблен. Бедняга так ничего и не понял...

— Хорошо. Тогда представь ее и повторяй за мной. Искренне и целеустремленно. Последнее желание укрепит ваши кармические связи, и ты непременно встретишься с ней снова. Сосредоточься и выстрели своим сознанием, словно пулей, послав его в Чистые Миры...

Нима выпрямила спину, закрыла глаза, и чуть раскачиваясь, негромко запела:

Пусть безусловная любовь и истинное сострадание возникнут в тех, в ком еще не возникли.

А в ком появились, пусть не исчезнут, а будут все больше расти!

Пусть благодаря этому каждый обретет просветление и победит врага — свои негативные деяния!

От бушующих волн рождения, старости, смерти, от океана сансары да освобожу я всех чувствующих существ вселенной!

С последними словами песни Грид тихо вздохнул и умер. Тело минотавра обмякло и стало уменьшаться и сморщиваться, пока не исчезло совсем. Там, где минуту назад лежало высокорожденное божество, теперь остался лишь блеклый и размытый след его силуэта...

В офисе Отдела Надзора царила неестественная тишина. Сотрудники попрятались по углам и разбились на группки, шепотом обсуждая перспективы, которые выглядели все более сомнительно и мрачно. Заезжие чиновники разбежались, как тараканы, мгновенно покинув планету. В дальних концах галактики нашлись совершенно неотложные дела, требующие их личного присутствия и чуткого руководства. Никто не жаждал оказаться причастным к громкому инциденту. Всем хотелось, чтобы их имена никогда не упоминались в связи с таким скандалом. Даже в Небесной Канцелярии руководство пребывало в смятении, взяв паузу для анализа. Оно пропустило такое событие, что неожиданный взрыв сверхновой показался бы сейчас по сравнению с ним детским лепетом.

— Нам надо срочно отыскать Атму! — Мара решительно встал из-за хрустального стола в своем новом офисе, словно знал, где ее можно найти.

— Нам? А зачем? — подняла брови Нима, не поддержав его порыв.

Должно быть, демиург считал само собой разумеющимся, что она пойдет с ним. Он ошибается! Упустив свой шанс, Мара жаждет реабилитировать себя в глазах бюрократов. Но наверху не прощают грубых ошибок.

— Да, я глуп и недальновиден, — демиург раздраженно и с вызовом кивнул, но упрямо поджал губы, все же не желая признавать поражения и вины. — Прости, ты опять была права! Стоило бы довериться тебе, но эти гипотезы казались полным сумасшествием! В них никто не верил! Даже твой Снорк!

— Мне и не обязательно было верить, но я же нашла материалы...

— Какие материалы? Сказки и обрывки древнего эпоса давно забытых цивилизаций? Там еще и не такое можно накопать! Нам басни по всей галактике проверять? — вспыхнул Мара. — Впрочем, ладно. В дураках-то остался как раз я, но вот Грид погиб из-за твоей самодеятельности! Если бы ты только рассказала о своих планах и попросила поддержки!

— Я рассказывала, но суд решил по-другому, — возмущенно парировала Нима, удивляясь, что сейчас оправдывается именно она. Как у него так ловко получается перекладывать с больной головы на здоровую? — Ты же сам высмеивал меня перед всем миром! Никто из вас не воспринимал мои разработки всерьез. Если бы...

— Хватит! — бесцеремонно перебил Мара. — Достаточно. Ведь я уже сказал, что виноват. Но сейчас надо действовать вместе. Где она может прятаться?

— Атма не понимает, что происходит. Ее ищут и тени, и божества. Она напугана, сбита с толку и, скорее всего, ранена. Кроме того, мы не знаем, удалось ли нормально завершить процесс. Результат трансформации угадать трудно. Возможно, мы имеем дело с тем, что выходит за рамки наших самых смелых фантазий.

— Тем более! Мы должны торопиться! Я поклялся Гриду защищать ее! — вскочил демиург.

— Да? И как? Погрузив девочку в стазис? Неужели ты думаешь, что кто-то из Канцелярии даст тебе возможность все решить самому? — богиня выдержала многозначительную паузу. — Как только она попадет к ним в руки...

— Я руководитель проекта! Кто еще будет ей заниматься? — недоуменно спросил демиург, нахмурившись.

— Бывший! Бывший руководитель проекта. Тебе осталось сидеть тут лишь пару часов. Думаешь, после того, как ты не заметил у себя под носом Верховную Тень, тебя оставят в должности?

— Хорошо! Пусть так. Но тогда им придется снова обратиться к тебе! — охотно согласился Мара. Ему не терпелось приступить к поискам немедленно. — Я согласен отдать это место обратно!

— А я не согласна его принять! Да они все равно не доверят мне Атму. В Канцелярии считают меня независимой сумасбродкой. Им важно все контролировать, а эта девочка слишком ценна. Да я и сама никогда бы не стала проводить над ней какие-то опыты! — отрезала Нима.

— Но она не принадлежит тебе! Ты не можешь делать то, что заблагорассудится. Она теперь часть проекта, а он — достояние всех жителей Чистых Миров! Тебя сотрут в порошок!

— Ну и пусть. Я никому не мешаю. Ищите... — пожала плечами богиня. — Но помогать вам не буду.

Мара взволновано мерил шагами офис, не в силах скрыть раздражение. Он чувствовал себя так, словно сорвал в галактической лотерее джек-пот, но не мог получить выигрыш. Ведь дело даже не в карьере. Изучение Атмы может изменить привычный порядок вещей в Чистых Мирах. Откроет для божеств возможности и перспективы, которые трудно даже представить. Но из-за упрямства Нимы они могут все потерять!

— Дорогая! Я умоляю тебя помочь нам. Мы теряем время! Процесс запущен, но сроки и результат нам доподлинно неизвестны. Кто знает, что с ней сейчас происходит?

— Пусть ваш процесс идет естественным путем. Наше вмешательство в очередной раз все только испортит! Когда-нибудь хоть что-то хорошее выходило из твоих разнообразных проектов? — ядовито бросила богиня, отметив для себя его «мы». Мара давно выбрал свою сторону.

— Ты не знаешь, с чем имеешь дело! Мы можем столкнуться как с величайшим чудовищем в нашей истории, так и с подлинным сокровищем, которое изменит мир навсегда! Ведь именно для этого и затевался проект! Подарить бессмертие, всезнание, просветление — все, о чем ты бубнишь постоянно! Ты же этого хочешь?

— Все то же самое... — устало вздохнула Нима. — Удивительно, но ты не меняешься в своей вере в концептуальное. Все так же грубо ломишься к нирване, словно это какое-то место или спрятанный клад... Всерьез рассчитываешь на успех, используя внешние инструменты...

— Оставь при себе свои лекции! — раздраженно перебил Мара. — Я работаю с условиями и обстоятельствами и делаю то, что могу! Тихо мечтать о высоких материях удобно в сытой безопасности и при наличии свободного времени. А сейчас надо действовать! Если мы не найдем нимфу, ее найдут тени! Хочешь рискнуть такой вероятностью?

— Все лучше, чем бить молотом по тонкому механизму, чтобы понять, как он работает... — язвительно процедила богиня. — Я сомневаюсь, что Атма им теперь по зубам. Кроме того, тени не осмелятся на открытое противостояние. И так вся галактика уже гудит, как встревоженный улей.

— И все же такая вероятность есть! — пробормотал Мара, уже понимая, что ждать помощи от Нимы не приходится. Богиня не отступит. Скорее всего, она сама не знает, где

искать нимфу, но все же ей известно больше того, что она рассказывает. У нее было время собрать и проанализировать крохи тех сведений, которые могли сохраниться в древних архивах. Придется привлечь к работе лучших ученых, но они ничего не успеют...

Мысленно демиург уже сосредоточился на организации широкомасштабных поисков по всей галактике. Для начала необходимо послать отряд на родную планету Атмы. Найти все места, которые она посещала, когда путешествовала с Джаем. Опросить коллег и друзей, установить круглосуточную слежку за Хансом. Нимфа по-прежнему привязана к нему и может спрятаться где-то поблизости, а там ее наверняка будут ждать тени. Придется запросить помощь и дополнительные силы у Канцелярии, чтобы просканировать и вычистить планету от адской нечисти. Карательный экспедиционный корпус асуров смог бы быстро навести здесь порядок и надолго отбить у темных охоту путаться под ногами.

Хотя грамотнее всего — направить сюда небольшой отряд племенных минотавров. Надо бы разрядить обстановку на родине Грида. Там разгорелись нешуточные страсти, и рогаши землю копытами роют, чтобы отомстить за смерть собрата. Ну, и заодно получить набор почетных регалий и званий. Именно так и привыкла заявлять о себе их молодежь. Гладиаторские бои и потешные корриды не могли обеспечить быстрого карьерного роста. Божество на них попросту невозможно убить. А теперь у местной элиты появился повод увеличить влияние и оттяпать себе теплые местечки в офисах Небесной Канцелярии.

Если в политических интересах Грида объявят великомучеником, то Центру придется поддержать очередной Великий Поход в приграничных землях. А это грозит полноценной войной. Пусть лучше на Земле выпустят пар, чем бодаются с адскими тварями на их собственной территории. В своих владениях тени будут иметь естественное и очень значительное преимущество.

Да и как давно тени на Земле? Возможно, именно из-за их невидимого влияния проект все время сталкивался с трудностями и проблемами. В конце концов, «Мечта» зашла в безысходный тупик, и вряд ли здесь обошлось без внешней помощи. Скорее всего, помогли. Да и в событиях Раскола просматривалось слишком много странных случайностей. В любом случае, всей правды уже не узнать, но вражда джедаев и ситхов выгодна только теням. Сумев скрыть свое присутствие на Земле, они выжидали, умело манипулируя обеими сторонами. А недотепы из контрразведки их проморгали! Как они могли быть такими беспечными? Если бы он пошел не в Зоо-Дизайн, а в режимный отдел, тут было бы все по-другому!

Демиург крикнул от досады. Сам виноват! Изворотливый ум обожает объяснять поступки других их личными качествами, а свое поведение — внешними обстоятельствами. Сейчас ему очень хотелось найти оправдание, а коварные тени прищипь как нельзя кстати.

Мара так углубился в размышления, что не заметил, когда Нима исчезла. Ограничить ее свободу он не мог, но вот проследить за ней имел право. Конечно, она не настолько глупа, чтобы вывести его прямо на Атму. По крайней мере, слежка серьезно затруднит ей прямой контакт с беглянкой. Это даст выиграть время, пока он сам не найдет нимфу. Без помощи богини растерянная девчонка не сможет прятаться долго и наверняка как-то проявит себя.

Демиург отправил за Нимой разведчиков и теперь раздраженно барабанил пальцами по крышке стола, ожидая рапорта. Пока след в пространстве еще не остыл, идти по нему просто. Оторваться от внешнего наблюдения невозможно. Его асуры вцепятся в нее, как бульдоги, и пойдут по пятам. Они никогда не отстанут.

— Ваша Высокoboжественность! У нас чрезвычайная ситуация! — в докладе разведчика слышались панические нотки.

— Что случилось? — вскочил на ноги демиург.

— Нима уходит на территорию Сумрачной Тени!

— Так следуйте за ней! — прорычал Мара.

— Нет допуска. Для перехода границ адских измерений необходим приказ из Генерального Штаба...

Согласование с Центром займет уйму времени. Демиург в бешенстве ударил кулаком по любимой статуэтке Нимы из цельного голубого сапфира. Он заказывал ее еще в мезозое, а теперь разбил вдребезги. Нима — чертова дура! Что она творит?!

— Отбой. Дайте координаты. Полечу туда сам. Вместо меня останется Снорк. Все полномочия и управление операцией передаю ему! — с трудом выдавил из себя Мара.

Скрипя зубами от гнева, демиург рванулся в погоню. Он боялся даже представить муки и ужасную смерть богини, если ее схватят.

Разведчики остановились на границе Чистых Миров и, не решаясь перейти ее, беспомощно наблюдали, как след богини таял в безднах Сумрачной Тени. Нима бесстрашно прыгала по звездным системам, произвольно выставляя маячки телепорта, чтобы запутать преследователей. Вскоре ее окончательно потеряют в межзвездном пространстве, и тогда можно будет спокойно отправиться к цели. Встретить праздно шатающихся теней она не боялась. Ее здесь никто не ждал, да и, в отличие от свободных божеств, покидать свои планеты могли только демоны высших рангов.

Вскоре Ниме удалось обнаружить то, что она искала — две колоссальные черные дыры, вращающиеся вокруг общего центра масс. Пространство и время там свертывались, искривляя гравитационное поле, а за «горизонт событий» уже ни один объект или излучение не могли вырваться.

Чуть выше, едва не соскальзывая в сингулярность, и находилась цель богини — заснеженная планета Мирцар. Если верить древним источникам, то в ее глубине и находилась «кротовая нора», соединяющая две точки вселенной. Это давало возможность попасть в нужное место сразу, не путешествуя на расстояния, огромные даже по космическим меркам.

Наконец-то Нима почувствовала себя в одиночестве. Теперь никто не знал, где она и куда направляется. Вокруг простиралась равнодушная и непостижимая в своей безграничности пустота, украшенная мелким жемчугом звезд и разноцветной тканью туманностей. Изредка мимо богини проносились планеты, луны и крупные астероиды — точно так же, как и в противоположной части галактики. Из космоса эти твердые шарики с бурлящей лавой внутри казались крохотными и беззащитными. Тончайшая пленка пригодного для жизни пространства на их поверхности была так уязвима, что выглядела мыльным пузырем. В любую секунду могло произойти все, что угодно — столкновение, вспышка излучения на родной звезде, смертельный радиационный пояс или газопылевое облако, некстати пересекшее путь планеты.

Эти огромные территории божества называли Юдолью Боли и Ужаса. И хотя их населяли страшные и непонятные для жителей Чистых Миров существа, в чем-то они были с ними похожи. И те, и другие страдали от негативных эмоций и мыслей, что ввергало в бесконечные конфликты и распри. Ведь потенциал разума огромен. Он может создать все, что угодно — от причин просветления до возможности разнообразных и невыносимых мучений.

Жители Чистых Миров порой чувствовали себя, как в аду, а из-за изнеженности и обилия наслаждений неизбежную старость и удары судьбы воспринимали чрезвычайно болезненно. Но и физические страдания теней, населявших Юдоль, были так сильны, что ни одно божество не могло их себе даже представить...

Нима не раз задумывалась о том, как ей удалось родиться в мирах, лишенных телесных страданий. Что ей помогло, долго ли она к этому шла? И что будет, когда ее благие заслуги иссякнут? Окажется ли она на этих темных равнинах, где, не переставая, хлестали ледяные плети ураганов, а под землей пылал нестерпимый жар?

Миры Сумрачной Тени не зря называли адскими измерениями. Родиться в них

считалось худшей участью из всех возможных, и теперь богиня увидела страдания несчастных существ воочию. Здесь царил настолько лютый холод, что их тела растрескивались, обнажая мгновенно синеющую на морозе плоть. Божества спокойно переносили любые перепады температуры, но вот хозяева планеты такой чудесной способностью похвастаться не могли. Повсюду стонали промерзшие насквозь твари, успевавшие претерпеть за свой короткий жизненный цикл невероятные муки.

Нравы замерзающих насмерть чудовищ выглядели жутко даже по сравнению с динозаврами Мары, обычно мирно уживавшихся с родственниками. Те хотя бы заботились о потомстве, а здесь, как только одна из тварей слабела, ее тут же жадно пожирали соседи. Через завывание вьюги слышался леденящий кровь визг разрываемых жертв, и звучание этой ужасной симфонии сводило богиню с ума.

Нима ясно поняла, как глупы и недальновидны жители Чистых Земель, рассчитывая пребывать в праздной неге почти бесконечно. Исчерпав карму, что в свое время привела к их рождению в высших мирах, божества рано или поздно окажутся здесь. Они уже падали в глубокую пропасть, но пока наслаждались чувством полета, рассеяно наблюдая острые и живописные камни, что встретят их тело внизу...

Вход в «кротовую нору» ощущался как слабая гравитационная аномалия, очаг которой находился где-то глубоко под землей. Добраться туда можно было через сеть подземных тоннелей, кишевших ужасными тварями, и Ниме пришлось принять облик одной из них. Богиня забила в щель под ледяной скалой, откуда долго наблюдала за ними, чтобы скопировать их мимику и походку.

Несчастные существа невыносимо страдали, болезненно умирали и рождались заново, переживая этот кошмар вновь и вновь. Они были не в силах вырваться из кармической западни, поскольку не встречали примера для проявления истинной доброты и сострадания. На удар здесь всегда отвечали ударом, а на чужой жадный взгляд — вспышкой ослепляющей ярости. В результате негативные качества все укреплялись, обрекая разум на все более низкие перерождения. И этот адский цикл мог длиться миллионы лет, пока случайная позитивная мысль или действие не дарили шанс благоприятной реинкарнации...

Сердце богини разрывалось при виде страдающих тварей. Она ничем не могла им помочь, но вот Атма способна на многое! Но, чтобы безопасно ее сюда провести, надо поставить порталный маяк у «норы», опередить ищеек Канцелярии и не подпускать близко Мару.

С первой частью плана сразу возникли проблемы. Добраться до нужного места оказалось непросто. Превращение в подобие здешних обитателей потребовало создания на теле многочисленных кровотокающих трещин, в которые тотчас устремились полчища паразитов.

Мерзкие черви со стальными клювами вгрызались глубоко в плоть и аннигилировали во внутренностях, встречая субстанцию противоположной полярности. Нима пока терпела, но быстро теряла энергию: мелкие твари причиняли ей уже самые настоящие раны. Кроме того, ее странное поведение не могли не заметить местные, почуявшие запах стылой крови.

Богиня торопливо спускалась вниз по тоннелям, с трудом преодолевая непривычную для божества боль, а сзади ее преследовала быстро увеличивающаяся толпа теней-падальщиков. Адские отродья вели себя дерзко и все более уверенно, угрожая вонзить длинные желтые клыки в спину. Гравитационная аномалия ощущалась где-то совсем рядом, и Нима ускорила шаг, рассчитывая оторваться и выиграть время.

Центр тяжести ее нового тела находился непривычно высоко, отчего гостью Юдоли шатало и ощутимо кренило то на одну, то на другую сторону. Озабоченное похрюкивание сзади сменилось нетерпеливым радостным визгом и щелканьем зубов. Топот десятков лап стал частым и близким. Богиня почувствовала зловонное дыхание — ее догоняли!

Сильный толчок в спину!

Нима повалилась вперед, перекувырнулась через голову и понеслась по темному тоннелю на четырех конечностях, что показалось ей гораздо удобнее. Преследователи на миг опешили от непривычного способа передвижения жертвы, но через секунду пришли в себя и с оглушительным воем бросились в погоню.

В любой момент богиня могла телепортироваться в Чистые Земли или поменять облик на что-то более быстрое. Но тогда она выдала бы себя, а слухи о необычном феномене непременно дошли бы до высших теней.

Нет, ей сюда вести Атму! Маяк требовалось поставить как можно ближе к «кротовой норе», чтобы не рисковать драгоценной девчонкой напрасно. Богиня стиснула клыки и, не обращая внимания на острую боль, неслась по узкому коридору к цели. Она совсем рядом, еще немного!

Подгоняемая торжествующим улюлюканьем, Нима вылетела из тоннеля на небольшое плато, заканчивающееся отвесным обрывом. Глубоко внизу пузырилось и парило зловонное озеро с берегами ядовито-желтого цвета. А чуть дальше, среди серых и острых, как лезвия, скал лежал большой багровый валун, издавек выделявшийся своей непохожестью на все окружающее. Края камня казались нечеткими, словно вокруг него плавился воздух. Скорее всего, там и скрывалась «нора».

Все огромное пространство пещеры от края до края заполняли уродливые и, видимо, очень голодные существа. Сверху эта шевелящаяся черная масса казалась ожившим жутким ковром, затаившимся в ожидании жертвы.

Нима решительно оттолкнулась от края обрыва и полетела вниз под разочарованный гул преследователей. Серная кислота озера разъест тело, и маяк можно будет легко поставить прямо на дне. А потом спокойно возвращаться домой, чтобы отыскать Атму...

Бегущий по галечному ложу лесной ручей ласкал слух тихим журчанием. Студеные струи приятно охладили тело, и хвостовой плавник лениво шевелился, удерживая Атму в сильном течении. Ей нравился чувственный облик русалки, оставившей загадочный и романтический след в человеческом эпосе. Рыбья чешуя отливала золотом, мягко сияя в пляшущих бликах солнца. Хансу этот образ наверняка бы понравился.

Атма скучала по этому человеку, но не знала, сможет ли когда-нибудь вернуться на Землю или хотя бы не прятаться на периферии галактики. Она до сих пор не понимала, что произошло, кому можно верить, и почему ее скромная персона всем так сразу понадобилась. Было ощущение, что произошло какое-то ужасное недоразумение. Ее с кем-то перепутали, и теперь весь мир требует расплаты и гоняется за ней, чтобы отомстить.

Что Ханс сделал с ней, зачем она ему это позволила? Кто он? Может быть, вообще неведомое и опасное чудовище, что пожирает наивных дурочек сразу после того, как затрахает их до смерти? Или чудовище тут только она, если вытворяла такое?.. Что между ними произошло?

Атма отчетливо помнила только неожиданную, но долгожданную атаку Ханса, и страсть, охватившую все ее существо. Послевкусие пережитого до сих пор не оставляло. Этот жар она даже сейчас гасила с трудом в прохладных водах ручья. Нимфа всерьез опасалась, что желание попросту взорвет ее изнутри, что она бездумно вернется обратно, чтобы с восторгом броситься в объятия Ханса.

И пусть там кишмя кишат жуткие монстры! Ей плевать!

Спокойней, спокойней... Неужели за ней гоняются тени? Зачем им обычная нимфа? Она еле унесла от них ноги, так неужели вся возня вокруг нее как-то связана с Хансом?

Воспоминания о побеге отрезвили. Экстаз неопишуемого наслаждения, стремительное нападение мелких ужасных существ, яростно сражавшийся Грид, безумный взгляд Мири, неподвижный Ханс — неясные и отрывочные картинки на миг всплывали из тьмы, перемешивались и бесследно таяли в тумане забвения... Происходило ли все это на самом деле?

Нет, такое не могло присниться или быть галлюцинацией. Атма ясно помнила, как попала в засаду. Напуганная и растерянная, она оставила Ханса, инстинктивно уйдя в портал, но на выходе ее ждали новые полчища монстров! И это в Чистых Землях, в самой спокойной и безопасной зоне галактики!

Скорее всего, тени из Сумрака. Атма много слышала о них, но никогда не видела. Они всегда казались ей бесконечно далеким мифом, страшной сказкой, персонажи которой не могли сойти со страниц. Но внезапно все это обрело реальность, обернувшись сонмами адских чудовищ, набросившихся со всех сторон.

Как все это могло случиться? Должно быть, с ней что-то не так. Она просто заболела, этих тварей тут не должно быть! Такие вообще не могут существовать во Вселенной!

Тогда, попав в окружение, Атма зажмурилась и закричала от ужаса, понимая, что сейчас ее разорвут в клочья. Время словно остановилось, а внешний мир будто исчез. Все стихло, ничего не происходило.

Нимфа осторожно открыла глаза. Она находилась в сияющей сфере, едва заметно

колыхавшейся под натиском злобных существ, безмолвно разбивавшихся вдребезги о стены света. Но интенсивность свечения быстро падала. Они вот-вот пробьются. Надо уходить в следующий телепорт! Туда, где много народа!

Рой разъяренных теней самоуверенно рванулся за ней, и Атма вывалилась прямо на Площадь Единства, у величественного здания Небесной Канцелярии. Наглое появление заклятого врага в самом сердце Чистых Миров до крайности изумило почетный караул асуров. Впрочем, оцепенение ветеранов от столь бесцеремонного осквернения святыни длилось недолго. Эти солдаты повидали на своем веку многое и мешкать не стали.

Взревев, они кинулись в атаку, и вся площадь скрылась в огне, где тени и божества смешались в вихре яростной схватки. Все гремело, сверкали росчерки ветвистых молний, а земля встала на дыбы.

В поднятой суматохе исчезновения крохотной нимфы никто не заметил. Но Атма еще долго петляла потом по галактике, путая след. Она слышала, что ее объявили в розыск, но не собиралась показываться никому на глаза. По крайней мере, до тех пор, пока не поймет, чего от нее все хотят.

В качестве временного пристанища нимфа выбрала одну из своих любимых планет на краю галактики. Эти заповедные земли она посещала еще ребенком, путешествуя в компании с Джаем. Изумрудные озера с прозрачной чистой водой, девственные леса и живописные закаты под тремя лунами обещали тишину и безопасность. Но старый ворчун утащил Атму из этого рая, опасаясь привязаться к местной идиллии. Она умоляла поселиться здесь навсегда, но строгий старик остался неумолим. В тот раз маленькая нимфа покинула планету в слезах.

Зато сейчас у нее есть надежное убежище и время все хорошенько обдумать. К несчастью, мысли ходили по кругу, неизменно возвращаясь к Хансу. Атма пыталась сосредоточиться, чтобы разобраться в стремительно завертевшейся карусели событий, но вскоре вновь обнаруживала себя в блаженно-мечтательном смаковании последней встречи с любимым. Тихая улыбка, взгляд с поволокой — ее разыскивает вся галактика, а она ведет себя, как последняя дура!

Нимфа раздраженно ударила хвостом по воде, выбираясь из ручья на хорошо прогретый солнцем валун. Возможно, на свежем воздухе получится думать яснее. Все последние дни она чувствовала себя очень странно. Ее переполняла какая-то новая, совершенно незнакомая энергия, бросавшая из крайности в крайность. Переживание глубокого покоя и удовлетворенности быстро сменялось вспышками бессильной ярости от непонимания того, что с ней происходит.

Атма понимала, что причиной необычных переживаний могло быть только то странное преобразование, произошедшее, когда Ханс набросился на нее в палате. Или она на него? В памяти сохранились только тусклые образы, больше похожие на фрагменты полузабытых снов, преследовавших ее каждую ночь после злополучного карнавала. Реальность причудливо смешалась с грезами, где невозможно четко отделить одно от другого. Атма могла только гадать, что действительно произошло, а что было видением. Но она хорошо помнила, как в тот день вся дрожала, словно зная, что случится, и буквально горела в предвкушении.

Похоже, в тот момент ее вели лишь инстинкты. Нимфа не сомневалась, что, если бы Ханс в тот раз не решился, она изнасиловала бы его сама, приняв необходимую форму и облик. Скорее всего, они оба — только инструмент, безвольные куклы, которых

использовали в таинственном и совершенно непонятном процессе. Но кто, для чего, и что будет в результате?

Атму не покидало ощущение, что внутри нее теперь прячется и растет нечто величественное. Намного большее, чем она, планета и, возможно, даже Галактика!

В уме возникла ассоциация с трепетом и удивлением крохотного существа, доверчиво взирающего на пробуждение вулкана. Глупышка сидит на краю кратера и, беспечно болтая ножками, ждет начала извержения и яркого шоу.

Перепуганная нимфа чувствовала себя точно так же. Потенциал колоссальной энергии вот-вот вырвется из нее чем-то немыслимым и грандиозным. Что же ей делать? Сейчас так нужна помощь Нимы!

Нима нашла Атму в ее обычном облике на большом камне у живописного водопада, падающего в быстрый и полноводный ручей, где та удобно свернулась калачиком и безмятежно спала, укрывшись прозрачными крыльями. Даже для избалованных красотой божеств нимфа выглядела невероятно. Ее лицо во сне казалось юным, светлым и по-детски невинным.

Богиня осторожно сделала шаг к ней, но впереди тревожно завибрировал почти невидимый купол. Она не стала спешить и протянула руку вперед, давая возможность «защитнику» убедиться в отсутствии враждебных намерений. Радужная сфера мигнула, словно раздумывая, и бесшумно растаяла.

Нимфа все же почувствовала присутствие постороннего. Она спросонья моргнула, проворно вскочила и шмыгнула мимо богини в заранее подготовленный телепорт.

— Атма, девочка моя! — торопливо поздоровалась Нима, едва успев предотвратить очередной скачок в отдаленную часть галактики. По горячему следу она бы все равно догнала ее, но межзвездная чехарда привлекла бы чужое внимание.

Атма наконец-то узнала богиню. Та была ей как мать, и нимфа со слезами бросилась к ней в объятия.

— Где Ханс? Он жив? — выпалила Атма то, что мучило ее больше всего.

— Конечно. Жив, свободен и, видимо, прекрасно себя чувствует под опекой Мири. Она о нем хорошо заботится... — безжалостно ответила Нима. Пришлось резать по живому, чтобы напрасно не терять время.

Нимфа сначала просияла, а через секунду отвернулась и потемнела, видимо, представив любимого в постели Мири. Ее сейчас не столько беспокоили тени, сколько сексуальность и привлекательность бойкой соперницы.

— А Грид? Я видела его там. Что с ним? — буркнула Атма, не глядя на богиню.

— Он умер. Хорошая смерть. Минотавр был настоящим героем. Не беспокойся, у него впереди благоприятное перерождение. Пожалуйста, давай сделаем, чтобы эта потеря не стала напрасной...

— Как? Как сделать? Что вам всем надо? — прошептала Атма в слезах, наверняка виня себя в гибели Грида.

— У каждого своя судьба, милая... — Нима попыталась успокоить девушку, взяв ее за руку, холодную, как лед. — Но у тебя она особенная. Я все объясню, но мне надо знать, что с тобой было.

Понадобилось некоторое время, чтобы Атма пришла в себя и хорошенько выговорилась, поведав о своих последних злоключениях. Новость о засаде у телепорта застала Ниму врасплох.

Как она за столько лет ничего не заметила? Тени давным-давно влезли в проект, подобрались так близко! И ведь все рассчитали, спугнув жертву в нужный момент. Основные их силы ждали нимфу на выходе, и, если бы не кокон «защитника», который ценой жизни сохранил Грид...

Богиня внутренне содрогнулась, представив, как тени добиваются своего, и надолго задумалась. Противостояние божеств и теней, видимо, закончится только одновременно с

концом этой Вселенной. И кто знает, что случится, если Атма попадет не в те руки...

А в ручье проплывали упавшие листья, словно жизни существ, уносимых безжалостной рекой времени. Мир меняется, но проблемы все те же.

— Как ты нашла меня? — подозрительно спросила Атма, прервав затянувшееся молчание.

— Ты мне как-то рассказывала, что влюбилась в эту планету. Оставалось только выбрать самое живописное место у лесного ручья и хороший вид на закат. Озерных нимф лучше всего ловить именно тут... — смеясь, ответила Нима, заставив Атму немного расслабиться и улыбнуться. — Твои крылья сияют на солнце так, что слепит глаза. Скорее всего, они хорошо видны даже из космоса. Тебя ищет вся галактика, следовало бы аккуратнее выбрать наряд...

— Да, не подумала... — виновато кивнула нимфа, но, видимо, вспомнив о преследователях, помрачнела и подобралась, словно собиралась вновь убежать. В ее настороженных глазах читался вызов. — Так что со мной происходит? Что они хотят получить? Чего хочешь ты?

Нима долго репетировала и представляла себе этот момент. Вызубренные слова буквально плясали на губах, требуя перестать бесконечно их жевать и наконец отпустить на свободу.

— Дай мне время объяснить все, как следует. Прости, что не могла рассказать раньше. Я проиграла в суде и больше не работаю на Канцелярию. Но вот от тебя зависит очень многое. Ты действительно необыкновенное божество, чье рождение было предсказано...

— Кем? — перебила Атма, дрожа от волнения.

— «Защитником» при первом и единственном контакте. Мара услышал от него только одну фразу: «Я вернусь, чтобы создать новый мир, когда рожденная под тремя радугами узрит видение — танец творения всего сущего...».

— Танец? — вздрогнула нимфа, вспомнив свой странный обморок на карнавале.

— Поэтому мы и не могли тебе ничего рассказать. Его слова можно понять очень поразному. В Канцелярии подумали, что будущее пробуждение «защитника» и его обещание создать новый мир обязательно разрушит старый. Никто не знал, чего от него ждать. Поэтому перед началом проекта решили не рисковать, вычистив Землю от прежних простейших организмов, чтобы обеззаразить планету. Вновь созданные существа использовали уже фосфор вместо мышьяка. По задумке, они не должны были иметь с «защитником» ничего общего. Ведь их создали мы, а не он. Как потом выяснилось, это ничего не меняло.

— А как он выглядел, когда говорил с Марой?

Нима несколько секунд подбирала слова. Все вроде бы располагало к откровенной беседе, но в результате богиня была не уверена. Этот мир в любом случае останется прежним, а вот новый может уже не возникнуть...

— Никак не выглядел. Контакт происходил телепатически. «Защитник» не имеет формы. Это необычайно могущественное создание представляет собой нечто вроде «коллективного разума», подобного разуму колонии пчелиного роя или муравейника. Есть версия, что он разыскивает и обживает планеты точно так же, как рак-отшельник находит подходящую раковину, превращая ее в гигантский и невероятно сложный организм. По сути, Земля такое же божество, как и мы, но сознающее себя лишь в первой части жизненного цикла. Потом сознание планеты рассеивается и живет уже в ее обитателях, насыщая их

праной. Чувствует и видит то, что видят они, рождается и умирает с каждым из них. Радует и страдает, проживая миллиарды жизней одновременно. Это похоже на магнитное поле, где стальные крупинки поднимаются, выстраиваясь определенным образом, и падают, если оно вдруг пропадает. Поэтому сознание и жизнь в грубой материи способны зародиться лишь в сфере «защитника». Он и есть эта жизнь! Его удивительный разум играет сам с собой, забывшись в своей истинной сути.

— Поэтому никто так и не смог продублировать наш проект на других планетах? — догадалась Атма, глядя на богиню широко раскрытыми глазами. — Ведь там нет «защитника»?

— Да, — кивнула богиня. — Именно поэтому. Мы подобны садовнику, который ухаживает за растением, формирует крону, но все же не является его творцом. «Защитник» развивается и растет сам, а мы из невежества приписывали все заслуги себе. Его тело планета, а ум — ее биосфера! И посмотри, что с ним сделали...

— А если бы мы не вмешались? Каким бы он стал?

— Не уверена в том, как выглядела бы Земля без нашего вмешательства, но всегда есть зависимость от причин. Сажая семя дуба, мы вырастим дуб, а не розу. Точно так же: посеяв причины страданий, мы получим страдания, а не счастье. Есть зависимость и от условий. Для идеального мира, о котором мы столько мечтали, они должны быть такими же идеальными. Из того же семени дуба способно вырасти как могучее дерево, так и карликовый бонсай. О конечном результате мы можем только гадать. Но то, что получилось сейчас, очень трудно признать успехом. Я не уверена в изначальных качествах самого «защитника», но сами божества уж точно не совершенны. Возможно, мы изуродовали его...

— А как же идея обрести просветление через реинкарнацию в человека? Получается, что все земные существа являются как бы одним забывшимся божеством? В проекте ошибка? Все было зря? — разочарованно спросила Атма.

Перед мысленным взором богини в одно мгновение пронеслось все ее прошлое. Триумф побед и горечь поражений, восхищение внезапного озарения и болезненное признание непоправимых ошибок. Миллионы лет труда, вся жизнь... Она отдала ее Земле без остатка. Первые бактерии, археи, улитки, головоногие, ее любимые трилобиты, динозавры Мары, борьба джедаев и ситхов, и, наконец — человек... Нет, не могло все быть напрасным!

— Девочка моя, вспомни, о чем я тебе всегда говорила, — вздохнула богиня. — Мы существуем лишь номинально. Как обозначение и имя, а не реальные объекты. Реинкарнация — это просто концепция, удобный способ для ума проследить цепочку причинности. Никто не перерождается, потому что никого нет. Ни один объект вселенной не обладает самобытием. Все проявленное — составное и взаимообусловленное. Оно всегда зависит от чего-то еще. Если ты действительно поймешь эту абсолютную истину, то у тебя не возникнет вопроса о перерождениях. Но раз ты спросила, я могу ответить и проще, с позиции истины относительной. Представь, что все божества Чистых Миров в том же положении, что жители Земли. То есть являются существами-проекциями гораздо большего «защитника», галактического масштаба — его «сном». Такая фантазия больше не противоречит теории перерождений, верно?

— А так и есть? — ахнула Атма.

— Кто знает?.. Давай-ка я лучше тебе расскажу одну древнюю сказку, которую как-то нашла в архивах, — Нима закрыла глаза, вспоминая детали.

— Добрую? С хорошим концом? — жалобно спросила нимфа, устраиваясь на теплом

камне удобнее. Плохих новостей она и так получила с избытком, а единственный финал, который бы ее устраивал, требовал обязательного присутствия Ханса.

— Когда-то здесь не существовало ни пространства, ни времени, ни нашей галактики, ни самого бытия, ни даже понятий «здесь» или «там». Да и сказать «было» или «не было» в отсутствии свидетеля попросту некому. И вот однажды из глубин вечного мрака кармическим ветром принесло семя Древа. Из него появился побег, который рос и раздвигал вокруг себя пустоту, запустив часы времени. Его корни образовали темное царство Сумрака, а ветвями и листьями стали Чистые Земли. Вскоре их заселили разнообразные и диковинные существа, проявившиеся в силу накопленной ими кармы. На вершине всегда шумела сочная молодая листва, поэтому там было вдоволь света и пищи. А внизу кора становилась все грубее и толще, и ее обитателям жилось далеко не так легко и вольготно. Древо давало еду и кров, позволяя расти на себе всему, что смогло на нем выжить. Но, к сожалению, оно тоже не вечно. Все стареет и умирает, рано или поздно рассыпаясь в прах, чтобы освободить место будущему. Иногда, очень редко, Древо расцветало, привлекая прекрасных существ извне. Они опыляли цветы, и вызревал сказочный плод, который был способен дать начало новому миру. Кармические ветры далеко унесут его семена, и где-то появится очередное Древо, чтобы продолжить безначальный и бесконечный цикл Бытия...

Некоторое время Атма молчала, размышляя над сказкой. Потом подняла глаза, полные слез:

— Я и есть этот цветок?

— Милая, цветком был как раз Ханс. Думаю, он нечто вроде органа размножения, выращенного «защитником», чтобы привлечь подходящую самку... Теперь ты беременна, и в твоём теле вызревает удивительнейшее божество. Только от тебя зависит его будущее.

— От меня? — пролепетала нечастная нимфа, сжавшись в растерянный и дрожащий комочек. Она явно не готовила себя к роли спасителя или творца нового мира. — Так все хотят забрать его? Что же мне делать?

— Пожалуйста, соберись. Нам ничего не принадлежит, кроме наших действий, а у каждого из них есть свои следствия. Настало время сделать для мира что-то хорошее. Ты должна быть сильной! Внутри тебя сокровище, величайшая драгоценность. Мы не знаем ее возможности и потенциал. Есть вероятность, что «защитник» способен создать даже вселенную...

— Еще одну? — почему-то ужаснулась Атма.

— Говорят, что они так и рождаются. Мы никогда не выходили за пределы родной галактики, но в нашей вселенной их миллиарды. Да и сами вселенные словно пляшущие пузырьки в безграничном кипящем котле, а внутри каждого из них свои законы и уникальная физика...

— Как мы можем о таком знать? Кто все это видел? — усомнилась нимфа, нервно теребя ажурное крылышко.

— Существа, подобные Джаю. Те, кто вышел за пределы сансары. Их возможности и активность непостижимы для обычного интеллекта. Мы не можем представить себе нечто, превосходящее границы нашего разума. Но все же кое-что доходит и к нам вниз. Медитативные переживания, видения... Ты же сама встретила на карнавале с чем-то подобным. Если духовными практиками очистить свой ум, то в нем не останется помех для всеведения. Кроме того, стройную теорию о бесчисленном количестве параллельных вселенных давно вывели наши ученые.

— Так какие у меня варианты? — робко спросила Атма, слабо представляя картину будущих вселенских родов.

— Их всего три. Какой мир смогут создать тени, я боюсь даже представить. Мара и Канцелярия мечтают заполучить тебя, чтобы поставить еще один грандиозный эксперимент. Но божества только что провалили свой проект! Какая вероятность, что с новым получится лучше?

— А третий?

— Милая, ты очень доброе и светлое существо. Пусть все идет естественным образом. У тебя есть редчайшая возможность осуществить наш проект в одиночку — создать совершенный и дивный мир. Я верю, что у тебя будет прекрасный ребенок! — Нима выразительно посмотрела на нимфу, не понимая причин ее колебаний.

Атма нахмурилась, машинально отодвинувшись от богини подальше. Ни один из предложенных вариантов ее не устраивал. И все это называют хорошим рождением и божественной жизнью? За что ей такая судьба? Почему она не может беззаботно наслаждаться в объятиях любимого?

— Но Джай в нашу последнюю встречу сказал, что мне лучше остаться с Марой...

— Послушай меня... Канцелярия погрузит тебя в стазис и будет веками рассматривать твое нутро в микроскоп. Вы с Джаем очень разные. На пути отречения нечасто встречается истинное сострадание. Но если ты обладаешь этим сокровищем, то все остальное по сравнению с ним фальшивое золото! Помнишь, что я говорила, когда мы впервые встретились? Все проблемы без исключения порождены эгоизмом! А он возникает из незнания нашей изначальной природы. Но я не буду давить. Если хочешь, мы прямо сейчас отправимся к Маре...

— Допустим, я соглашусь. Но что мне надо сделать? Все произойдет само собой? Я не умру? — недоверчиво спросила Атма, твердо настроенная вернуться к Хансу и оторвать голову Мири.

— Я не знаю, что будет, — честно призналась богиня. — Тени помешали завершению процесса трансформации. Она бы забросила тебя в высшие сферы, доступные только для просветленных божеств. По древней легенде в них и находится «Древо, исполняющее любое желание». «Защитники» рождаются именно там.

— Но у тебя же есть решение? Как мне попасть туда?

— Да, есть. И я уверена, что этот способ сработает, — пообещала Нима. — На вершину «дерева» можно забраться по-разному. Тени не дали сформировать тебе «крылья», значит, придется лезть через «дупло» в корнях.

— Куда? — не поняла Атма. Путешествие через загадочное «дупло» показалось ей не очень хорошей идеей.

— Видишь ли, черные дыры являются своего рода воронками, которые непрерывно поглощают материю. Втягивая ее в одном месте, выбрасывают в другом, образуя некий лифт. Судя по материалам, которые мне удалось раздобыть, один из них как раз и ведет в нужное место.

— Но, насколько я знаю, там все расплывается на элементарные частицы. Такого не перенесут даже наши тела! — возразила напуганная нимфа, представляя себя в колоссальной космической мясорубке.

— Да, но пространство рядом с черной дырой искривлено, как будто лист бумаги сложили несколько раз, и образует карманы и складки. А на ближайшей планете есть

«кротовая нора», соединяющая две его точки. Ты попадешь глубоко внутрь. Грубая материя распадется, а вот тонкая субстанция твоего...

— Может быть, попробуешь сначала сама? — возмущенно перебила Атма.

— Я бы пошла, не задумываясь, но меня не пустит. Не хватит кармических заслуг... — с сожалением призналась богиня. — «Древо Желаний» — высший «этаж» Чистых Миров. Туда могут попасть либо просветленные существа, либо... «защитники».

— В период нереста? — язвительно уточнила нимфа.

— Можешь это назвать и так. Я понимаю, что мое предложение звучит дико. Но другого выхода нет. Ты умрешь, если в ближайшее время не попадешь туда. С тобой погибнет целый мир.

— А кто-нибудь пробовал войти в «кротовую нору»? Вернулся, рассказал тебе о том, как добрался?

— Я видела этот путь в медитативных прозрениях. К тому же, есть косвенные указания из...

— Мы должны довериться твоим голосам в голове? — возмутилась Атма, вспомнив Снорка, который очень скептически относился к духовным поискам Нимы. — Почему же чуть раньше они не удосужились сообщить тебе про засаду?

— Я всего лишь божество, но что нам еще остается? — пожала плечами богиня. — Адские твари, клетка в лабораториях Небесной Канцелярии или смерть — альтернативы не из приятных. Прошу, просто поверь мне. Время уходит, нам надо спешить. Мара идет за мной по пятам. Я чувствую, что он близко.

Скачки по веренице межзвездных порталов привели прямо в озеро серной кислоты. К счастью, ядовитые пары скрыли от чужих глаз чудесное явление двух красавиц из слабо кипящего зловонного месива. Если на поверхности Мирцар всегда царил мрак и лютый холод, то в ее недрах пылал адский жар. Тьму освещали алые всполохи ручьев магмы, прорезающих дно огромной пещеры. Они казались кровеносной сетью колоссального титана, готового пробудиться, чтобы отомстить за тысячелетнее заточение. В плывущих во мраке островках пемзы, в переливах огня, играющего на раскаленных скалах, и даже в клубках едкого дыма заключалась величественная и суровая inferнальная красота.

Нима ловко забралась на невысокий утес, чтобы наметить дорогу, а Атма спряталась между камней, стараясь лишней раз не высовываться. Впервые встретившись лицом к лицу с миром Сумрака, она трепетала перед чужим измерением, порождающим столь ужасных и уродливых тварей.

Множество монстров рассеянно бродило вокруг низкорослых растений, изредка и неохотно источавших капли живительной влаги из острых, как бритва, колючек. Копыта несчастных созданий обуглились и слабо тлели, а ссохшаяся кожа кишела червями и личинками, медленно пожиравших хозяина. Повсюду пахло жженой шерстью и горелым мясом. Многие из обессиленных существ падали и корчились в страшных мучениях, поджариваясь заживо, пока их агонию не обрывали чьи-то челюсти.

Атма нервно озиралась, шокированная видом их невероятных страданий. Ей стоило большого труда принять вид одного из этих существ со всеми ожогами и гниющими язвами под паленым и свалявшимся мехом.

Что надо сделать, чтобы заслужить такое адское перерождение? Неужели и она когда-то тут так же страдала? Пока у нее еще есть совершенное тело, но что будет, если она потратит эту драгоценную передышку впустую?

Джай всегда говорил, что жители Чистых Земель непременно окажутся здесь, как только исчерпают запас благой кармы. А вырваться из круга низших рождений будет очень непросто. В галактике мало божеств, а вот число адских существ в нижних мирах почти бесконечно. Рассказы об их страданиях всегда казались Атме только страшными сказками, которыми ее так любил пугать старый ворчун. Но как же он был прав...

Все это время она самонадеянно обживала свой крохотный плот праздного счастья в бушующем океане сансары. Там раздавался только радостный смех, шумел карнавал, а в лучах южного солнца танцевал самбу Ханс. Пока еще дул теплый ветерок благой кармы, но волны уже методично и безжалостно выбивали одно бревно за другим. Ее плот таял на глазах, становился все меньше, и в какой-то момент ужасный финал делался очевидным.

Жизнь ловко прятала свой уродливый лик и только сейчас явила его наглядной картиной воюющих от боли существ, пророча мрачное и неизбежное будущее. Никто больше не притворяется, делая вид, что страдания и смерть их никогда не коснутся. А впереди всех ждет не покой, а кошмарные видения нижних миров. И, сидя под этой скалой, от них не спрятаться.

Атма вдруг почувствовала чье-то прикосновение и испуганно вздрогнула. Поток тягостных мыслей мгновенно иссяк, сменившись пугающей ясностью неизбежной развязки.

Как бы хотелось, чтобы все это оказалось только кошмарным сном...

Нима молча кивнула, взглядом указав в нужную сторону. Их цель совсем близка, но путь к ней лежал через толпу злобных и настороженных монстров, вызывавших у нимфы одновременно и жалость, и ужас, и отвращение.

Богиня же вела себя внешне уверенно. Войдя в роль, она решительно направилась к огромному бордовому камню, грубо расталкивая попадавшихся по пути тварей. Атма послушно поплелась следом, невольно шарахаясь от жутких чудищ. Она хорошо помнила инструкции Нимы, понимая, что надо вести себя нагло и дерзко. Но ничего не могла с собой поделывать, робко переступая через полумертвые тела, чтобы случайно не задеть их копытами. Добавить даже немного боли к страданиям адских тварей ей казалось невыносимым. Как богине удастся так спокойно идти по еще живой плоти и обнаженным костям?

Наверное, ее показное хладнокровие лишь видимость. Скорее всего, Нима точно так же боится, но собрала волю в кулак. Ведь провал миссии будет означать гибель целого мира, а она искренне верит, что он способен освободить и спасти даже этих несчастных существ...

Атма не знала, истинны ли гипотезы Нимы, но верила в ее мудрость и самоотверженность. Что оставалось делать? Кому еще можно довериться, на кого положиться?

Так или иначе, скоро все само собой разрешится. Если верить словам «защитника», ее судьба predetermined, и оставалось только узнать, чем все закончится. Нимфа успела смириться со своей участью, жалея только о том, что не попрощалась с Хансом. В глубине души она все же надеялась, что сумеет вернуться.

Цель их путешествия скрывалась в огромном темно-бордовом камне, торчавшем из земли, словно клык исполинского чудища. Казалось, оно вот-вот взорвет скалы и вылезет целиком, чтобы пожрать двух наглых божеств, осмелившихся зайти на его территорию.

Потоки магмы затейливо обтекали рубиновый камень со всех сторон, словно подчеркивая его значимость. Атме подумалось, что он похож на драгоценное украшение, окаймленное раскаленной добела лавой. Воздух над ним слегка дрожал, искажая перспективу, будто там плавилась и таяли сами пространство и время. Язычки пламени сбегали по неровным склонам, источая мягкое золотистое мерцание. Камень притягивал и манил к себе, обещая спасение, и нимфа покорно шла, подчинившись его гипнотической силе.

Тем временем орда тварей вдруг заволновалась и пришла в движение. Каким-то внутренним чутьем они почувствовали чуждую им энергетику, но не могли найти ее источник. Возникло несколько спонтанных потасовок, но они быстро закончились. Чудища нервно топтались, раздували ноздри и жадно принюхивались, вдыхая раскаленный воздух. Видимо, они ощущали присутствие необычных гостей.

Перепрыгивать лужицы кислоты и ручейки лавы в новом облике было непросто, но Атма старательно следовала в кильватере Нимы, искусно пробивавшей дорогу в толпе. Болезненные тычки, удар копытом и когтистой лапой маскировали лучше самой тщательной мимикрии. Здесь уважали силу.

Внезапно и совершенно некстати Атма ощутила сильный внутренний спазм. Будто кто-то властно напоминал о себе, торопя и пробуя силы. Тело затрясло, ноги не слушались, дыхание стало быстрым и частым.

Богиня тревожно обернулась, но поддержать и, тем более, открыто помочь не решилась. Грозно рывкнув, богиня отвесила оплеуху слишком близко подошедшему чудищу, стараясь

заслонить нимфу от чужих глаз. Она напряженно оглядывалась по сторонам, заметив, что толпа вокруг становится все плотнее. Искомый камень так близко, но сейчас им нужна передышка.

Обессиленно упав на колени, Атма уже понимала, что времени почти нет. Она надеялась быстро восстановить силы и переждать спазм, но колоссальная энергия давила изнутри, рвалась наружу. Приближалась финальная стадия метаморфозы, а «роды» в неподходящем месте, со слов Нимы, непременно приведут к катастрофе.

Согнувшись пополам, нимфа пережидала острые вспышки такой непривычной для божества физической боли, но вокруг толпились тысячи существ, страдающих неизмеримо больше. Прямо перед ней лежала, слабо ворочаясь, изможденная и, видимо, умирающая тварь. Вместо ног у нее белели огрызки костей, а на остатках гниющей плоти пировали слипшиеся в комки паразиты. Расширившиеся от нестерпимой муки глаза помутнели, но смотрели куда-то в одну точку. Бедняга вытянулась в струнку и ползла, пытаясь добраться до чахлого кустика.

Атма проследила за ее взглядом и увидела небольшой лист с крохотными каплями влаги. Похоже, он казался ссохшемуся от жары монстру величайшим сокровищем, способным облегчить страдания последних минут, и он щедро оплачивал каждый пройденный сантиметр неопишуемой болью. Не задумываясь, нимфа взяла листик и подвинула его к раскрытой пасти умирающего существа.

И вдруг словно взвыли сирены. Пещеру наполнили вопли ярости, как будто на последнее движение Атмы отреагировала невидимая, но чуткая сигнализация.

Только сейчас нимфа поняла, что наделала. Кто-то из теней заметил ее невольный порыв. Она выдала себя, проявив сострадание!

Все пространство перед ней превратилось в оживший кошмар. Вид появившихся чудовищ парализовал мысли. Смертельная опасность обострила все способности до предела, но не подсказала ни одного решения патовой ситуации. Скорее всего, приемлемого для Атмы выхода попросту не было.

Она могла бы мгновенно прыгнуть в портал, чтобы уйти в далекое и безопасное место, но «роды» уже начались, а второго шанса добраться до «Древа» не будет. Можно было сразу отрастить себе крылья и подлететь к камню, но тогда на них навалились бы орды разъяренных теней, а ведь предстояло еще понять, как попасть в «нору»!

Оставалось только схлопнуться в точку, чтобы попробовать раствориться в скальной крошке, но чьи-то сильные и цепкие лапы схватили Атму за ноги и поволокли куда-то, разлучая с богиней.

Горизонт перевернулся, вокруг — лишь оскаленные и брызжущие слюной безобразные пасти. Нимфа вскрикнула: стальные когти вошли глубоко ей под кожу, а мелкие и острые, как иголки, зубы впились в тело в нескольких местах сразу. Ее трясли и мотали из стороны в сторону, как безвольную тряпку, разрывая на части. Прана уходила таким мощным потоком, что грозила закончиться через несколько жалких, таких коротких секунд.

Атма готовилась встретить смерть, с трудом балансируя на краю сознания, поглощенного болью. И вдруг ее отпустили...

Еще ничего не понимая, нимфа упала на землю. Она перекатилась и отползла под ближайший камень, каждую секунду ожидая удара. Монстры почему-то вдруг потеряли к ней интерес, сгрудившись теперь там, где оставалась богиня.

Нимфа торопливо восстанавливала изувеченное тело, и вскоре кровавая пелена спала с

глаз, слух вернулся, и только сейчас она услышала из толпы чудный мелодичный голос Нимы. Богиня декламировала красивую и очень древнюю песню:

Я сумею дождем яств и напитков
Уничтожить муки жажды и голода.
А в голодные годы обращусь я сама в напитки и яства.
Да стану я для всех неистощимой сокровищницей.
Да буду я превращаться во все, что им нужно,
И буду всегда у них под рукой.

Оцепенев от ужаса, Атма всматривалась в шевелящуюся черную массу тварей, пытаясь взглядом отыскать Ниму. Но в этой радостно визжащей толпе ее не было. На месте богини теперь пучилась и росла громадная туша живого трепещущего мяса, на которой висели гроздь чудовищ, жадно рвавших ее клыками.

Аппетитный запах мгновенно разнесся по подземелью, поднимая на ноги самых обессиленных монстров. Они восторженно урчали, толкались, падали и снова лезли вперед, словно обезумев от неожиданно свалившегося на них сокровища.

Атма, рыдая, смотрела, как Нима приносит себя в жертву. Она понимала, что больше никогда ее не увидит. Богиня подманивала адских тварей к себе, приглашая на пир, где каждая из них находила себе что-то по вкусу. Трансформируя себя в нежное и сочное лакомство, она тратила последние остатки праны, но продолжала петь:

Нисколько не жалея, я отдаю свое тело
И все добродетели трех времен на благо живущим.
Пусть же они с ним делают, что угодно:
Бьют, унижают, лишают жизни.
Пусть забавляются с телом моим,
Выставляют его на посмешище и порицание.
Что мне до этого? Я уже отдала свое тело.
Пусть поступают с ним, как хотят,
Лишь бы это им не причинило вреда.

Голова кружилась, но Атма, шатаясь и глотая слезы, рванулась к камню, заставив себя не оглядываться.

Она сможет! Она добежит! Жертва не должна быть напрасной!
А за спиной нимфы продолжала греметь песнь богини:

Да буду я защитником для беззащитных,
Проводником — для странствующих.
Да стану я островом для жаждущих увидеть сушу
И светочем — для ищущих света.
Да буду я ложем для изнуренных
И слугой для нуждающихся в помощи.

С другой стороны подземелья раздался чей-то крик ярости и отчаяния. Там что-то с

шумом взорвалось, ухнуло, и по стенам пещеры влажно зашлепали куски разорванной плоти. Темные тучи монстров накатывались бесконечными волнами и разбивались о какой-то подвижный объект, разлетаясь от него далеко в стороны. Кто-то изо всех сил прорывался к богине, но шансов спасти ее уже не было. Голос Нимы слабел и, наконец, стих, оставив после себя медленно тающую цепочку ярких сферических радуг.

Атма почувствовала себя опустошенной и одинокой, словно оборвалась единственная нить, удерживающая ее на краю пропасти. Она будто падала в бездну, удивленно подумав, что мир покинуло само воплощение сострадания, аватар истинного милосердия и доброты, а он не перевернулся!

Богини больше не было, но эхо ее последних слов все еще звучало в уме нимфы:

Да стану я чудотворным камнем, благим сосудом,
Волшебной мантрой и снадобьем от всех болезней.
Да стану я деревом, исполняющим их желания,
Да буду и я источником жизни для чувствующих существ Вселенной,
Пока они не достигнут нирваны...

Монстры, дожав останки, вспомнили про Атму. Предвкушая легкую добычу, твари понеслись к ней. А она стояла у цели, но все еще не могла найти вход в «кротовую нору»!

Она билась и билась о гладкий горячий камень, терла его, вырывала когти, пытаясь выцарапать проход, но все напрасно. Отчаявшаяся нимфа смогла оставить на невозмутимой поверхности лишь несколько еле заметных ямочек, мелких выбоин и кровавых полос. Скала встречала все ее попытки безжалостно и равнодушно. Под полупрозрачной поверхностью просматривалось некое завихрение в окружении слабо мерцающих огоньков, но как туда добраться?

Топот сотен копыт угрожающе приближался. Атма обернулась и прислонилась спиной к стене, обреченно глядя на мчащихся монстров. Сейчас ее разум в последний раз оглушит взрывом боли — и все будет кончено.

Тем временем черная точка, яростно бившаяся в дальнем конце пещеры, расчистила вокруг себя место, оградив его валом из поверженных монстров. Высоко подпрыгнув, она стремительно понеслась к Атме, по мере приближения превращаясь в грозного шестирукого асура в его истинной форме.

Узнать Мару в гневном облике разъяренного божества нимфе удалось не сразу. Три красных глаза на иссиня-черном лице свирепо вращались. На голове — корона из белоснежных шипящих змей, объятые огнем доспехи — в крови и слизи, а в каждой из шести рук — по короткому мечу или трехгранному кинжалу с сияющим лезвием.

Тени мгновенно забыли про Атму. Демиург опустился на место гибели Нимы, и волна из земли и камней хлестнула во все стороны, швырнув перепуганных тварей высоко в воздух. Асур двигался так стремительно, что казался смерчем, превращающим в кровавый фарш все, что осмелилось встать на пути.

Итак, Мара все же выследил Ниму. К несчастью, порталного маяка в пещере у него не было, и он появился слишком поздно. Спасти любимую не успел, но видел ее смерть и теперь вымещал отчаяние и боль на адских существах, гибнущих сотнями под его ударами.

Но жуткая мясорубка на Мирцар быстро привлекла внимание высших теней. Тревожно протрубил рог, и под торжествующие вопли врагов от стен подземелья отделились высокие

призрачные фигуры, будто сотканные из самой тьмы. Монстры такого ранга уже ни в чем не уступали демиургу...

Всеми позабытая, Атма продолжала бессильно царапать неприступную стену. Нимфа чувствовала себя все хуже и быстро слабела. У нее мелькнула мысль, что, как только Мара чуть успокоится, то утащит ее за собой в портал Канцелярии. Это будет совершенно бессмысленно: она умирает...

Словно угадав ее мысли, демиург пристально взглянул на Атму, и она в страхе замерла, не понимая, чего ждать. После секундной паузы Мара бросил в нее огненный мяч. Нимфа испуганно зажмурилась, но удар пришелся выше, в ту часть скалы, где еле заметно плавился воздух.

Багровый камень сотрясло от мощного взрыва, и передняя кромка осыпалась. Атма, не мешкая, рванулась внутрь и, уже исчезая в пустоте, благодарно кивнула демиургу.

Мара на секунду остановил свой танец смерти и поднял руку, прощаясь. А ей показалось, что лицо свирепого воина залито слезами...

— Кто я?

Отвечать на вопрос никто не торопился. Вокруг сиял только ослепительный свет.

— Кто я?

На этот раз в голосе слышалось нетерпение. Что-то упрямо требовало от мира реакции.

— А кем ты хочешь быть?

Память наконец вернулась к Атме, но нимфа еще не понимала, где она и с кем разговаривает. Последним воспоминанием был прощальный жест Мары.

— Не знаю... Я умерла?

— А разве ты жила? — неизвестный словно издевался над ней.

На мгновение Атма подумала, что сошла с ума и разговаривает сама с собой. Пребывать в бесформенности было столь непривычно, что она не могла отделить внешнее от внутреннего.

Да и где искать и то, и другое? Сознание словно растворилось в бесконечном пространстве, оставив лишь понимание собственного бытия.

Можно ли считать себя Атмой, да и была ли такая вообще? Какие из возникающих мыслей свои, а какие чужие? Память — вот единственное, за что мог сейчас уцепиться рассудок. Но чья это память? А если всплывут другие воспоминания? Какие из них будут настоящими, да и имеет ли это значение?

— Ты Дерево? Покажись! Я не могу нормально думать в бесформенности! — мысленно закричала Атма, устав от загадок.

— Хорошо. Если тебе так хочется... — прошелестел голос.

Атма с облегчением ощутила собственное тело, безмятежно парившее в воздухе над сказочно-красивым каньоном. Серебряный серпантин реки вился среди крутых скал, заросших причудливо изогнутыми соснами, змеясь к темно-синему озеру. Ветер легонько покачивал верхушки деревьев, принося ароматы хвои и горных трав, а красный диск солнца только начинал опускаться за горизонт, расцветив перистые облака яркими красками.

Иллюзия? Скорее всего, ей подсунули одну из картинок, сохранившихся в ее памяти. Но вдруг здесь исполняются любые мечты? Это же высшие сферы Чистых Земель! Древ Желаний! Должно быть, тут все так и работает...

Атма немедленно попыталась материализовать Ханса. Свет напротив стал сгущаться, уплотняясь в медленно проявляющийся силуэт знакомой фигуры.

— Джай! — удивленно и одновременно разочарованно воскликнула Атма. — Ты... ты Дерево?

— Нет, конечно, — рассмеялся старик. — Можно сказать, что оно в любом из нас, хотя и недоступно для понимания. Так называют нашу истинную суть — незамутненное «пространство осознанности». Его называют и «извечным и самосияющим переживанием бытия», «союзом пустоты и воспринимающей ясности», но без постижения на собственном опыте все эти определения не добавляют ни капли истинного понимания.

— Но ты же только что выразил его словами, — не поняла нимфа.

— И значит, сразу же солгал! — улыбнулся он. — Разбивая сосуд, мы не освобождаем пространство в нем. Оно никогда и не было связано куском глины. Дерево вне любой

концептуальности и ограничения, не заблуждается и не освобождено, не создано причинами и не меняется из-за условий. Нельзя сказать, что оно существует, но это не означает, что его нет. Оно не улучшается просветлением мудрецов, но и не омрачено неведением.

— Тогда как его получить или достичь? Что надо делать, чтобы понять или хотя бы увидеть?

— Не надо никого догонять, желать, ожидать или понимать. С каждым шагом ты будешь только от него отдаляться. Не требуется ничего создавать. Древо уже есть. Надо только его обнаружить, пребывая без отвлечения, фиксации и концептуализации. Позволить себе просто быть и не мешать этому естественному переживанию проявляться спонтанно. На самом деле, для нас это чрезвычайно сложно. Мы привыкли бултыхаться в собственных мыслях.

— Так ты Джай или... — Атма с подозрением рассматривала разговорчивый объект, так и не поняв ничего из его длинной речи.

— Или. Моя маленькая нимфа тут же влезла в привычную субъектно-объектную дихотомию... — проворчал старик, сочувственно покачав головой. — Если тебя интересует судьба Джая, то не беспокойся о нем. Его заблуждения прекратились, разум перестал быть разумом, фантазии пропали, и он пребывает в прохладном покое самобытия, подобно тающему облаку в осеннем небе.

— А Нима? А Грид? Я могу увидеть их?

— Зачем тебе нужны другие? Все это только тени, проекции Древа в мире иллюзий. Оставь свой ум в неосложненной естественности, как он есть! Ты не найдешь истины в двойственном мышлении, даже если будешь размышлять вечность. Логикой не пробить броню дуальности. Разум создает лабиринт, где сам и блуждает многие жизни. Но выхода нет! Ходить в его плоскости бесполезно. Наша проблема как раз в этом движении, когда хочется чего-то достичь и что-то исправить. А надо лишь остановиться, подняться над ним, увидеть замкнутый круг сансары. Там могут встретиться как страшные, так и очень занимательные картинки, но привязанность или отвращение запрут тебя в них очень надолго. Там некого любить, нечего ненавидеть...

— Джай! — утвердительно кивнула нимфа, более не сомневаясь. Она хорошо помнила его темперамент и занудные лекции с детства.

— Атма, как же я рада, что ты спаслась... — новый голос застал ее врасплох. На месте старика теперь сидела богиня!

— Нима? — недоверчиво протянула нимфа, вглядываясь в новую собеседницу. — Так Древо — это одно общее сознание на всех? Но почему тогда существует страдание?

— Нет-нет... все не так. Милая, ты слишком привязана к форме и имени, — богиня узнаваемо-мягко взяла Атму за руку. — Свет, проходя через разные призмы, преломляется в них столь же по-разному, но не меняет истинной сути. Нужно очистить ум состраданием, отречением или хотя бы верой. Когда внутренние препятствия исчезнут, место освободится, и разум сам все увидит.

Атма не поняла мысль богини, но, вспомнив, что минуту назад говорил Джай, решила оставить попытки объяснить этот мир логикой. Гораздо больше философии ее интересовало другое.

— Но сейчас со мной что? Я родила? Справилась? Где «защитник»? — растерянно пролепетала она.

— «Защитник» — это ты, моя девочка. Прости меня, я так ошибалась... — прошептала

Нима.

— Я? — изумленно воскликнула Атма.

— Ты. Но это не решит всех проблем. Никто не даст тебе свободу, если ты сама связала себя. Пожалуйста, пойми, что к тебе не придет ни спаситель, ни другой «защитник», чтобы вытащить тебя из сансары. Я могу лишь показать путь, но ты должна все сделать сама.

— У меня нет проблем! — упрямо заявила нимфа. — Мне надо только попасть обратно! — вырвалось у нее, но вместо богини напротив теперь сидел Грид или скопированный Древом образ. В этом Атма так и не разобралась.

— Черная дыра — всегда ворота во времени, — усмехнулся он. — Внутри нее все так искривляется, что время и пространство меняются местами. Нельзя вернуться назад и выбраться из-за горизонта событий, точно так же, как никто снаружи не способен на путешествие в прошлое. Ты предсказала собственное рождение, когда тебя нашел Мара. А потом растворила прану в земных тварях и родилась нимфой в Чистых Мирах на Озерах Белого Лотоса.

— Я закольцевала себя во времени? — потрясенно ахнула Атма.

— И давным-давно. Мой народ обожает древние лабиринты, а ты построила собственный и не собираешься из него выходить. Вот скажи честно, чего ты хочешь? Какая привязанность в тебе самая сильная?

— Хочу, чтобы все живые существа обрели просветление... — автоматически-заученно пробормотала Атма, но, увидев насмешливое выражение рогатой морды, замолкла. — Да, на самом деле я хочу быть с Хансом. Я люблю его, понял?! И мне не нужен мир, где его нет! — прокричала она Гриду в лицо.

— Вот видишь... — развел руками минотавр. — Разум вечно играет со своими проекциями. Всегда есть возможность изменить судьбу и прервать цикл, но ты с удивительным постоянством выбираешь одну и ту же реальность. Нима в ней еще даже не родилась, а Ханс появится только через миллионы лет. Хотя их новые версии могут слегка отличаться.

— Как так? Разные Хансы, разные Нимы? И даже ты? — Атма кивнула на вальяжно развалившегося минотавра, который успел соорудить для себя роскошный золотой трон.

— Все! Ты думаешь, что делаешь все в первый раз? Конфликт и архетипы персонажей у тебя одни и те же. Слегка меняются лишь обстоятельства.

— Но разве можно изменить то, что будет? Тем более — что уже было? Что происходит в действительности?

— Никакой «действительности» нет. События прошлого не происходили каким-то определенным образом. Вместо этого они произошли всеми возможными вариантами. Это связано с вероятностным характером вещества и энергии. Наши знания о прошлом основаны на измерениях, которые произведены в настоящем, и до тех пор, пока не найдется сторонний свидетель, мир будет парить в неопределенности. Ничто никогда не случилось, но это не мешает произойти чему угодно! Одна Атма распознала игру собственного ума и обрела просветление, вторая погибла в пещере, а третья продолжает гоняться за миражами. Но они не знают друг о друге и никогда не встретятся, чтобы обменяться впечатлениями, нарушив законы физики. Нет и внешнего наблюдателя, который смотрел бы за их приключениями. Поэтому, независимо от того, какие воспоминания мы храним, события прошлого не определены и существуют в виде спектра возможностей. Точно так же, как и с будущим. Ты можешь выбрать и проявить любое из них. Так иди, сделай для себя новую Землю, творец...

***

Тупайя проворно спрыгнула с пальмы и под одобрительный писк сородичей вскарабкалась на перила веранды. Сверкая любопытными черными глазками, она отважно подкрадывалась к гамаку, где неподвижно лежал человек. Должно быть, он слишком долго не двигался, поэтому вороватая белка и решилась стащить остатки завтрака.

Заметив зверька, Ханс протянул ему кусочек лепешки, ожидая, что тот возьмет лакомство с рук. Но с пальмы тревожно заверещали болельщики и, высоко подпрыгнув, тупайя молниеносно исчезла в спасительной листве наверху. Какое-то время под громкий щebet и цоканье там шло оживленное обсуждение славного подвига. К счастью, вскоре у стаи нашлась новая цель, и шумная мелочь оставила наконец Ханса в покое.

Теперь его безмятежный отдых скрашивали только несколько бутылок холодного «Чанга» да пара пятнистых гекконов, сидевших на идеально ровном потолке. Нагло игнорируя законы гравитации, они невозмутимо медитировали, следя за изредка пролетающими насекомыми.

Ханс поймал себя на мысли, что он им завидует. В их размеренной жизни существовали только аппетитные мухи, теплые лучи южного солнца и уютная веранда старенького бунгало со смешными двуногими существами, которых вечно что-то не устраивает. Эти странные гуманоиды все время нервничают, хотят, ищут и постоянно чем-то недовольны. Отсюда, сверху, они кажутся высокомерными глупцами, посвятившими свою жизнь подготовке к тому, что с ними никогда не случится. Ведь счастье уже давно здесь! Прямо на этих шершавых, хорошо прогретых деревянных балках! Отсюда так удобно свесить хвост, презрительно наблюдая за суетой безумцев внизу.

Гекконам нельзя отказать в этой логике, но Ханс ничего не мог с собой поделаться. Он жив, обеспечен и почти здоров, и позволяет ухаживать за собой Мири, на которую восхищенно заглядывается все мужское население побережья. Ему люто завидовали, тем не менее, счастья все не было. С ним нет той единственной, которая могла бы заполнить бездонную и черную, как ночь, пустоту. С ним нет Атмы!

Откуда-то Ханс точно знал, что больше никогда ее не увидит. Она словно исчезла из Вселенной, вырвав и забрав с собой большую часть его души. И теперь он ходил, как живой мертвец, как чучело с вычищенным и освежеванным нутром, вместо опилок до отказа набитым отчаянием. В душе зияла такая дыра, что в нее уместился бы весь этот остров, кишущий восторженными дайверами и туристами. Им это место наверняка казалось истинным раем. Три года назад Ханс охотно бы согласился с этим, но сейчас он жил, как в аду — ад этот находился в его собственной голове.

Все говорили — как им с Мири повезло, что спасатели быстро нашли их и вытащили из руин. Но если это везение, то что же тогда неудача? Что может быть страшнее разрывающей сердце тоски?

Конечно, ни ему, ни Мири никто не поверил, списав их рассказ на поврежденную психику и посттравматический синдром. Здание Фонда оказалось полностью разрушенным, а все его сотрудники погибли, хотя жертв в городе было очень немного. Странно, но мертвые тела находили даже на безопасном расстоянии от эпицентра землетрясения. Никто не мог толком понять, чем занимались в этом научном центре. Остатки аппаратуры и записи об экспериментах таинственным образом исчезли прямо со склада, куда их доставили и

сгрузили сразу после стихийного бедствия.

Ханс вместе с Мири прошел короткий курс реабилитации в местной психиатрической больнице. Врачи не понимали, что за удивительный чип установлен в его черепной коробке, наотрез отказываясь к нему подступаться.

Мири быстро поправилась, а Ханс чувствовал себя все хуже и хуже, не выходя из глубокой депрессии. Его мучили кошмары и галлюцинации. Порой он начинал бредить и нести в горячке откровенную чушь о «защитнике», богине сострадания, коварном демиурге и адских мирах, где все непременно окажутся. Когда изматывающие разум видения отступали, ему ненадолго становилось легче, но потом все повторялось сначала. Припадки преследовали Ханса все чаще, доводя до исступления. Мири ходила черная от горя, но помочь ничем не могла.

К счастью, в Интернете всплыли какие-то документы «Осириса». Материалами сразу же заинтересовалась крупная тайская фирма, и вскоре в Рио прилетел ее генеральный директор.

Им оказался немолодой и крупный для тайца мужчина с тяжелым взглядом и черными, как уголь, глазами. Устало бухнувшись на диван рядом с Хансом, гость сунул ему в руки пачку бумаг.

— Меня зовут Винай. Подписывайте! — сказал он не терпящим возражений тоном. — Помочь можем только мы. Перевезем к нам на остров вместе с вашей девушкой. Вы получите полный и пожизненный пенсион.

— Разработка компьютерных игр? Исследование мозга? — заинтересованно спросил Ханс. Он чувствовал, что протянет здесь недолго. Терять нечего, а проклятому чипу нужен уход.

— Нет! — махнул рукой директор. — Издательская группа «Сансара». Одно из наших подразделений создает новый книжный формат на базе электронных устройств с обратной связью.

— Зачем же вам нужен я? — удивился Ханс.

— Наш гаджет отслеживает реакцию читателя, добавляя в нужный момент анимационный или звуковой ролик. Закадровый смех, тревожная музыка, звук боя, лирическая мелодия или ожившая романтическая картинка — все, что угодно.

— Но это уже есть в обычных фильмах...

— Фильм никогда не покажет мысли, переживания, мотивы и внутренний мир персонажа так, как это делает книга. Но на их стыке мы создадим нечто революционное. Такой чип, как у вас, может считывать информацию, реакцию и уникальные личностные особенности человека, чтобы обеспечить максимальное погружение в текст и дать новые ощущения. Наш гаджет добавит подходящий визуальный ряд, аудио-эффекты и даже запах. Воздействие на все органы чувств усилит впечатление от прочитанного на порядок. Это будущее книгоиздания.

Несмотря на обрисованные перспективы, тон директора казался безжизненным и равнодушным. Хотелось спросить о чем-то еще, но, заглянув ему в глаза, Ханс увидел в них то же озеро невероятной внутренней боли, что наполняло и его самого. Во взгляде собеседника плескались не волны романтической печали или светлой грусти, которые временами могут быть даже приятными. Нет! Там ревела бездна отчаяния, дочиста выжигающая любые надежды на то, что все когда-нибудь наладится. В этом они с Винаем были очень близки, и у Ханса возникло четкое ощущение, что он знал его раньше. Возможно, их роднило между собой то, что оба потеряли нечто бесконечно любимое и

дорогое...

«Сансара» оказалась богатой и влиятельной фирмой, почти самостоятельным государством с собственной полицией, мэрией и социальной службой. Ей принадлежала вся инфраструктура острова, включая порт, школу, крупный научно-медицинский центр и десятки отелей, ресторанов и дайвинг-центров, разбросанных по всему побережью.

За эти два года Ханс ежедневно проходил бесконечные обследования, принимал участие в бесчисленных экспериментах, но так и не понял, чем Винай в действительности занимается. Его невозмутимые специалисты больше походили на творцов биологического оружия, чем на книгоиздателей.

Порой Ханс задумывался, а не тот ли же это самый «Осирис», попросту сменивший название. Впрочем, лезть в дела фирмы он не собирался. Вполне хватало того, что кошмары и галлюцинации стали редкими и почти пропали. К несчастью, избавиться от душевной боли сотрудники «Сансары» так и не смогли, сколько бы Мири их ни упрасивала.

Если они так хорошо разбираются в мозгах, то почему не заблокируют или не сотрут мучительные воспоминания? Ханс иногда думал, что охотно бы согласился начать жизнь с чистого листа, пусть даже в другом мире или на чужой планете. Но уже через секунду его ужасала сама возможность забыть Атму. Не предательство ли это того единственно-ценного, что было в его жизни? А может, все же избавление от проклятия? Его любовь — редкая драгоценность или заразная болезнь, от которой невозможно избавиться?

Он не знал ответа.

Вздыхнув, Ханс слез с гамака и стал собираться в офис на очередное обследование. После ночной смены Мири будет ждать его там. Она скучала по работе и устроилась в ночной бар. Он не возражал. Пусть развлекается, ей и так досталось...

Дорога петляла вдоль моря мимо живописных доломитовых скал и утесов, но погруженный в себя Ханс не замечал этих красот. Сердце сокращалось, легкие дышали, а ноги машинально шли — наверное, в будущее, в котором не оставалось ни цели, ни смысла. Все погребло прошлое, но вот самого Ханса позабыли закопать вместе с ушедшим. И теперь пустая оболочка казалась живым человеком, послушно выполняя все, что от нее ни попросят...

«Найди меня! Найди меня!» — крик любимой ударил по ушам, застав Ханса врасплох прямо перед зданием медицинского центра.

Атма! Где она? Внутри, снаружи? Галлюцинация?

Оглушенный, он остановился посреди дороги и, беспомощно озираясь, не услышал визга тормозов. Страшного удара Ханс не почувствовал. Его подкинуло высоко в воздух, и к ногам застывшей в ужасе Мири упало изуродованное мертвое тело, которое еще секунду назад выглядело красивым мужчиной...

«Найди меня, Ханс! Найди меня!»...

Больше книг на сайте - Knigolub.net